

Глава 1. Большое знакомство.

Руки делают свое привычное дело. Порядок действий всегда неизменен. Основные движения выполняются в строго определенном порядке. Варьируется лишь сила и область применения. Да и еще допускаются некоторые нюансы, которые достигаются многолетним опытом. опытом и чутьем.

Поглаживание. Ладони скользят по коже. Никакого крема или масла. У каждого специалиста свои методы, свои привычки. Она не использует в работе никаких дополнительных добавок. Кожа к коже. Только ее руки и то, с чем они работают.

Растирание. Руки чуть горячеют. Кожа отвечает гиперемией. Это хорошо, это правильная реакция. Тело должно отвечать на воздействие. И кожная реакция - то, чего она добивается на данном этапе. Кожа становится теплой, пластичной. Теперь можно двигаться вглубь.

Разминание. Теперь надо попробовать добраться до мышц. Добиться и от них ответной реакции. Вот тут узел. Мягко, не грубо, так, чтобы то, что под руками, стало похожим на тесто, замешанное опытной стряпухой - эластичное, гладкое, без комков.

Вибрация. А вот теперь можно дать максимальную нагрузку. Когда тело хорошо прогретое, мягкое, послушное. Полностью отдается ее умелым рукам. Поколачивание, простукивание, осторожное скручивание в суставах. Чтобы проняло до самых маленьких мышечных и нервных волокон, до всех периферийных сосудов, достать до самых глубоких слоев.

А потом все в обратном порядке. Разминание. Растирание. Поглаживание.

Прижать горячие ладони к спине.

- Все, Ирина Ивановна, - Люда тяжело поднимается со стула. Последний клиент, устала просто до ломоты во всем теле. - Вы сегодня просто молодцом.

- Ой, Людочка, да я-то что! Это вы молодец! - она пытается приподняться.

- Нет, нет! Что вы, Ирина Ивановна, как в первый раз. Двадцать минут лежать как минимум. Потом обязательно попить, желательно теплого. А дверь я сама захлопну.

- Спасибо вам, Людочка, за ваши руки золотые. Как заново рождаюсь после вашего массажа. Никто так не делает.

- Привыкли уже к моим рукам просто, - привычно отшучивается Людмила. - Ну, все, до завтра. В это же время.

- До завтра, Людочка.

Неужели домой? Очередной бесконечный рабочий день, который начался в шесть утра, наконец-то завершился. Взгляд на часы. Двадцать минут девятого. Если повезет, к девяти будет дома. Хотя...

На улице метет. Зима пришла, как всегда, неожиданно. Снег лепит вторую неделю, коммунальные службы, естественно, не готовы. На дорогах черт знает что. Гололед, каша из снега, а по всему этому движутся машины, в которых водители, не успевшие перестроиться на зимний стиль вождения. Столько аварий, сколько за последние пару недель, она давно не видела.

Ее Мальвина дружелюбно подмигивает ей фарами, мелодично пищит брелок сигнализации. За тот без малого час, что она работала, синяя "Нива" превратилась в небольшой сугроб. Люда открывает дверь, достает щетку. Вполне может быть, что к девяти она домой не доберется.

Методично очищает машину, думая о своем. О том, что надо заехать на сервис к Саше, пусть проверит зажигание. Не нравится ей, как машина заводится. А впереди длинная зима, холода. Вдруг что-то случится. А без машины Люда как без рук. И без ног. И вообще - без всего.

Ее Мальвина. "Нива". Совсем не девичья машина. Но такая ей подходящая, учитывая, что Людмиле не приходится выбирать, в какие места ехать. Да и на погодные условия никто скидку не делает - клиент ждет ее в любую погоду. Поэтому ей была нужна машина повышенной проходимости. На импортный джип денег у медсестры, разумеется, нет - откуда? Даже несмотря на то, что у Люды, помимо работы на полставки в детском реабилитационном центре, имелась еще и солидная частная практика, которой она и жила, собственно. Но - не тот порядок доходов у нее, все равно.

Так и появилась у нее "Нива". К механике привыкала долго, машина глохла на каждом перекрестке. Но за четыре года Люда освоилась и теперь чувствовала себя королевой не асфальтированных проселков и засыпанных снегом дворов. И плевать на удивленные взгляды. Не привыкать.

Мальвиной же машина была названа за темно-голубой цвет. А еще за временами совершенно девичий капризный характер. Иногда Люда называла ее Маней, Манькой или Манюней.

- Ну что, Маня, поехали домой?

Автомобиль отвечает хорошо поставленным урчанием. А потом звонит телефон.

Все началось с Голоса. Да, именно так - Голоса с большой буквы. Незнакомые голоса в трубке были для нее делом привычным. В конце концов, у нее работа такая - с людьми, для людей. И поэтому ей звонили много и часто. Но такой голос она слышала впервые. Мужской, довольно низкий, глубокий. Но дело было даже не в этом. Было в нем что-то... В голове вдруг всплыло слово - бархатный. С ним надо было разговаривать, не отвлекаясь. И она замерла, согнувшись, так и не засунув щетку под сиденье.

- Людмила Михайловна?

- Да, это я.

- Мне вас рекомендовали.

Коротко и ясно. И ничего удивительного в этом не было, ее часто рекомендовали. Репутация, годами наработанная репутация, профессионализм и порядочность.

- Ясно. Слушаю вас.

- Нужен массаж.

А ее собеседник немногословен. Жаль, очень жаль, потому что такой голос - слушать бы и слушать.

- Детский? Взрослый?

- Детский? При чем тут дети? Взрослый, разумеется.

- Хотелось бы узнать некоторые подробности.

На том конце трубки вздохнули, как ей показалось - раздраженно.

- Назначена реабилитация после травмы позвоночника.

- Травмы позвоночника? Какой именно?

- Не знаю! - нет, обладатель бархатного голоса определенно раздражен. - Я не вникал в детали.

Более чем странно.

- Но мне нужно знать некоторые детали... Какая именно область травмирована? Характер травмы? Кто назначил массаж?

- Кто-кто... Врач!

- Выписка из стационара есть?

- Разумеется.

Ну вот, уже понятнее.

- Хорошо. Могу вам предложить через две недели, например, начать пятнадцатого...

- Нет. Через две недели меня не устраивает.

Очень лаконичный человек с ней разговаривает, однако.

- К сожалению, у меня расписано все время в ближайшие дни, так что...

- Значит, я обращусь к другому специалисту. До свидания.

- Подождите!

Пауза. Что она делает?! Видимо, ее собеседник задается тем же вопросом.

- Да. В чем дело?

- Я могу вам предложить... - нет, это безумие. Она просто сдохнет при таком режиме работы! Но упорно заканчивает фразу: - время на девять часов вечера. Если это вам не слишком поздно.

- Меня устраивает.

Черт! При таком раскладе она будет добираться до дома к половине одиннадцатого. Это самоубийственное решение. Она дура!

- Адрес?

Он диктует, Люда записывает его в извлеченный из бардачка блокнот. В принципе, почти по дороге. Хотя что-то положительное есть в этой ситуации.

- Ну, тогда завтра приступим? Я буду у вас к девяти.

- Хорошо.

- Вас зовут как?

- Григорий.

- Тогда до завтра, Григорий. Расценки вам известны?

- Нет. Ну, вот завтра и расскажете.

Вот оно что. Судя по адресу, это элитный жилой комплекс "Синяя звезда". И расценки не интересуют мужчину с интересным именем Григорий и еще более интересным голосом. Значит, можно заломить максимальную цену.

Вопрос о том, сколько брать за свою работу, каждый массажист решает для себя сам, исходя из спроса на свои услуги, цен коллег по цеху и собственной потребности в деньгах. Люда могла себе позволить брать дорого - у нее было имя, репутация и обширная клиентская база. И без малейших угрызений совести задирала цену - для тех, кто мог себе это позволить. Но и для тех, кто очень нуждался в ней, в ее руках, но не мог себе позволить платить полный прайс -

Люда назначала совсем иную цену. Такое постыдное по современным рыночным меркам робингудство она никогда не афишировала - это ее работа, ее деньги, ее право. Но в глубине души была уверена, что поступает правильно. Просто не может поступать иначе.

Медленно катя по заснеженным и - хоть какой-то прок от позднего возвращения домой - почти пустым улицам, Людмила размышляла. О том, какого лешего она сотворила такую глупость? И так к вечеру с ног падает от усталости. А теперь еще один поздний клиент. Нет, она точно сдохнет! Причина была одна и очевидна. Это чертов голос. Было крайне любопытно посмотреть на человека с таким голосом. Воображение рисовало банальное, но подсознательно ожидаемое - высокий рост, широкие плечи, тяжелый взгляд. Ей нравились именно такие. Люде казалось, что такой внешности хорошо бы подошел этот голос. И имя Григорий. Гриша. Симпатичное имя. Интересно, а его обладатель? Впрочем, завтра увидит.

- Люся, ты?

- Да, я, - Люда разувается, отбиваясь от стремящегося облизать ей лицо Моньки. Смешной вопрос. Ну, а кто это еще может открыть дверь их квартиры своим ключом?

- Кушать будешь? - Фаина Семеновна выглянула из кухни. - Суп с лапшой есть. Разогреть?

- Какое кушать, ба, - Мила поцеловала бабушку. - Уже поздно. Я в душ и спать.

- Ну, хоть чаю попьешь?

- Чаю можно.

- С пирогами. Я пирогов напекла, с картошкой и грибами.

Люда вздыхает. Ну что ты с ними будешь делать?!

- Тоня! - окликает бабушка свою дочь, маму Люды. - Пошли чай пить, Люська пришла.

- Ой, иду! - откликается мать из комнаты, там шумит из телевизора очередное шоу. - А я и не слышу!

Сила воли, разумеется, пасует перед бабулиными пирогами. И Люда, плюнув на угрызения совести, берет с блюда уже третий. Ела она в последний раз на работе, часов в двенадцать.

- Ты когда кушала сегодня? - мать словно читает ее мысли.

- Да только во "Фламинго" успела перекусить, перед выходом.

- Люся, когда ты уже бросишь эту работу?! Горбатишься ведь за три копейки!

Люда вздыхает. Сто раз говорили на эту тему.

- Мам, давай не сейчас, а? Я устала...

- Именно поэтому! Кому нужна эта работа? Получаешь шиш с маслом, а полдня псу под хвост! Вот бросила бы этот "Фламинго" - и с утра бы высыпалась как белый человек, и еще пару клиентов могла бы взять - за нормальные деньги.

- Мам, - морщится Люся. - Ну, мы же это уже обсуждали... Это официальное трудоустройство, стаж, для пенсии...

- С таким режимом работы ты не доживешь до этой пенсии! Это ты сейчас молодая, здоровая! И то едва держишься! А что будет через десять лет? Да даже через пять лет работы в таком режиме? Люся, послушай мать!

- Так! - Фаина Семеновна негромко, но веско хлопает ладонью по столу. - Нашли время такие разговоры разговаривать! Всем завтра рано вставать. Так что айда спать, девоньки. Посуду я помою.

О принятом решении Люда, разумеется, пожалела. Потому что к половине девятого, когда она села в машину и с наслаждением представила, что скоро будет дома, сил уже не было. А когда вспомнила... Люда уперлась лбом в руль. Да чем же она вчера думала?! Минута слабости превратилась в пять. А потом она все-таки поехала работать.

В "Синей звезде" она ни разу не бывала. Не было клиентов до этого раза. Люда набрала номер квартиры на домофоне. В ответ на щелчок коротко сказала: "Массаж". Дверь ей открыли.

Этаж пятый, квартира налево. Люда не успела нажать на звонок, как дверь распахнулась.

Широкоплечий атлет с мрачным взглядом из ее фантазий на проверку оказался совсем не таким. Людмиле очень хотелось верить, что на ее лице не отразилась хотя бы часть эмоций от вида...

Григория.

Невысокий, ниже ее. Не то, чтобы тощий, но... щупловат. По крайней мере, по сравнению с тем, что рисовало ее воображение. Лицо - ничего особенного, но приятное. Такое... обаятельное.

- Здравствуйте, Григорий. Я ваш массажист. Мы вчера договаривались по телефону.

- А... Здравствуйте. Проходите, - одетый в футболку и джинсы мужчина сделал приглашающий жест рукой, отступая вглубь квартиры. Похоже, он тоже слегка удивлен. - Только я Георгий.

- Ой, простите. Значит, я вчера не расслышала, - Люда снимает объемный пуховик, который делает ее и без того немаленькую фигуру еще больше. Ну да зима диктует свои правила. Главное, что тепло и удобно.

- Давайте, - Георгий забирает у нее одежду. - И вы не ошиблись. Звонил вам вчера и договаривался действительно Гриша. Но пациент - я.

- Ясно, - ну действительно, и голос совсем не тот. У Георгия приятный мужской голос, но совсем не такой, ради которого хочется совершать абсолютно самоубийственные деяния в виде дополнительных сеансов на девять вечера после забитого под завязку трудового дня.

- Григорий сказал, что выписка есть? - интересуется Люда, проходя в большую гостиную. Квартира предсказуемо шикарна.

- Да, вот, - ей протягивают лист бумаги в мультиформе. - А вы врач, да?

- Медсестра, - отвечает Людмила, параллельно изучая написанное. О, все просто отлично - изложено четко и понятно. - Ну, мне все ясно. Где будем работать, Георгий?

- А вас зовут как? - мужчина игнорирует ее вопрос.

- Людмила.

- Красивое имя, - он неожиданно улыбается. Обаятельная, мальчишеская у него улыбка. - А можно, я буду звать вас Люсей? А вы меня Гошей? Меня все так называют.

Трудно не улыбнуться ему в ответ.

- Договорились, Гоша. Так где будем массаж делать?

- На кровати? - тон его вроде бы невинный, но выражение глаз...

Люда усмехается. Все ясно с этим Гошей. Она по роду своей деятельности видела разных людей, и этот тип ей тоже знаком. Врун, болтун и хохотун.

- Предлагаю стол, - указывает рукой в сторону стоящего у стены большого деревянного стола.

- Стол? А не жестко?

- Нормально, - Людмила кивает головой утвердительно. - Я уже делала на таком. Пару махровых простыней подстелить - вообще

отлично будет: и ровно, и не жестко. То, что нам и нужно. И высота для меня удобная. А на кровати низко и...

- Хорошо, - соглашается Гоша. - Сейчас простыни принесу.

- Давайте, я сама застелю, - Люда берет из рук вернувшегося в гостиную спустя пару минут Гоши махровые простыни. - А вы пока раздевайтесь.

- Совсем? Догола?

Людмила усмехается, разглаживая руками махровую ткань. Предсказуемо.

- До трусов.

- А если я в стрингах? - Гоша аккуратно вешает футболку на спинку стула.

- Отлично, - Люда невозмутимо оборачивается к нему. - Это облегчает доступ к ягодицам. Где можно руки помыть?

Гоша, посмеиваясь, указывает рукой в сторону деревянной двери.

- Вы знаете, Люся, фраза об облегченном доступе к моим ягодицам, исходящая от красивой женщины для меня... слегка неожиданна...

Люда моет руки, улыбаясь своему отражению. Ну, надо же, ее называли красивой. Любезный. А еще, похоже, веселый. Комфортный клиент, хоть какой-то бонус за этот такой поздний сеанс. Все-таки личность клиента имеет значение. С веселым интересным человеком приятнее работать.

- Гоша, вы готовы?

- О, да... - демонстративно томно.

Люда широко улыбается. Работа обещает быть нескучной, как минимум.

У него хорошая фигура. Отлично сложен, хоть и не очень высок, наверное, где-то в районе ста семидесяти пяти. И никаких стрингов. Темно-голубые вполне приличные боксеры. Люда принимается за привычную работу. Первый сеанс, новый клиент. Важно понять, с чем придется работать, как реагирует организм.

Гоша пытается завязать разговор, подшучивает. С удовольствием бы поболтала, но не сейчас, не в первый сеанс, сейчас ей важнее почувствовать клиента, поймать контакт с телом. Поэтому на Гошу пришлось чуть рыкнуть, хоть и в шутку. Но Люда уже поняла, что с чувством юмора у него все в порядке. Так и вышло - Георгий шутливо поворчал в ответ и замолчал, задумавшись о чем-то своем.

- Ну, вот и все на сегодня. Сейчас не вставайте, нужно...

Ее перебивает звонок в дверь.

- Ой, это Гришка, - Георгий приподнимается на локтях.

- Гоша, я же вам сказала - не вставайте! Двадцать минут после массажа лежать. Я сама дверь открою.

- Хорошо, - тот покорно соглашается, снова кладет голову на согнутые руки.

- Вот и умница, - свободным краем простыни прикрывает мужское тело и идет открывать дверь.

Небольшая заминка с замками, но она справилась. И...

То самое, что ей представлялось при разговоре по телефону, заполнило дверной проем. Высоченный широкоплечий силуэт. Мрачный взгляд, который при виде ее наполнился удивлением. Нахмуренные брови, озадаченная складка между них. А потом недоуменно поджатые губы выдают:

- Людмила... эээ.... Петровна?..

- Михайловна. Да, это я, - Люда отступает назад. - Здравствуйте, Григорий.

- Здравствуйте, - он шагает через порог. - Черт, я совсем забыл...

В довольно просторном коридоре сразу становится тесно. Его много. Он реально здоровенный. Даже далеко не маленькой Люсе приходится запрокидывать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Темное пальто, в таких же темных волосах тают, поблескивая, снежинки. Или это седина? Лицо относительно молодое для седины, на вид - максимум на пять лет старше Люды.

- Гришка, ты? - раздаётся из комнаты.

- Я, Жоржета, кто ж еще, - он начинает расстегивать пальто. - Как он? Все нормально?

- Да, - если Люда и удивлена, то вида не показывает. - Мы уже закончили.

- Уже? Так рано?- он перестает расстегивать пуговицы и смотрит на часы на запястье. - Сколько массаж длится?

- Сегодня и завтра - по полчаса. А потом добавим до сорока пяти минут.

- Ясно. Ну, вам виднее.

- Разумеется, - кивает невозмутимо Людмила. Обернувшись в сторону гостиной: - Гоша, вам еще пятнадцать минут не вставать. И потом обязательно одеться тепло. И никакой нагрузки. Надеюсь, вы в

курсе? - это она произносит в пространство между двумя мужчинами. Интересно, кто они друг другу?

- В курсе, - вздыхает Григорий. - Нам доктор все объяснил.

- Ну, тогда до завтра, - Люда берет свой лежащий на банкетке пуховик. - Да, Григорий, насчет оплаты...

- Сколько с меня? - тот без лишних разговоров достает из внутреннего кармана пиджака портмоне.

- Смотри как оплачивать будете, - разговоры о деньгах ей всегда давалась нелегко, но за годы работы она себя приучила. - Можно за каждый сеанс, можно авансом сразу вперед за весь курс. Можно после окончания курса, в принципе, - последний вариант был ей неудобен - вот прямо сейчас деньги были бы кстати, ей надо заплатить автомеханику.

- Курс - это сколько?

- Георгию там назначено тридцать сеансов. Но это неразумно - вот так сразу тридцать. Неэффективно. Я вас советую сделать десять или пятнадцать, потом перерыв хотя бы в месяц. А потом еще.

- Хорошо. Давайте за пятнадцать сразу заплачу, а там видно будет.

- Как угодно, - соглашается Люда. Как все удачно складывается!

Надевает пуховик, убирает деньги в карман.

- Гоша, до завтра!

- До завтра, Люсенька, - несется из комнаты. И, уже явно не ей: - Ну что, Гриш, как там дела?

Закрывающаяся дверь гасит окончание ответа, произносимого усталым бархатным голосом:

- Как обычно, Жорик. Стабильно херово...

Монька едва не сбил ее с ног.

- Мам, что, с Мoneй не гуляли?

Пес смотрит на нее преданными глазами, энергично елозя по полу хвостом.

- Нет, доченька, не успела. Я пока по магазинам, да потом Лидию Тимофеевну проведать зашла, да потом...

- Я поняла. Тогда мы гулять.

Пес, услышав заветное слово, радостно взвизгнул, молниеносно исчез и вернулся уже с ошейником и поводком.

Мила со вздохом стала готовить ротвейлера к прогулке. Монти, умница, сидел тихо. Понимает, что хозяйка устала.

Моня, Монти, он же - Пантелеймон, появился в их квартире исключительно благодаря Люсиному мягкосердечию, за которое спорая на язык матушка называла ее иногда в сердцах "сентиментальной коровой". А бабушка высказалась по поводу появления Пантелеймона в доме кратко, но емко, в своей манере: "Один мужик в доме, и тот - кобель".

Монти Люся прибрала к рукам в доме очередного клиента. На перекормленного, едва перебирающего лапами ротвейлера было жалко смотреть. Ходить псу было явно тяжело, хозяйка же только сетовала, что собака совсем плохая стала, ходит в туалет прямо в квартире, хотя совсем молодая еще. И что сил ее нету терпеть больше, и надо усыплять. В последний сеанс Люда предложила забрать собаку, и Монти ей с радостью отдал. Вместе с Монти ей досталась его родословная, по которой он значился Монтегю, и его же страшное ожирение. В тот дом, кстати, Люся больше не приходила, хотя звонили, просились на массаж. Отказала, сославшись на занятость.

За три месяца пес из едва перваливающегося с боку на бок волосатого шара превратился в то, чем ему быть и положено - энергичную поджарую собаку, которая на прогулках рвала из под себя всеми четырьмя лапами так, что едва не роняла Люду, которая была отнюдь не пушинкой. Когда была возможность, они бегали с Монькой по утрам на стадионе находившейся в соседнем дворе школы. И диета была Моне предписана строжайшая, за соблюдением коей зорко следила сама Фаина Семеновна, а у нее не забалуешь. Кстати, из заморского Монтегю в нашего Пантелеймона пса перекрестила тоже бабушка. Сказала, что выражение морды у него - один в один с председателем колхоза, с которым у бабули во времена ее буйной молодости то ли что-то было, то ли не было - не поймешь. Но помнила она этого Пантелеймона отчего-то.

Рассеянно наблюдая за Моне, поднимающим настоящую локальную белую бурю на заснеженном пустыре позади дома, Люда размышляла - так же рассеянно и в противовес беготни пса - вяло. О постоянной усталости. О том, что времени ни на что не хватает. Не хватает, в первую очередь, на то, чтобы остановиться, задуматься - куда уходит ее жизнь. В феврале стукнет тридцать. Что она нажила к этим годам? Как говорится - ни ребенка, ни котенка. Мужика постоянного нет, собственного жилья - тоже. В последнее время ей вообще кажется, что в ее жизни нет ничего, кроме работы. Только

люди, много людей, которые бесконечной чередой проходят через ее руки.

Когда-то, лет семь назад, это казалось ей ужасно важным - добиться такого. Стабильного дохода. Репутации, когда не хотели ни к кому - только к ней, записывались за месяц или два вперед. Когда можно не переживать за завтрашний день и как и на что его прожить. Теперь она точно знает, что принесет ей завтрашний день. Как и послезавтрашний, и все последующие.

Она добивалась своего, того, что ей тогда казалось очень важным. Материального благополучия. Редкая вещь для медицинского работника, тем более - в ее все-таки достаточно молодые годы. А она прилично зарабатывала, именно на Людины деньги жила вся их семья - бабушка, мама и она. Да, ну еще Пантелеймон, разумеется.

Три поколения среднего медицинского персонала. И ничему ведь жизнь не учила, что на этом поприще денег не заработаешь, только время и нервы потратишь, а как следствие - личного счастья не видеть. Но так уж получилось, что Люда была потомственной медсестрой. И потомственной неудачницей в личной жизни. Бабушка, Фаина Семеновна Прокопенко, всю свою жизнь проработала акушеркой. Даже в войну. "А что ты думала, в войну люди не рожали?" - так отвечала бабуля на ее удивленные вопросы. Впрочем, тогда она была совсем молоденькой, совсем девчонкой и еще не акушеркой - просто санитаркой. Это потом, после войны, поступила в медицинское училище. Тогда же, после войны, она нагуляла себе дочь, Антонину. Именно нагуляла, так тогда это называлась. Но бабушка вспоминала об этом без стыда, хотя из-за той истории ей пришлось сменить место жительства. Ну как же - люди говорят! "Мужиков после войны мало осталось, - вздыхала бабушка. - Выбирать не приходилось. Вот и согрешила с женатым". Так на свет появилась Люсиная мама.

И снова история повторилась. Тоня выросла и пошла учиться в медицинское училище. Стала процедурной медсестрой. Дочь, правда, себе не нагуляла, Люда родилась в законном браке, но сути это не меняло - своего отца Люся видела только на фото. Родители разошлись, когда ей было чуть больше года. "Мишка - кобель, Тонька - дура" - так коротко отвечала Фаина Семеновна на все вопросы внучки. От отца Людмиле досталось фамилия-отчество и фигура. Если бабушка и мать были обе невысокие и хрупкие, то Люда...

Она вздохнула. Потом тут же велела себе прекратить жалеть себя. Сколько ж можно? К тридцати годам уже пора бы и смириться со своей внешностью. Нет, у нее были и достоинства. Например, их фамильные шикарные волосы, действительно, шикарные, светло-каштановые, предмет зависти подруг. И черты лица были довольно приятные, насколько она могла судить, глаза так вообще хороши - большие, миндалевидные, серо-голубые. Все перевешивала... да, именно так, лучше и не скажешь... перевешивала... фигура. Да и не сказать, чтобы фигура была какая-то уродливая. Довольно соразмерно все - и талия есть, и грудь, и бедра. И ноги не кривые и не сказать, чтобы короткие. Просто Люды было... МНОГО. Для начала, рост ее, далеко не самый миниатюрный - без пары сантиметров сто восемьдесят. Но это так-то и не беда вовсе, даже, наоборот - модельный рост, модный. Только вот остальное было не модельное. Тяжелый, как говорила бабушка, рабоче-крестьянский, отцов костяк. Люда была широка в кости. А еще она отличалась хорошим аппетитом.

На долгом и тернистом пути борьбы с собственной фигурой она прошла многое - прозвища "бегемот" и "пончик", как следствие - комплексы, диеты и голодания, как следствие - обмороки от недоедания, ночные набеги на холодильник и суровая отповедь бабушки на тему "Тощая корова никогда не будет грациозной ланью". В какой-то момент она просто плюнула на все.

А потом, когда в ее жизни появился Моня, и она задалась целью вернуть собаку в нормальный вид... Она вытаскивала сопротивляющегося пса на пробежку каждое утро - тогда у нее было как-то свободнее со временем. Затем пес привык и стал вытаскивать на пробежку ее. Потом она вдруг, на фоне вечно голодного Монти, которого держали на строжайшей диете, задумалась о том, что и как она сама ест... В общем, похудела она благодаря собаке. Хотя как сказать - похудела? Просто за год стабилизировала свою фигуру в районе пятидесятого размера, что было для нее ого-го каким достижением. И сама себе в кои-то веки даже немножко нравилась. Но пятидесятый - это все-таки пятидесятый... Не былой пятьдесят четвертый, конечно, но сейчас совсем не такие девушки в моде.

Ну и еще ей очень сильно помогла Маргарита Владимировна, или, как она просила себя называть - Рита. Она была очередным клиентом Люды, с банальным и очень распространенным диагнозом - грудной

хондроз, настоящий бич тех, кто вынужден вести преимущественно сидячий образ жизни.

Рита работала психологом. Люся к работе психологов относилась скептически, считала, что со своими тараканами в голове никто, кроме самого человека, не в состоянии разобраться. И вылечить человека не способно то, что не помещается в ампулу или блистер. Ну, и еще на это способны руки подготовленного, обученного профессионала. Медицина учит консерватизму.

Рита изменила ее мнение радикально. И вроде бы она ничего такого специально не делала, они просто разговаривали, пока Люда ставила на место расшалившуюся Ритину спину. Но за полный курс массажа Маргарита повиляла из не очень любящей говорить о себе Люды многое. Мила поражалась потом - она ли это все сама, по доброй воле, рассказала незнакомому человеку? Рассказала то, о чем не говорила никому, даже матери и бабушке. Получается, что все-таки сама. Она потом, уже после завершения курса, стала частым гостем в доме Риты. Наверное, можно сказать, что они стали даже подругами, несмотря на чувствительную разницу в возрасте. На ее вопрос - "Зачем?" Рита ответила неожиданно: "Мне захотелось, чтобы ты увидела себя настоящую. И перестала себя стесняться. Ведь ты меня со своими золотыми руками просто выручила".

Нельзя сказать, чтобы Рита добила своего стопроцентно. Что Люда совсем забыла про свои комплексы. Но они спрятались куда-то очень далеко. А Люда, пользуясь тем, что срезала с себя два размера одежды, сменила гардероб. Холеная, ухоженная, понимающая всю важность внешнего впечатления Рита, которая была на двенадцать лет старше Люды, а выглядела как ровесница, потратила немного времени на обучение Люси премудростям макияжа и укладки.

Теперь Люся тоже могла произвести впечатление. И вещи из обновленного гардероба, хорошего качества, стильные, она могла себе это позволить, а главное, подобранные идеально по размеру, смотрелась на ней просто отлично. И без минимального макияжа и укладки она теперь из дома не выходила, благо, хорошие волосы и кожа позволяли ей не тратить на это много времени. А уж если Люда ставила целью именно произвести впечатление - то она его производила. Еще какое. Она редко куда-то выбиралась, в основном с Ритой или Викой, подругой еще с училища. При желании Люся могла выглядеть очень эффектно. Хороший вкус в одежде, умение подчеркивать свои достоинства - шикарные волосы, красивые глаза,

хорошей формы губы. На нее оглядывались, она чувствовала взгляды, стараясь не задумываться о том, какой они носят характер. Но к ней никогда не подходили, не пытались познакомиться, не просили телефончик. Она все равно была слишком... Наверное, просто - слишком.

Да и без толку это все было. Ее все равно было слишком много, как ни крути. И худеть дальше бесполезно, бабушка права - грациозной ланью ей не быть. Да и чего ради? Все, что есть в ее жизни - это работа. Люди, люди, люди...

Мальчишка выскочил на дорогу внезапно. И пешеходного перехода тут не было. Только что была пустая дорога и вдруг - в паре метров от капота небольшая бегущая фигурка мальчишки лет десяти. Рефлексы сработали, запоздало, но - сработали. Двух-с-половиной-тонный автомобиль пошел юзом по скользкой дороге, Гриша выматерился сквозь зубы, чувствуя, как теряется сцепление с дорожным покрытием, гололедище страшный. Судорожные движения рулем, игра с педалью тормоза, выжать максимальный эффект, но все равно - АБС-ка ритмично бьет в ногу. Время будто замедляется, начинает течь очень плавно, вязко, он успевает заметить все - как темно-зеленый капот медленно, уже на излете, но соприкасается с мальчишкой, как тот выставляет вперед руки и буквально расплывается на капоте перед его лобовым стеклом, Гриша видит его огромные потрясенные глаза прямо напротив своих. Машина наконец-то замирает.

Время снова начинает течь с обычной скоростью. Пацан соскакивает с капота, рот шевелится, слов Гриша не слышит, но они легко читаются по губам мальчишки. Да и выставленный ему средний палец подтверждает. Стукнув для убедительности по капоту "Тундры", мальчишка убегает через дорогу по своим важным детским делам, так и не осознав, видимо, что чудом остался цел и невредим.

Григорий оттягивает от внезапно вспотевшей шеи шарф. Обессиленной рукой включает аварийку, дергает ручник. И упирается влажным лбом в руки, скрещенные на руле. Он просто физически сейчас не в состоянии проехать даже пару метров до обочины.

Проклятая усталость! Кратковременная потеря концентрации, чуть-чуть рассеялось внимание, задумался о своих делах насущных - и все! Чуть пацана не угробил. И то, что тот перебежал дорогу в том месте, где не было ни намека на пешеходный переход, Гришу все

равно не оправдывало. Случись страшное - и виноват, как ни крути, только он - Григорий Сергеевич Свидерский, тридцати пяти лет от роду, не женат, не привлекался, характер тяжелый, замкнутый. И даже тот факт, что последние пару месяцев он просто выбивается из сил, пытаюсь вытащить собственный бизнес из ямы, в которую он провалился благодаря идиоту Жорке, не играет здесь никакой роли. Все эти два месяца они балансировали, словно автомобиль на краю пропасти, парой колес уже повисший над бездной. Временами казалось, что вот-вот, еще чуть-чуть - и они все-таки опрокинутся назад, на твердую землю. А потом - бах, и снова дно пропасти качается перед глазами, и надо рваться из всех сухожилий, пытаюсь вытащить, качнуть ситуацию в другую сторону. Вроде бы, удастся. Но два месяца таких качелей, жизни на нерве, на разрыв, на игле плохих новостей его все-таки доконали.

Нет уж, что-то одно надо делать. Если спасаешь бизнес - так ни на что больше не отвлекайся. А то это может плохо закончиться. Как вот только что. Усталость и потеря концентрации может слишком дорого обойтись. В конце концов, у него же есть Валерий Павлович, пусть он за рулем ездит и возит его, Гришу, по делам. А то так и до греха не далеко.

- Палыч, забирай "Тундру". Будешь меня возить. Сам там между пацанами работу распредели, а ты теперь подо мной.

- Ого, - Валерий Павлович Гребенников, он же "Палыч" или "Старшой", как звали его остальные водители, аккуратно подцепил ключ с брелоком со стола. - Чего это ты, батька, удумал? Ты же не любишь пассажиром, все больше сам за рулем...

- Люблю, не люблю... Устал я, Палыч. И прекрати называть меня "батька". Какой я тебе батька, сам мне в отцы годишься.

- Не, ну как же... Батька наш, отец родной, кормилец...

- Палыч, не зли меня!

- Мы к тебе со всем уважением, любя же...

- Шреком вы меня тоже любя окрестили?

Валерий Павлович смущенно крякнул.

- Ну так ты это... сам виноват... Зачем эту рожу страшную на машине намалевал?

- Так вы ж сами мне на день рождения сертификат на аэрографию подарили! И потом - будто я не знаю, что вы меня еще до того так называли!

- Это все девчонки из бухгалтерии. После того как ты их там до слез довел.

- А не хер чаи гонять бесконечно! Я им не за это деньги плачу!

- Ну, - хмыкнул Палыч, - разбаловала их Лариса Юрьевна...

- Вот именно!

Валерий Павлович глянул искоса, но промолчал.

- Ладно, Григорий Сергеевич, как скажешь, - Гребенников прячет ключ от машины в карман, - под тобой так под тобой. Все, жду твоих указаний.

Григорий рассеянно кивнул.

- Ты с "Тундрой"-то справишься? Она здоровенная, да и тяжелая.

- Обижаешь, батька! Я в армии бронетранспортер водил!

- Ну, тогда точно справишься, - усмехается Гриша.

Глава 2. Большое недоразумение.

Определенно, характер нового клиента был компенсацией, бонусом за дополнительную нагрузку, за позднюю работу, из-за которой она теперь возвращалась домой ближе к одиннадцати. Ну, и деньги тоже были кстати, конечно. Хотя, деньги - они вообще всегда кстати.

Гоша оказался крайне приятным в общении человеком. С ним было удивительно легко. И Люда стала себя ловить на том, что ждет очередного сеанса в "Синей звезде" едва ли не с нетерпением. Она словно отдыхала душой в обществе Гоши. Он был умеренно болтлив, самоироничен и весьма неглуп. Идеальное сочетание для приятного, ни к чему не обязывающего разговора.

Они говорили о разном - о кино, о музыке, о погоде. Люда рассказывала забавные эпизоды из своей практики, Гоша искренне смеялся. Сама Людмила была довольна тем, как продвигалось дело, как реагировал организм клиента на то, что она с ним делала. О том, что с ним случилось, из-за чего он теперь нуждался в реабилитационном массаже, Георгий не рассказывал, что при его разговорчивости было отчасти странно. Но Люся не спрашивала. Интуитивно чувствовала, что, если не говорит сам - значит, тема ему неприятна. Точно так же Гоша мало касался своих дел, чем он занимается. Да и информацией о Грише он делился скудно, Люда так и не поняла, что связывает этих двух мужчин. Живут вместе, отношения, вроде бы, близкие. Братья? Совершенно не похожи, но бывает в жизни всякое...

Впрочем, к каким-то выводам можно прийти совершенно самостоятельно. Элитный жилой комплекс, роскошная квартира, модный дизайн. Гоша явно не бедствует, как и его... кто же все-таки? Брат? Друг? Ах, как же любопытно! У Гоши, это очевидно, приличное образование, судя по редким фразам - какое-то финансовое или экономическое. Причем он явно профи в своем деле. Чем занимается Григорий, непонятно. Но весь его облик, манера себя вести, говорить, свидетельствует о том, что он - большой босс. Очень большой. Высоченный плечистый босс. Кто же они такие? Люда давно не чувствовала такого любопытства относительно личности и обстоятельств жизни клиента. И тех, кто его окружает.

Она едва приступила к работе, как раздался звонок в дверь.

- О, Гришка рано сегодня. Откроете, Люся?

- Да, конечно.

Она не признавалась себе, но каждый раз внутри что-то вздрагивало при виде его огромной широкоплечей фигуры.

- Добрый вечер, - буркнул Григорий, шагая через порог. - Где этот гад? Уже на столе?

Люда растерянно кивнула.

- Гришенька, а ты чего это такой злой? - донеслось из комнаты.

- Мало тебя в детстве пороли, Жиденский! Ох, мало! Ты вот специально мое терпение испытываешь?!

- Между прочим, это низко - смеяться над фамилией человека! Я ее себе не выбирал! Не всем повезло с фамилией, как тебе! - Гоша отзывается глухо, он лежит, уткнувшись в согнутые руки, а Люда снова принялась за работу, с удивлением прислушиваясь к разговору. До этого дня Гриша приходил, как правило, уже к завершению массажа.

- А я тебе, Жидких, предлагал мою фамилию взять! Но ты ж гордый! Ты оказался! - Григорий устраивается в кресле неподалеку. Раздраженным движением ослабляет галстук, а потом и вовсе стаскивает его, засовывает в карман пиджака.

- Чего ради я должен твою фамилию брать? Что ты, муж мне, что ли?!

- Муж, не муж... - Гриша зевает, откинув голову на спинку кресла.

- А я тебе предлагал. Отказался от фамилии Свидерский - вот и живи теперь как... Жидких.

Гоша в ответ лишь фыркнул.

- Так, ты меня не отвлекай! - Гриша поднимает голову. - Скажи мне, вредитель-диверсант, где все мои рубашки?!

- Что ты орешь так, будто без рубашки на работу ушел? Насколько я вижу, на тебе вполне приличная рубашка.

- Она розовая!!!

- Тебе очень идет розовый, сладенький.

Ответом ему натуральный рык, Люся вздрагивает. И решает вмешаться.

- Вам действительно идет... эта рубашка, Григорий.

- А вас никто... - он все-таки осекается. И, обращаясь уже не к ней: - Жорик, я тебя предупреждаю! Если завтра в шкаф не вернутся нормальные рубашки...

- Ой-ой, - Гоша совершенно не впечатлен. - Вы знаете, Люся, кто это так озабочен своим внешним видом? Такой стилиста, что даже завидно. А не тот ли это человек, который еще пару лет назад надевал тельняшку под рубашку?

Гриша бурчит - неразборчиво и нецензурно.

- Представляете, Люсенька? Генеральный директор, серьезный человек - и тельняшка под рубашкой!

- Я никого не прошу заглядывать мне под рубашку!

- А желающих-то много...

- Я прибую тебя когда-нибудь, вот ей-богу! - грозит Григорий. Вдыхает: - В этом доме еда есть?

- Есть, - глухо отзывается Гоша, Люда прижимает его голову вниз, начиная работать с шеей. - Там суп грибной на плите. И в духовке я запек рыбу. Только не наедайся на ночь.

- А когда еще наесться? - Гриша встает с кресла, потягивается сладко, до хруста в плечах, а Люда вдруг некстати обращает внимание, как натягивается на груди нежно-розовая рубашка. - Хотя раз в день надо.

Проходит неделя. Людмила довольна тем, как продвигается дело. Более того, ее собственное мнение подтверждает и Гоша, который на вопрос о самочувствии и ощущениях в спине отвечает ей весьма провокационно. Но суть ей, определенно, нравится.

- Люся, топ аті, волшебница! Ни одна женщина не дарила мне такого наслаждения.

Люда не выдерживает и смеется.

- Ох, Гоша... - руки же продолжают работать. - Это лестно слышать, но я бы хотела узнать, как болезненные ощущения в спине? Усталость при длительном вертикальном положении?

- Лучше, Люся. Просто несравнимо лучше. Я даже не ожидал, что за такой короткий срок будет такой эффект.

- Почему? - тон ее если не обиженный, то недоуменный. - Я работала с такими травмами. Все идет, как и должно. Через неделю будет совсем хорошо. А потом еще попозже закрепить результат. И можно хоть на свадьбу!

- Люсиль, звезда моя! Я совершенно не хотел тебя обидеть! - они как-то незаметно перешли на "ты". В отличие от Григория, с которым они по-прежнему на почтительное и равнодушное "вы". - Еще неделю такого кайфа - и я решу жениться на тебе!

Люда снова ответно смеется.

- Я уверена, что спину твою мы сможем полностью восстановить. Несмотря на то, что травма была серьезная, - она сделала небольшую паузу, но Гоша снова проигнорировал ее слова. Все предельно ясно - он не хочет говорить об этом. И Люда продолжила: - Так что будешь полностью дееспособен. Как новенький. Чем не жених?

- Всем не жених, - неожиданно невесело отвечает Гоша. - Не до этого сейчас. Мне на работу надо, вот край как надо. Без меня там Гришка погибает. А я пока ни сидеть толком не могу долго, ни ходить.

- Все будет хорошо, - дежурно-успокаивающе произносит Мила. Значит, они коллеги. Живущие вместе коллеги. Ну, до чего же любопытно!

- Как там на улице, Гриш?

Люда заканчивает массаж, Григорий сидит в кресле неподалеку, задумчиво прихлебывая чай из дымящейся кружки. Он редко балует их своим обществом. Обычно, если приходит раньше, то скрывается где-то в недрах квартиры. Но не сегодня. Сидит рядом и рассеяно наблюдает за ее действиями.

- На улице снежный Армагеддон. Палыч изматерился весь.

- И я его понимаю. У тебя не машина, а бегемот. Вот зачем тебе такой монстр? А эта... аэрография?!

- Нравится, - коротко отзывается Гриша.

- Нравится ему! Вот представляешь, Люся, - в последнее время Гоша завел привычку постоянно апеллировать к ней при разговорах

с... товарищем по квартире? - вот этот вот... человек... по имени Свицерский Григорий Сергеевич... между прочим, серьезный, уважаемый, вроде бы, человек ездит... знаешь, на чем?!

- На машине, - Григорий по-прежнему невозмутим.

- Это не машина, Люсенька! - Гоша демонстративно обращается именно к ней. - Это чудовище! Тойота Тундра, слышала про такое?

- Слышала, - сдержанно кивает Люда, стараясь не улыбаться. - И видела.

- Ну и как, по-твоему, Люся, это что - приличная машина бизнес-класса, подходящая для директора крупной компании? На ней только навоз возить в сельской местности! Я уж не говорю о том, что эту баржу припарковать - это отдельный цирк! Вот зачем тебе этот танк?!

- Как машина для перевозки навоза она слишком дорого стоит, ты в курсе. Так что не надо чушь нести. Может быть, я всю жизнь хотел именно такую машину? И вообще - какой смысл быть директором, если не можешь ездить на том, что тебе нравится? - пожимает плечами Григорий.

- А статус? А впечатление на партнеров?!

- А для этого есть твой Audi.

Гоша шумно выдыхает, Люсины руки мягко сжимаются на его плечах.

- Гоша, лежите спокойно, пожалуйста, - произносит она негромко.

- Гришка, ты знаешь, что говорят про тех, у кого огромная машина? - не успокаивается Гоша.

- Им завидуют? - вопросительно выгибает бровь Гриша.

- Про комплекс Наполеона слышал? Чем больше машина, тем меньше...

Григорий смеется - искренне, раскатисто. И от его смеха у Люды вдруг отчего-то вздрагивают пальцы, и кожа на руках покрывается мурашками. Если голос у него бархатный, и к нему она уже немного привыкла, то смех... Даже и слова не подобрать - какой. Она в первый раз слышит, как он смеется, он, как правило, привычно хмур и серьезен, даже мрачен. А сейчас он смеется, и она вдруг понимает, что этого мужчину хочется развеселить, как угодно, лишь бы просто еще раз услышать этот мягкий, низкий и удивительно приятный смех.

- Ох, Жоржета, насмешила, - Гриша отсмеялся. - Комплекс Наполеона, как же... А то ты не знаешь, что у меня маленькое, а что большое.

- У тебя самомнение большое, - огрызается Гоша, - а вот мозг...

- Да ну тебя! - отмахивается Гриша. - Моя машина, на чем хочу - на том и езжу!

После этого диалога, после слов "что у меня большое" у Люды появляется смутное ощущение, что она чего-то не понимает в их отношениях. Или - понимает, но верить не хочет.

- Люся, ты не представляешь, как с ним трудно, - Гошины слова ей, как минимум неожиданны. Но любопытство сильнее.

- Почему? - она старается говорить как можно небрежнее.

- У Гришки характер... - он замолкает.

- Тяжелый? - подсказывает Люда.

- Неприподъемный. Замкнутый. Заносчивый. Все лучше всех знает. Все хочет делать только сам, и хрен его переспоришь. С ним дело иметь очень сложно.

- Ааа... - в свете ее последних мыслей и подозрений она просто не знает что сказать. - Ну, бывают такие люди...

- На мою голову они бывают, - отзывается Гоша со вздохом. - С ним жить под одной крышей временами попросту невозможно. Я так устаю иногда... знала бы ты...

Люда молча продолжает работать. Да неужели же это правда?..

- Он такой... самец. Сам, все сам. А знала бы ты, как он орет, когда злится...

Почему-то Люда очень ярко может это себе представить. Несмотря на бархатный голос, она почему-то очень отчетливо может себе представить, как Гриша может орать. А Гоша подливает масла в огонь:

- Хам. Грубиян. Или может молчать неделями, когда дуется. И без толку с ним договариваться. Вот он вбил себе в голову - и все! Туши свет, сливай воду. И думай, Георгий Александрович, как тебе теперь с ним контакт налаживать.

Люда пытается себя убедить, что она что-то не так понимает. Но все складывается в одну не поддающуюся никаким другим внятным объяснениям картину.

- Он со мной после выписки из больницы две недели вообще не разговаривал, представляешь? Нет, я все понимаю, я сам виноват...

- Нельзя так, - не выдерживает она.

- Да кто его знает, можно или нельзя, - голос Гоши серьезен и грустен. - Получил я по заслугам, и у Гришки есть сто одна причина злиться на меня. Но это все... непросто.

На эти слова Люсино сердобольное сердце не может не отреагировать. Она молчит, но ей искренне жаль веселого, открытого, искреннего Гошу. Которому так "повезло" с... Нет, в это решительно невозможно поверить!

Вечером, возвращаясь домой, она не может думать ни о чем другом. Будто мало у нее поводов для раздумий! Но эти двое категорически не хотят выходить у нее из головы.

Гоша. Невысокий, стройный, хорошо сложен. Приятное лицо, стильная стрижка, ухожен. Умный, ироничный, обаятельный.

Гриша. Здоровенный, мрачный. Про таких говорят - brutальный. Немногословен, лаконичен, уверен. Даже - самоуверен. Во всем облике читается - самец, мужик.

И эти двое живут вместе, в одной квартире. Работают вместе. У них разные фамилии, разные отчества. И так сильно отличаются друг от друга внешне и по характеру. Братья? Не похоже...

А на что похоже? Гриша называет Гошу "Жоржета". А Гоша Гришу - "сладенький". Гоша готовит еду в их совместной квартире. И следит за Гришиным гардеробом. А еще он в курсе, что именно у Гриши "большое". И разговор про разные фамилии и Гошино: "Ты не муж мне". И еще куча всяких мелких деталей вдруг всплывает в памяти.

Эти двое... холеный стройный Гоша и огромный brutальный Гриша. А вместе они... Люда никогда не задумывалась об этой стороне жизни, понятия не имела, как выглядят такие люди, клоуны из числа попсы - не в счет. Так вот, получается, какие они - геи?! Вот такие?! Так выглядят мужчины, которые любят других мужчин?! Предпочитают их женщинам?! Ооохххх, как же за Гришу обидно-то! Такой экземпляр! Да и за Гошу, в общем-то, тоже обидно.

Сегодня суббота, последний сеанс. Люда немного перетасовала график и попросила Гошу перенести массаж на утро. Может быть, получится успеть закончить дела раньше и лечь спать. И даже, чем черт не шутит, выспаться, ведь завтра воскресенье! Первый ее свободный день за последние три месяца.

Гоша великодушно согласился, и поэтому в пол-одиннадцатого она звонит в домофон в "Синей звезде". Думая о том, что сегодня последний сеанс. Потом - перерыв. А она так и не поняла ничего про этих двоих. Кто такие, чем занимаются. А самое главное - кто они друг другу? Собственно, она раньше никогда и не интересовалась

такими вещами. Как правило, клиенты сами охотно о себе рассказывали, а она умела слушать. Но эти же... Ведь не считала себя любопытным человеком - а вот поди ж ты! Сладкая парочка, Гоша и Гриша, не давали покоя ей уже две недели. Неужели то, во что так не хочется верить, правда?

Гоша открывает ей дверь, радостно улыбается. Поздоровавшись и сняв верхнюю одежду, Люба привычно двигается в сторону ванной комнаты, вымыть руки перед работой - это рефлекс. К двери она подойти не успевает - та открывается ей навстречу. И, одновременно:

- Ой!

- Какого хрена?!

Из одежды на нем - единственно, синее полотенце. Одним краем которого он вытирает мокрые волосы. А другой край свисает вниз, удачно прикрывая то, что в данных обстоятельствах прикрывать в первую очередь и следует. Именно это позволяет утверждать, что мужчина не полностью наг. Почти, но не абсолютно.

Гриша смотрит на Люду со смесью раздражения и удивления. Она же просто стоит молча, позорно приоткрыв рот и пялясь, иначе не скажешь, именно пялясь, на него - голого и влажного.

- Тьфу, черт! Вы-то тут откуда?..

Она не отвечает, Гоша давится смехом за ее спиной.

Из всего, что можно было сделать в такой ситуации, Григорий сделал самое неправильное. Он развернулся обратно в ванную. Сзади полотенца не было. И со стороны спины он был наг без каких-либо "почти". Просто - наг.

- Гришка, прекрати задницей сверкать! Я ревную, в конце концов!

- Гоша единственный, кто, похоже, получает удовольствие от происходящего.

Сама Людмила по-прежнему пребывает в состоянии легкого ступора. Голые мужики не были частью ее повседневной жизни. Более того, даже эпизодами такое счастье не появлялось. В первый раз лицезрела вот такое - во всей красе. Клиенты-мужчины под ее руками почему-то даже не вспомнились. То ли потому, что трусы всегда наличествовали, то ли потому что как мужчины не воспринимались вовсе. Клиент пола не имеет, как известно.

- Люся, руки на кухне можно помыть, - у Гоши голос так и сочится ехидством. - Что, хороша у Гришки задница? Многим нравится...

Щеки вспыхнули, достойного ответа не нашлось. И она прошла в кухонную зону мыть руки.

На стукнувшую дверь ванной комнаты она демонстративно не повернула голову, продолжая сосредоточенно работать. Пусть хоть совсем голый по квартире ходит, его квартира, в конце концов, он здесь живет, имеет право. А ей... ей все равно!

Это был чистейшей воды самообман. Ей было не все равно. Какого-то черта ей было не все равно! Очередные слова Гоши почти уверили ее, что... Похоже, это все-таки правда. Они геи. Пальцы ее сжались слишком сильно, Гоша вздрогнул.

- Ой, прости, Гош. Задумалась.

- Все о Гришкиных достоинствах думаешь? - подначил ее Георгий. - Он у меня мужчина видный, успехом пользуется. Приходится следить, за ним глаз да глаз нужен...

Она только хмыкнула в ответ. Что тут скажешь-то?

Предмет их беседы вернулся. Уже одетый. Пижамные штаны кошмарной желто-черной клетчатой расцветки и футболка, пережившая свои лучшие годы еще пару лет назад, судя по всему. Удобно и непрезентабельно, с ее присутствием в доме явно считаться не собирались. Она в первый раз видит его в такой домашней одежде. Да и без оной тоже сегодня... в первый раз. А до того исключительно в костюме лицезрела Григория Сергеевича. И надо сказать, что и вот в такой вот отнюдь не парадной одежде Гриша выглядит... эх, какой же экземпляр пропадает!

- Гришка, тебе не стыдно? - Гоша тут же реагирует на появление третьего в комнате. - Смутил Люсеньку...

- Мне не бывает стыдно, ты ж в курсе, - Гриша неспешно проходит мимо стола в кухонную зону. - И потом - с чего ради вы с утра? Вечером же всегда было?..

- А мы перенесли, - парирует Гоша. - И я тебе, между прочим, вчера говорил!

- Забыл, - тон Гриши невозмутим. - Жоржета, я так понимаю, что завтрак мне самому готовить?

- Можешь один раз и сам приготовить, Григорий Сергеевич. Не переломишься.

Краем глаза Люда видит открывшуюся дверцу холодильника.

- На тебя жарить яичницу? - интересуются из кухонной зоны.

- С салом и луком? Увольте!

- Не с салом, а с грудинкой. И тебе же хуже. Мое дело предложить.

Люда работает, вполглаза наблюдая за передвижениями Гриши в кухонной зоне. Эх, такой мужик и надо же... Фигура у него просто отличная - такая настоящая мужская фигура, натуральная, не накачанная, а от природы правильно сформированный тестостероном силуэт - широченные плечи, мощные руки. Да и прочее... хм... не подкачало.

Лицо... вполне симпатичное, не писанный красавец, конечно, черты простые, даже грубоватые, но и не урод отнюдь. Недурен собой, явно обеспеченный. Мог бы составить счастье какой-нибудь девушки, а вместо этого... Все три поколения женщин с несложившейся личной жизнью взбунтовались в ней. Как же это несправедливо! Чем ему женщины не угодили?! Взгляд ее падает на то, что непосредственно под ее руками. Чем Гоша лучше какой-нибудь симпатичной девчонки?!

Нет, Георгий тоже по-своему привлекательный. Но ведь они оба мужчины... Почему так? Она с силой разминает Гошину поясницу и вдруг в голову приходит мысль - неожиданная, но в свете того, о чем она думает в последние минут пятнадцать - не такая уж и удивительная. А как оно вообще... происходит? Теоретически представляет, конечно. Что и куда. Взгляд падает на обтянутые в этот раз серыми с синими полосками плавками мужские ягодицы практически под ее руками. При попытке представить определенную картину к горлу подкатывает тошнота. Почему-то даже сомнений не возникает, что из них двоих именно Гошу... Ох, лучше не думать об этом! Неважно у нее с толерантностью! Ей все это не нравится, ей жалко, что Гоша и Гриша... такие. А еще ей нравятся они сами, просто как люди. И что заставило их сделать такой выбор?...

С кухни доносится шкворчание и запах - пахнет жареным луком. Кому-то этот запах может показаться не очень приятным, а Люсе вдруг захотелось есть. А ведь она завтракала дома - бабушка заставила.

Ну, вот и все. Последний сеанс закончен, Люся одевается в прихожей. Гоша, несмотря на все ее возражения об обязательном "двадцать минут лежать", вышел ее проводить. Тут же и Гриша, с кружкой, источающей запах хорошего свежесваренного кофе.

- Так, Гоша, я тебя через месяц к себе вписала, - Людмила застегивает пуховик. - Ближе к началу курса, за пару дней созвонимся, точное время утрясем. Там у нас как раз под Новый Год получается, так что надо будет заранее обговорить, чтобы перерыва не было. Мало ли...

- Мы никуда не уезжаем. В городе остаемся. Так что я буду ждать тебя - верно и преданно.

- Хорошо, - улыбается Люся. - Договорились. И еще... упражнения, что я тебе написала, делать каждый день. Нагрузку на спину...

- ... дозировать! - заканчивает за нее Гоша. - Да, Лютик, я все прекрасно помню. Я буду послушный мальчик.

Именно эти слова служат словно катализатором. Хотела промолчать, не ее это дело, но внутри что-то требовало - сказать, убедиться окончательно, что все именно так, как ей и кажется. Потому что верить не хотелось. Ну, а вдруг?...

- Очень рада была познакомиться с вами, - начинает она нерешительно. - Вы очень приятные люди.

- Мы тоже рады, Люсенька. Ты замечательный специалист. А когда замечательный специалист оказывается еще и красивой женщиной, так это просто - ВАУ! - Гоша отвечает как бы за обоих стоящих в прихожей мужчин, Гриша молча и невозмутимо прихлебывает кофе, никак не реагируя на Люсины слова.

- А вы... хм... - ее решительность как-то вдруг совсем убывает, но она все-таки заканчивает фразу, - очень... гармоничная пара.

Ах, как же это лицемерно! Но толерантность - это модно.

- В самом деле? - улыбается Гоша.

- Что значит - пара? - синхронно произносит Гриша, со стуком ставит чашку на полочку, рядом с лежащими там перчатками и шарфом.

- А... ну... вы же пара... Нетрадиционная, я понимаю. Но все равно же... можно так сказать... что вы пара... - Люда все больше путается в словах.

- Что ты ей сказал? - у Гриши тихий, очень-очень тихий голос. Такой... страшно тихий.

- Ничего, - Георгий безмятежно улыбается. - Ко всем выводам Люся пришла совершенно... самостоятельно.

Есть такое выражение - пар валит из ушей. Вот сейчас Людмиле кажется, что она видит его - этот пар из ушей. Как стремительно

разливается краснота - от выреза футболки, выше, по шее, на щеки. "Сейчас бабахнет" - мысль отстраненная, но кажущаяся ей удивительно верной. И оно бабахает.

- ОН МОЙ БРАТ!!! - бархатный голос таки умеет орать. И кулак ударяется в стену в полуметре от Гошиной головы, а тот даже и глазом не моргает на это. - Брат он мне! По матери! Отцы разные, а мать одна! Что вы там себе напридумывали?!

Люся может лишь растерянно моргать. Братья?! Все-таки братья?!

- А ты?! - напускается Гриша на брата. - Вот специально же это сделал?! Нарочно?!

- Да если чуть-чуть только... подыграл... - Гоша нимало не смущен. - Зато забавно получилось... сладенький...

Рык и нечленораздельные маты. Еще удар кулака в стену. А потом все-таки внятно, хоть и громко:

- Допрыгаешься! Вот сейчас ведь вспомню наше детство босоное! И возьмусь за ремень!

- Ой, да ладно, - Гоша по-прежнему не демонстрирует ни раскаяния, ни испуга. - Было всего один раз. И еще неизвестно, кому хуже было после этого. Напомнить тебе, как ты перепугался сам? И прощения у меня просил?

- Иди ты к черту! И вы, - обращаясь уже к буквально замершей как соляной столп Люсе, - тоже идите к черту, Людмила... Михайловна! Голову надо использовать, чтобы думать! А не только, чтобы в нее есть! Ваше счастье, что сегодня последний день вашей работы здесь! Потому что видеть вас еще раз нет никакого желания, ясно? Всего хорошего!

Перед ней распахнули дверь. Мешкать Людмила не стала.

Расплакалась она уже только в машине. Зато навзрыд и от души. Вот казалось, было бы с чего? Взрослая женщина, в силу профессии повидала всякого-разного, но до сих пор не утратилось что-то в душе. Что-то, что позволяло делать этой душе больно.

Ну, подумаешь, накричали на нее. Даже, в общем-то, не так уж сильно. И, собственно, повод имелся для крика, какой-никакой, а имелся.

Но обидно было просто смертельно. Ревела, уткнувшись лбом в скрещенные на руле руки. Непонятно, отчего больше. То ли от того, что Гоша, который ей так по-человечески был симпатичен, не очень по-доброму пошутил над ней. То ли потому, что Гриша, который ей был еще более симпатичен, наорал и оскорбил ее. Все вместе. Да, и,

похоже, клиента она все же лишилась, при таком-то настрое Гриши. Во всей этой ситуации был только один положительный момент. Они все-таки не геи. И, возможно, какой-то девушке достанется такое... счастье. На этой мысли Люда сквозь слезы усмехнулась. Собственные предположения, еще четверть часа назад казавшиеся такими разумными, теперь выглядели просто смехотворными. Да какие же они геи?

Георгий стоит у окна и смотрит на и не думающую отъезжать от подъезда синюю машину. Смотрится "Нива" среди "Ауди" и "Инфинити" весьма колоритно. Стоит, с места не трогается. Уже пятнадцать минут прошло, а Люся все не уезжает. Он почему-то уверен - она там плачет, внизу, в синей машине. Вот скотина, Гришка, довел девчонку до слез. Обидел ребенка. Да и Гоша сам тоже... хорош.

Он ее именно так воспринимал с самой первой встречи. Несмотря на то, что они были ровесники с разницей в несколько месяцев. Несмотря на то, что она крупнее и выше его. Несмотря на то, что их отношения "массажист-пациент" предполагали ее главенствующую роль. И он послушно подчинялся всем ее словам и рекомендациям во всем, что касалось его собственной спины. Но что касалось всего остального... Он казался себе на фоне ее гораздо более старшим, циничным, что ли. А в ней чувствовалась что-то детское... Нет, не инфантильность. А что-то такое... чистое, наивное... Из тех времен, когда ты еще веришь в чудо. За ухоженной, симпатичной, чуть крупноватой женщиной виделась девочка с длинными косичками и распахнутыми всем чудесами мира глазами. Странно, конечно. Но он ее воспринимал именно как... едва ли не как младшую сестру, которой у него отродясь не было. Только старший брат с тяжелым, временами просто скверным характером.

- Гришка, тебя хоть немного совесть мучает? - он оборачивается к устроившемуся на диване с кипой бумаг брату. - Зачем ребенка обидел?

- Ребенок - это вот эта толстая корова? - Гриша не отрывается от бумаг.

- Грубо, Григорий Сергеевич, очень грубо. Люся, между прочим, очень симпатичная.

- Возможно, - Гришка все так же занят документами. - А еще она очень большая.

- Если мне не изменяет память, последний раз, когда некто вставал на весы, то они показали трехзначную цифру. После чего некто заявил, что весы сломаны. И больше на них не вставал.

Гриша наконец-то отрывает взгляд от листа в своих руках. Одаривает младшего мрачным взглядом.

- Во-первых, мышцы - они тяжелые, знаешь ли! Это тебе не жир!

- А во-вторых?

- Во-вторых, я мужчина, и мне можно!

Гоша садится рядом, отодвинув бумаги.

- Ты повел себя, как дурак, признай. Невинная шутка, всего лишь. А ты разорался, будто и правда на твою честь покусились...

- Иди к черту!!! - Гриша снова срывается на крик. Потом вздыхает, раздраженным жестом проводит рукой по волосам. - Вот за каким бесом ты это устроил?! Что, скучно стало?

- Да что такое с тобой, Гриш? С твоей гомофобией надо что-то делать... И потом, это просто шутка. А ты на девочку сорвался...

Гриша молчит, опустив голову вниз, и сцепив руки замком на затылке. А потом поднимает лицо.

- Устал я, Гошка. Капец как устал. Нервы ни к черту...

Гоша молчит в ответ. Да и что сказать? Прощения у брата он уже просил, и не раз. Сейчас же сказать просто нечего. Слова все сказаны. Теперь надо делом помогать. Люсиными стараниями он более-менее способен вернуться в строй. Пора показаться в офисе.

- Что там у тебя? - протягивает руку, берет скрепленные листы.

- Ответы из двух банков, - вздыхает брат. - Давай, читай, финансист. Может, у тебя появятся гениальные спасительные идеи.

Глава 3. Большая работа.

- А она у вас совсем не кричит...

- Да с чего бы ей кричать? Я ничего неприятного не делаю, правда, Полиночка? - Люда улыбается сначала лежащей на массажном столике пятимесячной девочке, потом - ее матери. Ребенок довольно пускает пузыри из слюны, Люсины руки заняты привычным делом, можно и поговорить, к тому же маме маленькой Полины явно хочется общения.

- Мы, когда первый раз массаж делали... не у вас, у другой массажистки...такая полная...

- Я тоже не худышка.

- Нет! Вы нормальная. А она - такая... Ой, как же ее зовут... Тамара... Тамара...

- Тамара Витальевна?

- Да, точно! Полина у нее криком кричала, все десять сеансов. Я еле выдержала... А она говорила, что это нормально. Особенно для таких детей... как здесь.

Людмила молчит. Что тут скажешь? Без комментариев. Ничего хорошего она все равно сказать не может про коллегу. Но сор из избы выносить смысла нет. Без толку это.

- Мне кажется, она вообще детей... не любит, - говорит вдруг тихо мама Полины. - Зачем идти на такую работу, если детей не любишь? Тем более - таких сложных детей. Их никто... не любит.

- Ребенка надо любить, - отвечает Люда, негромко, но твердо. - Ребенка должны любить родители. Это самое главное. Любить, каким бы он ни был. Он же не виноват ни в чем. А Тамара Витальевна... да забудьте! Что вам за дело до нее?

- Да просто я, пока к вам не попала, думала, что все массажисты такие. А, оказывается, бывают и другие... Вот бы всегда к вам попадать.

- Ну, я здесь, и никуда уходить не собираюсь. Так что - записывайтесь. Буду рада вас видеть на следующем курсе. Эффект-то есть от массажа, явный.

- От вашего - очень! - горячо соглашается мама Полины. - Вы вообще человек такой... хороший... понимающий...

- А как иначе - при нашей работе? - Люся улыбается. Но ее собеседница не может улыбнуться ей в ответ, у нее дрожат губы, и она отворачивается, вытирая выступившие вдруг слезы.

Люда молчит. Говорить что-то бессмысленно. Это личная беда человека, только он один с ней может справиться. За годы работы во "Фламинго" она видела много страшного. Такого, от чего она сама, молоденькая девочка, первое время не могла сдержать слез. Но быстро поняла, что от ее слез толку нет. А вот от рук ее, от ее умений прок есть. И она работала. Училась, наблюдала, старалась понять, как можно сделать лучше. Как помочь таким детям. Которые ни в чем не виноваты.

Ее маленькие пациенты. Здесь не было здоровых детей, которым массаж делают для стимуляции общего развития. Нет, в детском специализированном неврологическом центре "Фламинго" были совсем другие пациенты. Синдром Дауна, детский церебральный паралич, тяжелые последствия родовых травм и менингитов,

эпилепсия... Каждый день. Чужая боль. Чужое горе, которое принималось как свое. Потому что дети.

Первое время она приходила с работы, закрывалась в своей комнате, ложилась на кровать, лицом в стену. И ревела. Мама уговаривала ее уволиться. Сидела рядом, гладила по спине и увещевала: "Люся, ну не мучай себя так. Не всякому эта работа подходит. Что ж делать, если ты у меня такая... чувствительная". Ей было двадцать два. Наивная, не выдавшая в жизни настоящего горя. Тепличный цветок, выращенный бабушкой и мамой.

Она не уволилась. Не понимала, почему. Что-то внутри уперлось, необъяснимое. Но она осталась. Что самое удивительное, так и не смогла обрести панцирем равнодушия. Со временем острота восприятия притупилась. Она насмотрелась всякого, разных детей, разных родителей. Стала воспринимать все это спокойнее. Убеждала себя, что от ее эмоций пользы нет. А вот от ее спокойствия, собранности и умений есть польза, да еще какая. Впрочем, слезы и срывы все равно случались, но гораздо реже. Мать, так и не сумев убедить, в сердцах называла ее "сентиментальной коровой". Но даже это не заставило Люсю бросить работу во "Фламинго". Только ей быстро пришлось перейти на полставки, потому что кушать надо, лекарства бабушке покупать надо, а из них троих зарабатывать реально могла только она. Бабуля вообще на пенсии, у матери доход понятен какой - процедурная сестра в поликлинике.

Так вот и жила. С утра - дети, маленькие больные человечки, нуждавшиеся в ней. Детские лица с синдромом Дауна, которые ни с какими другими лицами невозможно перепутать. Висящие безвольными плетями маленькие ручки и ножки. Или, наоборот - скрюченные гипертонусом. Инвалидные коляски, в которых привозили детей постарше. Скошенные набок рты и стекающая по подбородку слюна. Такой была ее первая половина дня.

А потом - на машину, и по чужим домам. К состоятельным, умеренно обеспеченным или просто очень нуждающимся в ней людям. Там все чуть более благополучно, но горе, недуги и проблемы бывали и там. И так до позднего вечера. Вернуться домой, сил только на час бодрствования, от силы. И - провалиться в сон. И все равно - не выспаться.

- Спасибо вам, - вот и очередной сеанс завершен, мама Полины берет дочь на руки. - Поля такая спокойная после вашего массажа.

- На здоровье, - дежурно отзывается Людмила, наблюдая, как мать одевает девочку. У Полины молодая, очень симпатичная мама. И такой же молодой и приятный папа. А еще у Полины синдром Дауна.

Молодая красивая пара. У них мог бы родиться такой же очаровательный хорошенький ребенок. А вместо этого... Больше всего Люсю по-хорошему удивлял папа Полины. Она пару раз видела, как он обращается с дочерью. Как-то очень искренне, с любовью. Мать - это понятно, материнский инстинкт заставляет мать любить ребенка любого - больного, инвалида, это сильнее матери. Как правило, так. Но мужчина... Сколько она знала, видела, слышала таких историй за время работы во "Фламинго". Когда мужчина без малейших раздумий уходит из семьи, оставляя жену с ребенком, который посмел родиться не совсем здоровым. Или - совсем не здоровым.

Здесь было приятное исключение. Отец остался. Не бросил и во всем помогал жене. Они оба были такие... Люся не могла не думать об этом. Она сто раз представляла себя на месте матерей этих детей, даже несмотря на отсутствие собственного материнского опыта. Что бы она почувствовала, если бы родила такого ребенка? Как бы себя потом вела? И, глядя на эту молодую симпатичную пару, на двух обычных людей, которые с потрясающим достоинством и самоотверженностью приняли то, что с ними случилось, она говорила себе: "Вот так. Вот это - достойный пример. Так надо. Только так".

Она прощается с мамой Полины. Это был последний клиент во "Фламинго" на сегодняшний день. Сейчас перекусить чего-нибудь и в машину, зарабатывать реальные деньги.

- Георгий Александрович! Глазам своим не верю!

Ну, это же надо было такому случиться, что первым в офисе он попался на глаза Ларисе Юрьевне, главбухше. А с другой стороны, рано или поздно все равно придется с ней пересечься, не сейчас, так позже.

- Ларочка! - он шутливо прикрывает глаза. - Я не видел тебя пару месяцев и забыл, как ты ослепительна!

- Гоша, Гоша... Ты все такой же! - довольно улыбается она.

Лариса Юрьевна и в самом деле ослепительна. На тонких пальцах штук пять колец в совокупности. Крупные серьги, пара цепочек. Все это золото блестит, слепит. Эта женщина лишена малейшего вкуса в

одежде, по мнению Гоши. И сердца тоже. Вместо сердца у нее калькулятор. Зато у нее есть мозги, и это кое-что искупает.

- Как ты, Георгий? Как здоровье? - Лариса Юрьевна сочувственно похлопывает его по плечу - ее статус позволяет ей многое. А Гоша безмятежно улыбается, хотя внутренне кривится. Кажется, Лариса состоит из одних углов - болезненно худая, вечно на диетах. Острое все - локти, колени, нос. Даже косая челка, длиннющие, в каких-то немыслимых нарисованных цветах ногти, даже острые носки туфель и ассиметричный край юбки. Не женщина - дикобраз какой-то! Как с ней Гришка спит? Колется же наверняка! Гоша усмехается своим мыслям.

- А что нам, кабанам? Все в порядке!

- Это ты-то кабан? - Лариса выгибает густо нарисованную бровь.

- Ну... кабанчик! - смеется Гоша. Ему не привыкать иронизировать над собой. - В общем, готов вернуться в строй и помочь тебе нести тяжелое бремя финансовой ответственности. Вот сейчас со своими девчонками переговорю, в курс дела меня введут. И к тебе приду. Кофе угостишь?

- Конечно, - Лариса скупно усмехается, в светло-голубых глазах - лед. Привыкла за два месяца быть единоличной финансовой королевой. Что ж, придется отвыкать.

Кивнув на прощание, он проходит дальше по коридору и открывает своим ключом дверь кабинета, рядом с которым солидная табличка: "Жидких Георгий Александрович. Финансовый директор".

-

- Георгий Александрович!

- Яна Аркадьевна! А что так официально?

Со своей правой рукой, Яной Карачевой, он мог позволить себе и фамильярное обращение, и даже объятье и поцелуй в щеку.

- С непривычки, Гош. Как ты?

- Снова в строю, - усмехается он. Наедине они с Яной на "ты". Так проще. При других сотрудниках, разумеется, все было официально. - Как тут вообще без меня? Как Лариса себя вела?

- Как и ожидалось, - Яна устраивается напротив него, с другой стороны стола. - Война, Гош. Пока тихая и партизанская.

- Ну и ладно. Нам сейчас не до открытых военных действий.

- Как скажешь, мой генерал.

Яна - умница. Умница и красавица. Миниатюрная красавица блондинка с фигурой-статуэткой. Гоша всегда во всеуслышание

заявлял, что к себе в финансовую службу сотрудниц исключительно по фигуре выбирает. И окружающие ему верили и могли думать все, что угодно. Но девчонки у него были все как на подбор - одна другой краше. А еще - умнички. Только он это не афишировал.

С Яной они понимали друг друга с полуслова. И именно поэтому ей сразу пришлось осознать, что с шефом ничего не светит. Хотя Яна была бы не против, он это видел. Но Гоша ошибок брата не повторял. Никаких романов на работе. Не смешивать бизнес и личное. Одного раза... хватило. Личного и вне работы - достаточно.

Яне было грех на него жаловаться. Служебного романа у них не приключилось, но Гоша был хорошим начальником. Входил в ее положение матери, в одиночку воспитывающей сына-школьника. Не требовал невозможного. Не забывал вознаградить за действительно хорошо сделанную работу. В общем, у них было полное взаимопонимание, Яна была его человеком. Его союзником. На будущее.

С заместителем Гоша просидел пару часов. После заперся в кабинете, открыл окно. Гришка, если узнает, втык ему даст за курение на рабочем месте, это запрещалось всем без исключения, даже ему - финансовому директору, брату генерального. Но на улицу идти - не хочется, нет желания ходить по лестницам, видеть кого-то. Наверняка масса желающих с ним пообщаться. А ему надо подумать.

Щелкнул зажигалкой, затянулся, выдыхая дым в морозный воздух. Ручка двери дернулась. Его нет. Для всех, всех без исключения кабинет пуст. Георгий пока не готов к общению. Он должен выработать стратегию.

- Ларочка, солнце мое, кофе бесподобен. Я так по нему скучал! И по тебе. Так не хватало, знаешь... поговорить с умным, понимающим человеком...

- Неужели тебе с братом не о чем поговорить? - Лариса отпивает кофе, миниатюрную чашку держит, оттопырив мизинец. Предполагается, что это изящно. Ну-ну...

В противовес своим мыслям Гоша заговорщицки улыбается сидящей напротив него за огромным столом женщине.

- Лара, бесценная, ты же знаешь, что Григорий Сергеевич - пень пнем в наших вопросах.

- Ну, прямо уж так и пень. Не забывай, ты говоришь о генеральном директоре!

- Ну, по сравнению с тобой, Ларисочка. Ты же у нас гений бухгалтерского учета!

- Ой, да ладно тебе, - она кокетливо вздыхает.

- На тебе все держится, Лариса! Если бы не ты!

- Кстати, Гоша... Твоя Яна тут опять пальцы выгибала! - жалуется Лариса Юрьевна.

- Да ты что?! - он недоверчиво качает головой, внутренне сцепив зубы. - Расскажи мне все.

Они набеседовали на три чашки кофе. Сейчас это единственно верная тактика - слушать, собирать информацию. И усыплять бдительность. Но как же это, черт побери, противно и обидно - чувствовать, что не владеешь ситуацией в собственном бизнесе. Собственном семейном бизнесе, который они с Гришкой строили не один год.

Остаток дня он провел, изучая переписку с банками.

Дома упал на диван, совершенно эмоционально и физически обескровленный. Как ему сейчас не хватает Люсиных рук. И про предписанную ею гимнастику он совершенно забыл. Да и сил нет.

Григорий едва взглянул на открывшуюся дверь кабинета, а потом снова уткнулся в бумаги. По пальцам можно пересчитать людей, которые могли вот так, без стука, войти в кабинет генерального директора. На этот раз - Лариса.

- Как ты, Гришенька? - она встает за его спиной, кладет руки на плечи, начинает разминать. Длинные ногти царапают по ткани синего пиджака.

- Лариса... - он раздраженно поводит плечами. - Сколько раз можно повторять - не на работе!

- Ну... - она наклоняется к его уху, - не букай, Гришенька... Все и так знают...

- И откуда это, интересно, все знают? Я вот не говорил. Лариса! - он резко отклоняет голову. - Я же сказал! Не на работе!

- Ладно, ладно, - она со вздохом выпрямляется, но рук с его плеч не убирает. - Просто я соскучилась... Ты так давно у меня не был...

- Будто ты не знаешь, - он еще раз дергает плечами, и ей все-таки приходится убрать руки, - что у нас творится. Я домой редко когда раньше девяти вырываюсь.

- Я понимаю, Гришенька, но... Мне так тебя не хватает.

Он терпеть не может такие разговоры. И, лишь бы как-то отделаться:

- Ну, вот сейчас Гошка на работу вышел, может, полегче будет. И получится...

- Кстати, о Георгии, - Лариса поразительно быстро переходит от добивающейся внимания любовницы к въедливой бухгалтерше. - Что-то он так круто быка за рога взял...

- Ты о чем?

- Да не успел в офисе появиться - то эти ему данные дай, то другие. Что он лезет в наши дела, в бух. учет? Что ему, своих дел мало?!

- Лариса, сто раз говорил! Договаривайтесь между собой и меня в это не втягивайте!

- Гриша, ну это все так выглядит... Будто он мне не доверяет...

- Лариса! - Григорий уже рычит. - Если он просит какие-то данные - значит, они ему нужны! Гошка профессионал, он знает, что ему нужно!

- Но это же...

- Мы все делаем одно дело, разве нет?

- Да, но...

- Тогда ничего больше не желаю на эту тему слышать. Все, баста!

- Как дочка, Лариса? - Гоша каждый день заходит в кабинет глав.бухши на чашку кофе. Первая заповедь из "Крестного отца" - держи друзей близко, а врагов еще ближе.

Ларису иногда просто перекашивает при его появлении в ее кабинете. Но она не может ему ничего сказать, а Георгий старательно не замечает ее гримас.

- Ой, не спрашивай, Гоша!

- Что такое? Не радуется мамочку?

- Учиться не хочет! Мне уже из деканата звонили, говорят, она прогуливает занятия.

- Да, не дело это. А ведь это только первый курс.

- Вот и я ей то же самое твержу! Говорю: "Будешь плохо учиться, тебя дядя Гриша потом на работу не возьмет!".

- Точно, - усмехается Георгий, - двоечников на работу не берем.

На самом деле, смеяться ему совершенно не хочется. Не до смеха. Все это весьма серьезно.

Он снова курит, закрывшись у себя в кабинете. Пока еще не застучали. Курит и размышляет.

Лариса на пару лет старше Григория, и у нее избалованная до безобразия дочь, которая в этом году стараниями матери поступила на юридический. На платное отделение, разумеется. Гришка о дочери Ларисы отзывался не иначе как "малолетняя сучка" и "стервозная дрянь". Собственно, Григорию до Алины не было никакого дела, но Лариса упорно пыталась, чтобы у дочери и "дяди Гриши" было хоть какое-то подобие хороших отношений. Которые Ларисе очень хотелось перевести в разряд "родственные".

Для Гоши было очевидно, что Лариса, при всем своем уме, все еще питает надежды. На то, что ее отношения с Григорием приобретут какой-то официальный статус. Несмотря на то, что они были уже не один год любовниками и только любовниками, она все еще рассчитывает на печать в паспорте и обручальное кольцо на пальце. На то, что у Алины появится папа. Тут Гоша усмехается. Судя по отрывочным злым фразам Гришки, Алине "папа" уже не нужен. А вот в ином статусе она "дядю Гришу" вполне готова... принять. Маленькая расчетливая дрянь. Вся в мать.

Георгий не мог себе объяснить внятно, чем ему не угодил Лариса. Ведь не в мелочных дразгах между бухгалтерией и финансовой службой дело же было. Нет, это все ерунда, решается. А специалист Лариса хороший, дотошный, хваткий.

Наверное, дело было в том, что он... ревновал. Ревновал к тому доверию, которое оказал ей Гришка. Что он ей доверял, пожалуй, больше, чем ему, родному брату. А ведь Гоша такой же специалист по финансам, как и Лариса!

Если рассуждать здраво, то виноват Гоша сам, как и всегда. Гришка ведь ему тоже тогда оказал огромное доверие. Ему, "зеленому" специалисту, выпускнику финансового факультета, старший брат сразу предложил должность в своей только-только созданной, встающей на ноги компании. Хорошую должность. Ту самую, которую он занимает и сейчас. Но тогда, семь лет назад, ему это все казалось просто большой интересной игрой. К Гоше тогда относились настороженно, а он делал вид, что ему все равно. Только похихатывал. Он считал себя самым умным, финансовым гением, никак иначе! В попытках самоутвердиться бесконечно генерировал сверх-оригинальные идеи, одна другой абсурднее. Зато реальной работе уделял ничтожно мало внимания. А кто-то же это должен был

делать. Неудивительно, что вся финансовая ответственность постепенно перетекла к Ларисе. Гошу мало кто всерьез тогда воспринимал - в силу возраста, отсутствия опыта, его собственного раздолбайского отношения к работе и снисходительного тона общения с коллегами. Зато на стороне Ларисы был опыт и серьезный подход. И что ж теперь удивляться, что Гришка, в конце концов, вынужден был опереться именно на Ларису. Закономерно и то, что сам Гоша остался в итоге у разбитого корыта.

Но он сумел вовремя спохватиться. Наверное, просто повзрослел. Повзрослел настолько, чтобы задать себе вопрос - что полезного он делает в компании брата, которую тот создавал сам, по крупицам, месяц за месяцем, год за годом? И перед Гошей встал совершенно очевидный выбор: уйти или стать брату настоящей опорой. Он выбрал второе.

Это было адски трудно - возвращать себе то, что он сам упустил из рук. Тем более, что Гришка, он это явно видел, махнул на него рукой. Тем более, что Лариса не желала делиться ни крупицей своей власти, не уступала ни на йоту. Но Гоша потихоньку строил иные отношения с коллегами, зарабатывал авторитет, отвоевывал утраченное. Он очень хотел, чтобы Гришка мог на него рассчитывать. Чтобы брат это понимал.

Гришино отношение к нему менялось, он это видел. Брат все больше делился с ним своими мыслями, планами. Но все равно некая настороженность присутствовала. Словно Гришка все-таки ждал подвоха. Ну, так он его и дождался.

Георгий раздраженно гасит окурок в пепельнице, саму пепельницу прячет в ящик стола. Шифруется от брата, так же, как в детстве. Ладно, что случилось, то случилось. Уже не исправишь. Надо смотреть в будущее. Гришке нужна его помощь, и он будет помогать брату до последнего, даже если старший будет брыкаться. По Гошиной вине заварилась вся эта каша, и он последний, кто уйдет с этого корабля. Но хочется верить, что до этого не дойдет. А для начала надо покопать под Ларису. Ему нужна уверенность, что он понимает, что происходит с деньгами в компании. И он этого добьется - хочет этого Лариса Юрьевна или нет.

-
- Гриш... Григорий Сергеевич, вы куда?!
 - Дела, Лариса Юрьевна, уезжаю по делам.
 - У нас же встреча через полчаса!

- Не у нас, а у вас с Георгием. Я вам там на этой встрече не нужен.

- Гриша...

Он обжигает ее взглядом, и она спохватывается - разговор происходит в приемной, в присутствии посторонних.

- Григорий Сергеевич, но с вами как-то спокойнее.

- Я вам не нянька, - отрезает он. - Вы оба специалисты, вот и проводите совместно переговоры на своем уровне. Олеся, я буду через два часа, - это уже секретарю.

- Хорошо, Григорий Сергеевич, - дисциплинированно отвечает девушка.

Он стремительным шагом покидает приемную. Лариса раздраженно смотрит ему вслед, потом переводит взгляд на секретаршу, и та поспешно утыкается в монитор. У Ларисы хватает ума смолчать. Но сдерживаться становится все труднее, ей не нравится это ощущение постепенной утраты контроля над ситуацией.

- Куда едем, шеф?

- Салоны, сервисы...

- Куда сначала? В какие?

- Смотри сам. Как тебе удобнее.

Валерий Павлович хмыкает, без труда выкатывая "Тундру" с парковки.

- Вырвался?

Иногда Грише кажется, что Палыч умеет читать мысли. По крайней мере, его, Григория, мысли. Он отвечает нечленораздельно, но в целом утвердительно.

- Достал меня офис, - он стягивает галстук, забрасывает его на заднее сиденье. - Эти бумажки, проблемы, склоки, дразги... бабы! Хочу посмотреть хоть на что-то приятное. На банку глушителя. Или на задний редуктор. Или на картер. Там все просто и понятно.

- И чтоб масло или тосол в лицо капали?

- Угу, - совершенно не к месту мечтательно.

- Пиджак снимай, - усмехается Гребенников. - Я там тебе в багажнике спецуху приготовил. На твой размерчик. Не в костюме же тебе в яму лезть.

- Хоть ты меня, Валерий Павлович, понимаешь... - вздыхает Гриша.

- Да как не понять, - невозмутимо отвечает водитель. - Бабы и бумаги кого хочешь до цугундера доведут.

Новость "Батяка приехал" стремительным колобком прокатилась по сервису. И к тому моменту, когда Григорий, сменивший пиджак на спецовку, вошел в здание автомастерской, его уже встречали.

- Григорий Сергеевич! Вот сюрприз так сюрприз!

- Здравствуй, Леонид.

- Мое почтение! Не побрезгуйте локоть пожать, а то руки в масле...

- А ты все сам, как я погляжу, - Григорий хлопает по плечу старшего механика. - Леня, когда смену себе будешь готовить? Сколько раз тебе говорить - учи молодежь, передавай опыт. А то ручкой мне сделаешь - и с кем я останусь?

- Не бойтесь, Григорий Сергеевич, - смеется Леонид. - Куда я денусь от вас? Пойдемте лучше, штуку одну интересную покажу. Только шагайте тут аккуратнее, а то туфли испачкаете. Здесь у нас не офис.

- Первый раз такой вижу...

- Во! А я тебе о чем говорю, Сергеич! Вот же японцы хитромудрые. погоди, я сейчас откручу вот тут...

- Угу...

- Ты не угукай, а под руку мне не вставай!

- Так не видно же ничего.

- Пока нечего смотреть, - автомеханик споро орудует ключом на пятнадцать. - А вот если у меня рука сорвется... то ты пары зубов не досчитаешься.

Григорий усмехается и делает пару шагов назад.

- Смейся, смейся... - Леонид до автоматизма отработанными движениями откручивает гайку. - А был такой случай на прошлой неделе...

Григорий уже не усмехается - просто смеется. Как же здесь хорошо. Эта мастерская - его личный антидепрессант.

- Ну, давай же ты, пошевеливайся!

У Люси начинается дергаться висок. Все сегодня не так, с самого утра.

- Ну что вы кричите на ребенка, - не выдерживает она. - Лучше помогите. Вы же знаете, что у него крупная моторика... хромает.

- У него все хромает! Что теперь, всю жизнь его раздевать!

Нет, вот она так и не научилась на такое спокойно смотреть. Или день сегодня такой, что она все излишне остро воспринимает?

- Давайте, я помогу...

- Нет, пусть сам!

- Мне некогда ждать, когда он сам! - она не выдерживает и повышает голос. - Вы у меня не одни, - и уже гораздо более мягким тоном: - Тимофей, подойди ко мне, я помогу тебе раздеться.

Пятилетний мальчик, очень маленький и худой для своих лет послушно подходит к ней, стоит, как кукла, пока Люся быстро и уверенно освобождает его от верхней одежды под раздраженное сопение матери.

Да, и такие тоже бывают. К сожалению даже, таких большинство. Таких вот, как эта густо накрашенная молодая мамаша. Грим, а иначе и не скажешь, у нее хватило времени нанести. А вот пеленку на массажный стол она забыла!

Люся работает молча, разговаривать с этой... нет никакого желания. Но тишина длится недолго - у мамы Тимофея звонит телефон. И, слушая разговор, Люся начинает постепенно закипать. Ну как можно в таких выражениях о собственном ребенке говорить?! Вот зарекалась неоднократно - "Не судите и не судимы будете". Но ведь ребенок не виноват, что он такой! Как же можно о ребенке так?! Он же понимает все, большой уже! Прекращает работу.

- Выйдите, пожалуйста.

- Что?! - ярко-красные накрашенные губы даже приоткрываются от удивления.

- Вы мешаете мне работать. Выйдите в коридор, поговорите по телефону, потом можете вернуться.

- Я перезвоню, - бросает женщина в трубку.

Дальше снова все происходит в молчании. Мать демонстративно бросает на Людмилу недовольные взгляды, Люся же сосредоточенно работает, иногда улыбаясь своему пациенту.

- Считаете, что вы лучше всех? - неожиданно зло спрашивает женщина. - Думаете, это просто?!

- Я так не считаю, - отвечает Люся ровно.

- У вас есть свои дети?

- Не думаю, что вас это касается, - тон ее по-прежнему ровный, но день явно сегодня не задался. И насколько хватит ее терпения - неизвестно.

- Значит, нет, - злорадно кивает ее собеседница. - Так-то легко строить из себя святую! А вы попробуйте сама вот с таким вот! Каждый день! Сил моих никаких уже нет! С этим идиотом возиться.

Люся на секунду прикрывает глаза. Ей бы промолчать. Не научишь и не объяснишь. Да и кто она такая, чтобы объяснять? Ну что же у нее за характер такой, что она не может смолчать, когда надо?!

- Не надо... - она выдыхает, уговаривая себя не заводится, - не надо перекладывать на других свои проблемы.

- Это вы о себе?! Какие это я свои проблемы на вас перекладываю?!

- Это я о вас и вашем ребенке. Это ваш ребенок. Вы его произвели на свет. Вы несете за него ответственность.

- А этот кобель, значит, не несет?! Бросил нас, как только узнал, что... - у женщины в голосе начинают звучать истерические интонации.

Сцепила зубы. Ну же, Люся, молчи! Тебе только истерики в кабинете не хватает. Знаешь ведь, бывает такое, у мамочек таких деток нервы тоже порядком расшатаны. Ну, промолчи...

- Вы - мать, - произносит она негромко. - Неужели это слово для вас ничего не значит?

Та неожиданно всхлипывает. Вот, Людмила, довыпендривалась.

- Извините, - произносит Люся совсем расстроено. - Я не хотела вас огорчать. Просто...

- Да и вы простите, - та вытирает потекшую тушь. - Звереешь от такой жизни... - еще раз всхлипывает. - И вот за что мне все это?!

Людмила молчит, продолжая работать. Вопрос риторический. Да и ответа она не знает.

- Девушка, мы полчаса укола ждем! У меня ребенок маленький, между прочим!

- Извините, - открывает ключом дверь процедурного кабинета. - Медсестра у нас на больничном.

- А вы кто?

- Массажист. Замещаю.

- А вы умеете?

- Умею, - добавляет про себя: "На свою голову". Ведь и правда умеет, и хорошо умеет. И в колледже учили, и мать - процедурная сестра, которая, кажется, могла с закрытыми глазами в любую вену

попасть, постоянно заставляла практиковаться. Дома уколы бабушке всегда ставила только Люся. - Но если сомневаетесь, можете не ставить. Дело ваше.

- Нет уж, ставьте! Мы столько ждали! И вообще! Я пойду заведующей пожалуйюсь.

- Жалуйтесь, - пожимает плечами Люся. - Заведующая в курсе, сама же мне совмещение оформляла. Вот вы что, думаете, мне это надо?! - у нее вдруг прорывается усталость и раздражение. - У меня массаж по минутам расписан, а я тут еще на уколы бегаю.

Извинений она не дождалась. Но хоть возмущаться перестали.

День как пошел кубарем с утра, так и продолжился. Клиенты капризничали, один сеанс отменили без предупреждения, она приехала, а в квартире никого. А в финале ее "Ниву" еще припер во дворе по адресу последнего на сегодня сеанса здоровенный джип. Она минут пять пинала колеса, слушая завывания сигнализации. Пока на этот вой не вышел, наконец-то, владелец - лысый "красавец" с таким пивным пузом, что было очевидно: щегольская кожаная куртка с меховым воротником носится нараспашку не от того, что ему жарко. Он поочередно одарил обеих девочек - сначала Людмилу, потом Мальвину, недовольным взглядом, что-то пробурчал под нос, но машину убрал. И на том спасибо. Сил на скандал уже не было.

Дома закрылась в своей комнате, видеть никого не хочется. Пустота внутри. Как будто выгорает что-то, и ощущение, что нет ее вовсе. Лишь пустая хрупкая оболочка. Которую чуть тронь сильнее - и все. На том и закончится Люся Пахомова. И не станет ее больше.

Стукнула дверь, скрипнул матрас. Но свет так и не зажегся. Тишину комнаты нарушил вздох.

- Люсенька, доченька... Доконает тебя эта работа...

Мама. Понятно, что переживает. Но сил нет даже на разговор. Да и обсуждали это много раз, и свое мнение Люда не поменяет. Не сможет.

- Мам... я просто устала. День тяжелый, у нас процедурная заболела, я замещаю. Вот и умоталась. Да еще на дороге тяжело - снег опять пошел, ехать сложно...

Мамина рука ложится ей на плечо.

- Людмила, ну мне-то не ври. Не с твоим отношением в таком месте работать. Девочка моя, ну ты же все слишком близко к сердцу

принимает. Я не могу смотреть, как из-за чужих больных детей мой собственный ребенок приходит домой не живой, не мертвый!

Она даже не может придумать что-то приличное в свое оправдание. И поэтому говорит правду. Часть правды. То, что приходит первым в голову.

- Мам, ну это же должен кто-то делать.

- Но почему ты?!

- Потому что... - вздыхает она, поворачивает к матери лицом. В комнате темно, но это все равно неправильно - лежать спиной, когда с тобой разговаривают. - Ты же помнишь, что говорил Валентин Алексеевич?

- А к чему это ты Валентина вспомнила? - недоумевает мать.

Валентин Алексеевич Савченко был, если так можно сказать, учителем, наставником Люси. То, что он в свое время показал и объяснил ей, невозможно было недооценить. А еще он был старинным другом ее матери, однокашником. И ко всему прочему он был инвалид по зрению, а по-простому говоря - слеп. Ночной проход через заброшенный парк, удар по затылку - и вот такой печальный результат. Но именно слепота сделала Валентина Алексеевича уникальным специалистом, известным на весь город. Его руки в результате утраты зрения стали для него больше чем просто руками. И ими он творил настоящие чудеса. В силу понятных причин ни о какой частной практике не могло быть и речи, Валентин Алексеевич работал в дневном стационаре, в той же поликлинике, что и Люсиная мама. Но к нему записывались за полгода вперед. Для него не было ничего невозможного. Именно он в свое время сказал Люсе то, о чем она сейчас собиралась напомнить матери.

- Люсенька, запомни одну вещь. Чем тяжелее случай, тем он благодарнее. Самые благодарные пациенты - это инвалиды и парализованные. И дело не в них. А в тебе.

- Это как? - удивляется она.

- Чем сложнее случай, тем большему ты сможешь научиться. Чем тяжелее твой пациент, тем значительнее то, что ты сможешь узнать, как специалист. Тем внушительнее будет твой багаж профессиональных навыков.

- А... а я думала, вы говорите о той благодарности, которую испытывают тяжелые пациенты...

- Ну, - вздыхает Валентин Алексеевич, - и это тоже. В общем, не бойся тяжелых случаев, Люся. Это полезно. В том числе, и тебе, как специалисту. И потом - кто-то же должен это делать.

- Ох, Люда, Люда... - в голосе матери звучит сожаление. - Вот не в добрый час я тебя с Валькой познакомила. Вбил тебе в голову всякую чушь.

- Мам... ну что ты... ты же знаешь, что все, что я умею, все, что представляю из себя сейчас - это все благодаря Валентину Алексеевичу. Кем бы я была сейчас, если бы не он?

- Кем, кем... - ворчит мать. - Мужика тебе надо, Люся. Хорошего мужика.

Тут Людмила не выдерживает и смеется. Садится на кровати.

- На Новый Год подаришь, мам?

Мать смеется в ответ, обнимает дочь.

- Эх, Люсенька ... Правда твоя. Знала бы я, где их брать - был бы у тебя отец. А оно видишь как...

- Да и ладно, мам, - утыкается лицом в мамино плечо, как в детстве. - Что нам, плохо, что ли? У меня есть ты и бабуля. Мне никто больше не нужен.

Усталость давит, душит, валит с ног. И боль в спине такая, что дышать трудно. Прилег прямо в гостиной, на диване, потому что до кровати идти - ой, это страшно далеко. И отключился под бормотание телевизора. Разбудил его Гришка.

- Ты чего это здесь? - брат сидит рядом на диване.

- Да так... устал...

- Гошка, - старший качает головой. - Перестань себя загонять. Не дело это.

- Я должен... должен исправить то, что испортил, - тихо, но твердо.

- Да что теперь, - Григорий вздыхает, - убиться, что ли? Да и не факт, что получится... все вернуть назад.

- Я должен. Должен исправить! Ты понимаешь?!

- Понимаю. Только не все от нас зависит, Гош. Но спасибо... что стараешься. И вообще... - Григорий вдруг протягивает руку и легко треплет его по волосам. Таким скупым, кратким движением. Совсем как в детстве. И так же, как в детстве, от этого жеста старшего брата, жеста, который был для Гришки максимально возможным по степени откровенности выражением симпатии, одобрения - от этого жеста

что-то горячо скручивает внутри. - Главное, что ты жив, Гошка. А остальное... прорвемся.

Георгий отворачивает лицо к спинке дивана. Заплакать хочется просто смертельно. Как в детстве. Но оттуда же, из детства, выплывают Гришкины слова: "Ну, Жоржета, не реви. Ты же мужик. Мужики не плачут". Ему отчаянно плохо, тошно и стыдно. Но глаза его сухи. Настоящие мужики не плачут. Так научил его старший брат.

Глава 4. Большие воспоминания.

Пожилая женщина старается говорить вполголоса, но Люся прекрасно слышит. Лучше бы не слышала.

- Танечка, ну вот только маешься ты с ним... Говорили мы тебе с отцом - сдай ты его в детдом. Все равно он ни черта не понимает, дурачок же. Ему все равно, есть ты, нет тебя...

- Мама, перестань! - женщина, по виду - Люсина ровесница, споро одевает годовалого малыша после массажа. Людмила даже не знает, какой там основной диагноз. У ребенка целый неврологический "букет" и куча осложнений. Но это же не оправдание...

- Станный совет из уст матери, - не может сдержаться Люда.

- А что тут странного? - полная дама поворачивается к массажисту. - Ну, он же правда ничего не понимает. Таня только время с ним теряет! Отдать в детдом и все. Ему там лучше будет, - со странной уверенностью. - А Танюше это все зачем? Она умница, у нее два высших образования, хорошая работа. Только время переводить. А Танечка потом другого родит ребенка... здорового.

- Мама, ты нашла время это обсуждать, - голос матери мальчика резок. - Извините нас, - это уже Людмиле. - До свидания. Мама, пойдем.

Они уходят, старшая из женщин продолжает что-то говорить младшей, держащей на руках своего больного, не оправдавшего чьих-то надежд и чаяний ребенка. Люся гадает: надолго ли хватит сил матери выдерживать это давление. И от всего сердца желает ей, чтобы сил хватило. Пройти этот путь до конца, каким бы он ни был.

Монька так рванул ей навстречу, что Люда поняла - с собакой не гуляли. Даже можно не спрашивать. Так, ошейник, поводок.

- Людмила, ты долго не гуляй. Пусть по-быстрому дела сделает и домой. Устала же наверняка.

Люся молча закрывает дверь. Даже сил обижаться нет. Да и умом понимает, что это ее собака, она ее домой притащила, вот и изволь, Людмила Михайловна, выгуливать своего пса. Нет, мама и даже бабушка тоже гуляли с Мoneй, не только одна Люся. Просто этот поганец признавал за хозяйку только Людмилу, только ее слушался беспрекословно. А на прогулке с Антониной Вячеславовной или Фаиной Семеновной мог позволить себе рвануть за кошкой, голубем, а то и вовсе - за другой собакой. Опять же, помойки - это святое. И ничего ни мама, ни бабушка с ним сделать не могли. Два года назад Монька вывернул бабуле кисть на прогулке, после чего Фаина Семеновна полгода пса именovala не иначе как Иродом. И гуляла с ним только по крайней необходимости, когда уж совсем некому, а собаке невмочь. А прошлой зимой Пантелеймон Иродович уронил Люсину маму на прогулке, да еще и протащил ее пару метров, благо снег и мягко. Но матери этот эпизод желания выгуливать энергичного ротвейлера не добавил.

По-быстрому у них с Монти не получается. Люся понимает, что такой собаке нужно много движения, и пятью минутами не отделаешься. Только сил в ногах нет совсем. И, недолго думая, Людмила мягко оседает в сугроб. Не так уж холодно на улице, а она добротна, по погоде одета. Монька подбегает, тыкается ей в лицо мокрым носом и, убедившись, что все с хозяйкой в порядке, уносится дальше проверять, что произошло нового на его территории.

Думать ни о чем не хочется. Даже о том, как она сама странно выглядит, восседая поздним вечерним часом в сугробе на пустыре. Наблюдать эту сюрреалистичную картину желающих все равно нет. Зато почему-то вдруг вспоминаются два брата-негея. Если честно, она полагала, что благополучно забыла о них. Ну, проревелась и забыла. Столько всего проходит через нее, что правило "С глаз долой - из сердца вон" срабатывает почти всегда. Почти. Но не абсолютно. Потому что вот вспомнила она их отчего-то же сейчас? Обиды уже нет, ее за язык никто не тянул. Промолчала бы - и ничего бы не было. А теперь что же - лишь воспоминания о двух братьях, очередные клиенты, которые в силу ее собственного проявленного интереса, вышедшего за профессиональные рамки, теперь уже не перейдут в категорию "постоянные". Да и что за печаль, уж чего-чего, а клиентов у нее в избытке. А вот грустно отчего-то. Немного, но все же.

Вроде бы нагулялись они с Пантелеймоном достаточно. А дома - стал рваться с поводка, не успели они в квартиру зайти. И стоило

лишь освободить пса от его прогулочной амуниции, как он кинулся на кухню. В голове еще успела мелькнуть мысль: "Пить хочет, убежался", а потом...

С кухни доносится звонкое "Ай!", бабушкино грозное "Моня, фу!". А Люся понимает - у них поздние гости. Мама с бабулей хороши - могли бы и позвонить на сотовый, предупредить, знают же, что Монька может незнакомого человека напугать. Теперь она замечает и чужую обувь - мужские зимние ботинки, размера, впрочем, навскидку, такого же, как у самой Люси. Нет ни малейшей догадки, кто это. Надо идти посмотреть. И, разувшись и повесив пуховик на крючок, Люда проходит к кухонной двери. А там...

Есть такое выражение - стоять по стойке "смирно". Гоша сидит на табуретке по стойке "смирно", в одной руке надкушенный пирожок. На который с видом полнейшего равнодушия смотрит расположившийся рядом Монька.

- Можно ему... дать пирожок? - тон у Гоши крайне почтительный.

- Можно, - кивает Фаина Семеновна.

- Нечего собаку пирогами кормить, - подает голос Люся от дверного проема, обозначая свое присутствие.

Моня оборачивается и смотрит на хозяйку с укоризной. Людмиле временами кажется, что ротвейлер понимает человеческую речь. По крайней мере, когда говорят о нем.

- Пантелеймон, осторожно! - строго говорит бабушка.

Похоже, Люсю никто не слушает. Гоша, кажется, даже дыхание затаил, заморожено глядя на то, как с его руки исчезает пирожок. Исчезает в здоровенной пасти, полной зубов размером в треть пальца взрослого мужчины.

Прикончив пирожок, ротвейлер смотрит на гостя уже более благосклонно и по-прежнему выжидательно.

- А можно еще ему дать?

- Хватит! - Люся проходит на кухню. - Георгий Александрович, какими судьбами?

- Привет, Лютик, - Гошу обескуражить непросто. - Симпатичная у тебя собачка. Только очень грозная.

- Моня, место! - Люся понимает, что собака привлекает к себе слишком много внимания. И это не считая буквально источающих любопытство матери и бабушки. Пес одаривает ее еще одним укоризненным взглядом и понур уходит с кухни, обернувшись пару раз по дороге - а ну как передумает хозяйка? Хозяйка не передумала.

- Итак, - Людмила сложила руки под грудью. - Чем обязана такой чести? И откуда, кстати, ты знаешь адрес?

- Ну, ты же рассказывала, где работаешь... Я позвонил, спросил...

- И тебе так просто сказали мой адрес?!

- Я могу быть очень убедительным, - он улыбается ей своей фирменной улыбкой.

- Ясно, - она слегка растеряна. Нет, все-таки Катя, их бухгалтерша и, по совместительству, кадровичка - полная идиотка! Ведь наверняка именно с ней Гоша разговаривал. - И ради чего это все? Это не визит вежливости, насколько я понимаю?

- Ну... да... наверное... - теперь его тон слегка неуверен.

- Ой, да вам поговорить надо, - спохватывается бабуля. - А то час-то поздний. Ну, вы говорите, да чаю попейте с пирогами. А мы пойдем с Тоней в зал, телевизор посмотрим.

Домашние сегодня демонстрируют просто чудеса сообразительности. Люся прошла к стенному шкафчику, достала чашку, налила себе чаю, а потом обернулась к Георгию. На их пяти-с-половиной метровой скромной кухне он смотрится чужеродно. Вроде бы и одет просто, а вот все равно выбивается совершенно. Или она просто не привыкла видеть мужчин на их кухне?

- Ну, - она обхватывает чашку ладонями. А руки-то подмерзли все-таки. - С чем пожаловал?

- С извинениями.

А вот это было неожиданно. Собственно, и само явление Гоши на их кухне, поздно вечером, без предупреждения, уже само по себе было весьма неожиданным. А уж повод...

- За что тебе извиняться? - она и вправду совсем не понимает Гошиных мотивов и сбита с толку.

- Ну... Гришка на тебя наорал. Некрасиво вышло...

- Ну, так это же твой брат, - тут она не удержалась и таки подколола, выделила последнее слово интонацией, - наорал. Не ты.

- Люсь... - Гоша вздыхает и улыбается. Улыбка у него такая... вот натурально извиняющаяся. - Ну, ведь мы оба понимаем, что я спровоцировал эту ситуацию. Специально делал так, чтобы у тебя сложилось впечатление, что... Ну, ты понимаешь... Извини меня, пожалуйста.

- Да ладно, сама виновата, - Люся ответно улыбается. Все-таки Гошины слова ей приятны. Очень неожиданны и оттого особенно приятны. - Проехали, забыли. Я не обижаюсь. Но знаешь... - она

решается сказать ему то, что так и не дает ей покоя. - Вы же вообще не похожи. Если не знать, ни за что не догадаешься, что вы близкие родственники. Ничего общего.

- Ну, так мы по матери только братья, - Гоша расслабился, это видно сразу. Результат Люсиных слов. - Отцы разные. И мы каждый, по утверждению мамы, очень похожи на своих отцов.

- Что значит - со слов мамы? Ты... вы... не видели своих отцов?

- Только на фото, - усмехается Гоша, а Люсю вдруг колет мысль: "Как и я". - Мы с Гришкой безотцовщина. Хотя нет, - поправляется. - Я-то с отцом. Гришка мне вместо отца был.

- Даже так?

- Именно так.

Нина Матвеевна, их мать, успела поносить за свою жизнь три фамилии. В девичестве Николаева, по первому мужу Свидерская, по второму - Жидких. Так при фамилии Жидких и осталась. Хотя не раз в шутку говорила, что уже чего-чего, а фамилия у первого мужа была что надо - звучная.

Фамилия у Сереги была звучная. Да и сам он был мужик видный. Высокий, плечистый, не красивый, но такой... породистый, как ей казалось. Водитель был вот просто от Бога, всякая тяжелая техника - хоть КРАЗ, хоть "Ивановец" его слушалась беспрекословно. Руки золотые опять же - не было ничего, что он не мог бы починить в машине. Одна беда - пил. Запивался. До недельных запоев, увольнений по тридцать третьей статье, выноса на продажу вещей из квартиры, пока жена на работе. Собственно, до нее - "белочки", натуральной белой горячки допивался. Потом он как-то "просыхал", долго просил прощения у жены, устраивался на новую работу. И ведь брали - даром, что трудовая книжка вся пестрела, но уж больно он специалист был хороший.

Терпение Нины иссякло, когда он в алкогольном беспамятстве поднял на нее руку. Даже не так. Не на нее. На бросившегося между скандалящими родителями трехлетнего Гришку. Муж потом и плакал, и на колени вставал, клялся, что ни-ни больше, говорил, что не сможет без нее и сына. А ведь и правда - Серега трезвый в Гришке души не чаял, играл с сыном, баловал игрушками, когда бывал с деньгами. Но - не поверила. Не поверила и не простила.

Спустя год после развода Сергей Свидерский пьяный насмерть замерз в сугробе.

А еще спустя полгода своего уже пост-разводного вдовства Нина второй раз вышла замуж. Тогда она думала, что это огромное счастье - что на нее, разведенку с четырехлетним пацаном, кто-то обратил внимание. И думать долго не стала - сыну нужен отец, мужская рука. Тем более, Александр был вполне себе ничего. Конечно, по сравнению с первым мужем - мелковат, ну так муж - это не курица на суп, чтобы на размер внимание обращать. Зато Сашка был балагур, весельчак, с ним было легко. И не пил. В смысле, выпивал, конечно, но как все нормальные мужики - только по праздникам, да и остановиться мог всегда, не дурел. Вот только с работой у Саши не ладилось. Был он по специальности электромонтером, и все ему везде было не так. Там начальник дурак, тут платят мало, там от дома добираться долго, тут на него смотрят косо. А потом ему и вовсе какой-то добрый человек расписал, как хорошо на северах. И сколько там платят. И на семейном совете было решено ехать за длинным рублем. Но уехал Саша один - Нина была на сносях, и они договорились так: он уедет, найдет работу, обживется на новом месте. А Нина потом, после родов, когда младший ребенок немного подрастет, с обоими детьми приедет к мужу.

Когда Гошке было три недели, пришла телеграмма от Саши: "Не приезжай. Я встретил другую и полюбил. Подаю на развод. Прости. Алименты на сына платить буду".

Так и осталась Нина во второй раз одна, теперь уже с двумя сыновьями на руках. На том ее опыт семейной жизни прекратился. Хорош дурью маяться, ей теперь пацанов надо поднимать.

Он казался Гошке невозможно прекрасным. Гоша боготворил его. В старшем брате Гошке нравилось все - и то, что он самый высокий и крупный среди своих друзей, и его манеру постоянно держать руки в карманах штанов, и то, с каким независимым видом он переносил очередную выволочку от матери за двойки. Он был для него всем - Богом, центром мироздания, человеком, которого он любил, пожалуй, едва ли не больше, чем мать - любил, обожал, преклонялся. Только было одно "но". Старшему брату он был на фиг не нужен.

Гоша пытался увязаться за старшим при малейшей возможности - ему казалось безумно увлекательным все, что делает Гришка. Брат так же упрямо пытался отделаться от младшего, иногда грубо. И еще наградил его таким обидным для младшего прозвищем "Жоржета". И нежелание видеть его, Гошу, рядом с собой, было совершенно явным.

Но Гошка ничего не мог поделать - несмотря на такое пренебрежительное отношение брата, он тянулся к старшему, как подсолнух за солнцем.

Ему шесть, Гришке одиннадцать.

- Мааам! Гришка не хочет брать меня с собой!

- Григорий! - голос матери строг и устал одновременно. - Возьмите Жору с собой. Мне надо кучу белья перестирать.

Гришка показывается ему кулак исподтишка, но с матерью не спорит. И Гошка радостно идет за старшими мальчишками. "Как собачонка" - зло смеется кто-то из Гришкиных друзей. Гоше обидно, но радость от того, что он идет куда-то со старшим братом и его компанией, сильнее. Ощущение того, что его ждет увлекательное приключение, не покидает.

Именно тогда все изменилось, в одночасье. Приключение было, да такое, что дух у маленького Жорки захватывало! Они шли два квартала, но оно стоило того, определенно. Зброшенный дом, который начали строить, да не достроили. Там было темно, таинственно и немного страшно. Но совсем по-настоящему он не боялся, хотя вообще темнота его очень пугала. Но здесь же был Гришка, значит, ничего плохого не случится. А еще тут было много ужасно интересных и непонятных штук, брошенных строителями. Он осторожно переходил от одной увлекательной находки к другой, даже не слишком переживая, что старшие мальчишки совсем не обращают на него внимания. У Гоши было собственное опасное, будоражащее кровь приключение для настоящих пацанов!

Опасность поджидала его на полу. Увлеченный поисками новых интересных предметов, он не заметил в полутьме брошенного здания пролома в полу. И упал вниз, в подвальное помещение.

Уже потом, когда пришли взрослые, когда посветили туда, в подвал, фонарем, когда достали Гошку и убедились, что всех повреждений у мальчика - синяк на коленке да ссадина на подбородке... Вот тогда все дружно пришли к выводу, что пацан родился в рубашке. Весь пол подвала был завален какими-то металлическими обломками, кусками железобетона с торчащими прутами арматуры. И аккурат между двух таких "недружелюбных" предметов Гошка и приземлился. И даже не поломал себе ничего.

Но тогда он об это не думал. Все пересиливал ужас. Страх от того, что оказался в крошечной темноте, и лишь серый проем над головой, где-то очень-очень высоко, как ему казалось. От которого почти не было света. И темнота, страшная, удушающая темнота вокруг, полная ужасной неизвестности. Он закричал.

Вот тогда все и поменялось. Гришка отослал друзей за взрослыми - хватило ума понять, что без помощи им мальчика не вытащить. А сам растянулся на краю пролома - лег животом прямо на жесткий пыльный бетонный пол, свесил голову вниз. И стал с Гошей говорить.

Голос брата... Тогда это был его воздух. То, чем Гошка дышал в те страшные минуты - кто бы знал, сколько точно они так провели: старший лежа на холодном бетонном полу и опустив лицо вниз, младший - сидя на таком же холодном бетоне, но подняв лицо вверх, туда, где едва виднелась голова брата на фоне пролома. И откуда слышался голос. Голос, которым он дышал. Голос, который не давал Гошке захлебнуться собственным страхом, не позволял страшной темноте поглотить его, не подпускал к нему неизвестных чудовищ, притаившихся вокруг.

О чем ему тогда Гришка говорил? Если бы Гоша помнил! Что-то смутное в воспоминаниях - про школу, про свою "классную" Раису Ивановну, которые за глаза звали Резина. Про то, что ждет самого Гошу после лета, когда он пойдет в первый класс. Про то, как они будут чинить Гошкин велосипед. И много чего другого, наверное. Молчаливый Гришка, от которого он слышал только "Отстань", "Не ной, Жоржета" и еще такое подобное, говорил, говорил, говорил. Без перерыва. Замолчал только тогда, когда услышал голоса - прибежали друзья вместе с взрослыми.

А потом, когда Гошу достали из подвала, он кинулся... нет, не к матери. К брату. Уткнулся носом в пыльную грязную футболку и тихо заплакал. И в тот раз Гришка ему даже не сказал обычного: "Не реви, Жоржета".

Вот тогда Гоша понял - у него есть брат. Впрочем, похоже, понял это не он один.

Дверь кабинета стукнула, закрываясь за Ларисой. Наконец-то его оставили одного! Как же быстро он привык к тому, что Гошка на работе. А категорически не хотел разбираться с Ларисой какие-то мелкие, по его мнению, финансовые вопросы. Как ему не хватает Георгия! Но он сам сегодня настоял на том, чтобы младший остался

дома. Гриша не слепой - видит. Похоже, нагрузку они так и не сумели правильно дозировать, как им массажист велел.

Воспоминание о девушке, которая делала Жорке массаж, кольнуло легким чувством стыда, но он от него отмахнулся - дело прошлое, в настоящем и без этого забот хватает. Но в одном эта... Люся? да, кажется, Люся, была права. Неправильно рассчитанная нагрузка - и все ее усилия пошли прахом, у Гоши опять спина болит, и сильно. Эх, как же он за младшим недоглядел?!

Сегодня Гошка дома, но не факт, что это имеет какой-то смысл. Все равно брат наверняка сидит за компьютером - даром вчера кучу бумаг с работы взял. И файлы какие-то на флэшку перед уходом из офиса копировал. Вот и что с ним делать? Загоняет себя, паразит этакий!

Григорий невесело усмехается своим мыслям, рассеянно глядя на падающий за окном снег. А ведь когда-то, давным-давно, он страстно хотел, чтобы противный приставучий младший брат куда-нибудь исчез из их с мамой жизни.

Своего отца он не помнил совсем. Гошкиного отца, дядю Сашу, помнил смутно. Помнил, что тот был веселый, часто рассказывал какие-то истории и играл с Гришей в машинки. Но слишком недолго он пробыл в Гришиной жизни, а детская память коротка.

Но вот "подарок", который им оставил дядя Саша, он запомнил очень хорошо. Младший брат ужас как мешал. Грише бы на улицу, гулять, а он сидит дома с младшим, потому что мать ушла в магазин, а там очереди и это надолго. А на улице лето, и друзья кричат в окно, а он тут сидит, караулит эту плаксу-канючилу!

Сколько раз он смотрел на ревущего младшего и думал... О том, как было бы хорошо, если бы он куда-то исчез. Потом Гошка подрос и стал таскаться за ним следом всюду. И это было еще хуже, чем когда Грише приходилось сидеть с братом дома. Потому что это лишало его ощущения свободы.

Все изменилось в тот день, в заброшенном недостроенном доме. Когда он услышал крик брата... когда обмер от ужаса... когда подбежал и понял, что случилось... По своей детскости он не очень задумывался о том, что брат мог серьезно повредить себе что-то при падении - тем более, что тот так голосил: "Гриша! Забери меня отсюда! Мне страшно!". Но вот в то, что младший там умирает от

страха - в это он поверил сразу, потому что знал, как Жорка боится темноты - сам же его не раз пугал.

Дальнейшее помнит смутно, действовал по наитию. Что говорил брату - да шут его знает! Но была полнейшая уверенность, что именно это и нужно делать - разговаривать с Гошкой, все равно ничего иного он и не мог больше. Но то, что он что-то должен был делать для брата - это было совершенно очевидно для него. Он не мог оставить Гошку наедине с его страхом.

А потом, когда Жорку - грязного, с кровоточащим подбородком, с безумными глазами все-таки достали из подвала взрослые - Мишкин отец спустился и на вытянутых руках просто поднял и передал Гошку тем взрослым, что были наверху... Так вот, когда брат кинулся именно к нему и ткнулся носом ему в живот... когда его рука, сама, на каком-то рефлексе, легла на Гошкину голову... Вот тогда ответственность за брата мгновенно и намертво зацементировалась в его душе.

Это оказалось даже клево. Когда у тебя есть брат. Ну, в смысле, брат по-настоящему. Выяснилось, что Гошка не такой уж и нытик. И мозги у него варят. А еще он веселый и надежный. Но самым замечательным было то, в чем Гришка себе ни за что не признавался. Этот взгляд, полный обожания, та беспрекословная Гошкина вера в него, в то, что он самый лучший. Да, все-таки, когда у тебя есть такой младший брат - это клево.

Он делал для брата все, что мог. Пару раз бил морды обидчикам. Учил самого давать сдачи. В плане учебы вот не мог ничему научить, потому что учился Гошка, в отличие от него, бестолочи, хорошо - не с тройки на двойку, а на пятерки и четверки.

В общем, после того случая они быстро стали просто "не разлей вода". И Гришка искренне недоумевал, как раньше могло быть по-другому.

Вокзал, суета. Он сам, уже обритый наголо, как и положено призывнику. Мать стоит в сторонке, утирая глаза платком, Гошка рядом.

- Не реви.

- А я не реву, - врет нещадно. И вдруг порывисто обнимает брата за шею, крепко, не отпускает долго. А потом, все же отстранившись и не пряча слез. - Ты сейчас скажешь, что настоящие мужики не обнимаются...

- Точно, - серьезно кивает Григорий. - Не обнимаются. Но... - после небольшой паузы, - мы братья. Нам можно.

И уже сам, крепко, кратко. Но успевает шепнуть на ухо:

- Мать береги.

И, отступив назад и закинув на плечо рюкзак:

- Ну, все, я пошел в вагон. Долгие проводы - лишние слезы.

- Гришенька, - мать снова припадает на грудь, он закатывает глаза, но обнимает ее.

- Я буду тебе писать каждый день! - это Гошка, отчаянно.

- Да зачем каждый день? Раз в месяц и хватит.

Знал бы он тогда, как будет ждать писем брата...

Не так уж и туго ему пришлось в армии. Да, с питанием швах, гоняют постоянно по всякой ерунде, но хоть обижать его никто не лез - рост, плечи, мрачный взгляд и здоровенные кулаки говорили сами за себя.

Потихоньку обживался. Обзавелся несколькими друзьями, выучился и сдал на права. К технике его тянуло давно, а тут и случай подвернулся. Так прошел почти год. Начальство армейское его прямо ценить стало - за спокойный характер, за авторитет, за умение разбираться в машинах. Сам же Гриша не чурался никакой работы и использовал любой шанс научиться чему-то новому. Руками он работать точно не боялся. И ему доверили "особо важную работу".

Он, когда узнал, куда их посылают, сам хотел послать. Да солдат послать не может, обязан выполнять. И Григорий Свидерский еще с девятью солдатами отправился строить генеральскую дачу. Если быть точным, достраивать дом и обустраивать участок. Командовал ими ефрейтор Созинов. У которого была только одна цель - как можно лучше угодить генерал-майору, владельцу дачи. Впрочем, все было неплохо, не считая того, что занимались они тем, что к армии имело самое опосредованное отношение. Но какой дурак будет в таких условиях принципиальность проявлять? Тем более, что кормили их, в отличие от того, что давали в столовой войсковой части, вполне прилично. Просто, но сытно и обильно. Да и работа сама была - не бей лежачего. Знай, таскай носилки с песком да цементом, кувалдой или лопатой орудуй. Вот при работе лопатой беда и приключилась.

Захотелось генерал-майору колодец на участке. У соседей ни у кого нет, а у него будет!

Начать с того, что место для колодца от балды выбрали и до водоносного слоя добирались долго. Оттого и копать пришлось глубоко. Но им-то что, ефрейтор сказал - копать, значит, копаем. Вот и копали - долго, глубоко.

Григорий, как истинный горожанин, понятия не имел о том, что при рытье колодцев есть какие-то хитрости, тонкости. И про опалубку слыхом не слыхивал. А при такой глубине шахты колодца это было уже просто необходимо. Знал ли об этом ефрейтор Созинов - кто теперь скажет? Но в один день грунт, состоявший из слоев глины и песка, обрушился. Погребя под собой троих.

Они копали несколько часов, без перерыва. Копали, выбиваясь из сил, не обращая внимания на усталость, на ломоту в руках и спине, хотя и понимали разумом, что без толку это все. Так и вышло. Откопали трупы. Раздавленные, переломанные, со ртами, полными глины пополам песком.

Дело замаяли. Что сказали родным тех трех погибших солдат, как объясняли то, что трое срочников погибли на генеральской даче, Гриша так и не узнал. Им велели молчать и делать вид, что ничего не случилось. Прислали троих новых солдат, ефрейтора Созинова отозвали, заменив его на сержанта Голованова. Работа продолжилась. Но забыть было непросто.

А спустя три дня на заборе, огораживающем дачу генерал-майора, появилась надпись: "Убийца". Их заставили закрасить. На следующий день надпись появилась снова. Они ее дисциплинированно закрашивали по приказу сержанта, но каждое утро надпись появлялась снова. По дачному поселку поползли слухи, пошли разговоры. На пятый день "художника" поймали за ночной работой.

- Откуда ты взялся, такой принципиальный? - седой офицер смотрит на него хмуро и раздраженно. - Что тебе, больше всех надо?
- Никак нет, товарищ подполковник!
- На гауптвахту его, - тот устало машет рукой. - Будем разбираться.

За свою деятельность Григорий мог бы поплатиться дорого. Но судьба по-другому рассудила, повернулась к нему лицом...

- Как же тебя, такого лба здорового, призывная комиссия пропустила? - подполковник смотрит на него, наклонив голову и

подперев ее рукой. Пальцами другой методично постукивает по лежащей на столе папке с документами.

- Не понимаю, - совсем не по уставу растерянно отвечает Гриша, стоя по стойке "вольно".

- Я твое личное дело полистал. Тебе же прямая дорога в десантные войска, с такими данными! Куда в призывной комиссии смотрели?!

- Не знаю, товарищ подполковник!

- Ну так будешь знать, художник вольный! По твоей милости вся эта история снова всплыла, кое-кто, сильно идейный, малевания твои увидал. А у нас теперь неприятности...

- А у родителей этих ребят - у них нет неприятностей? - совсем тихо и совершенно уже точно не по уставу.

- Ох, такой большой и такой дурной... - вздыхает подполковник. - На твое счастье, обратило на тебя внимание большое начальство. И пристроить велели. От греха подальше, да от этой истории тоже... подальше. И чтоб молчал, как рыба, понял?!

- Так точно! - а потом не выдержал: - А куда пристроили-то?

- В десант, Свицерский, в десант. Куда тебе и дорога была с самого начала. Там таким шибко правильным бугаям самое место.

В десанте он дослужил безо всяких эксцессов. Наверное, там ему и правда, было самое место.

Из армии вернулся с правами, навыками автомеханика и наколкой "ВДВ" на левом предплечье. Да и в самих плечах еще более раздавшийся. Что, впрочем, не помешало матери причитать на вокзале: "Господи, похудел-то как!..".

- Ну, докладывай, дневальный, - он через голову матери улыбается брату.

- Да все нормально... вроде... - Гошка тоже улыбается - широко и ошалело-растерянно.

- Неправильно, - поправляет его брат. - Надо отвечать: "В казарме без происшествий!".

- Так точно, - Гошка наконец-то получает возможность обнять старшего. - В казарме без происшествий, товарищ брат.

Григорий задумчиво смотрит на свои руки, лежащие на полированной поверхности его директорского стола. Здоровенные у него ручищи, что там говорить. Но чистые, с аккуратно подстриженные ногтями. А когда-то эти руки были совсем другими -

с вечно сбитыми костяшками, заскорузлые, все в заусенцах, с грязью масляно-мазутного происхождения под ногтями. И сам он тогда постоянно пах дизелем и машинным маслом. А иногда еще - тосолом.

Он начал работать еще до армии: год после школы трудился, где придется - на погрузке-разгрузке, в основном. Но после демобилизации, с правами, с опытом, полученным в армии, перед Гришей открылись новые возможности и перспективы. На робкое предложение матери поступить куда-нибудь, хотя бы в техникум, отрезал: "Пусть Гошка учится, он у нас умный. А я десять классов кончил, и хватит мне. Да и семью кому-то кормить надо".

И то верно. Лихие девяностые, как их потом назвали. Многие в стране трещало по швам, словно корабль, попавший в плен арктических льдов. А кто-то, наоборот, обрастал жиром - стремительно и на первый взгляд - необъяснимо. Их семья скорее трещала. Мать была по специальности сметчиком, а строить в стране вдруг резко перестали. СМУ, в котором работала Нина Матвеевна, медленно и тихо загибалось. Если кто и мог заработать денег в семью - так только Гришка. И он зарабатывал.

Всякие баранки покрутил - и таксовал, и на каменном карьере работал. И автомехаником успел потрудиться, да не поладил с хозяином. Вообще это бывало с Гришой редко - обычно он старался сдерживаться, но тут сорвался. Чудом хозяину мастерской репу не начистил, хотя и не касалось Гришки то дело. Девчонку, что заказы принимала, оформляла и наличность с клиентов брала, хозяин обрюхатил, а потом только деньги ей на аборт, да еще и руку на деваху поднял. Парни Григория тогда оттащить вовремя успели - пока он только этого хорька за шиворот тряс, примеряя, куда лучше врезать. Потом остыл, конечно, да и пожалел, что встрял: девчонка - курица редкая, сама виновата, там слепому видно, что за дерьмо человек, так она все равно с ним связалось. Но не мог он смотреть, когда женщин бьют. Словом, вылетел он из мастерской. И на какое-то время приняла его в себя дружная семья дальнобойщиков - два года мотался по всей стране, всякого насмотрелся, опыта житейского набрался. И нравилось ему это дело, по нему вроде бы было, да и денег нормально приносило. А самое главное - вот это чувство, что ты вкалываешь на полную катушку, выкладываешься, все силы отдаешь своему делу - оно давало ему чувство удовлетворения собой, своей жизнью.

А потом... потом напарник предложил с ним за компанию поехать "во Владик за машинами". У того тесть этим занимался, утверждал, что дело прибыльное. Ну, они с напарником копилку потрянули и поехали. Напарник прогорел - всучили ему там какое-то палево, после аварий из двух машин собранное. А вот у Гриши дело пошло - его обмануть было непросто. И так, одна за одной, дело потихоньку стало двигаться. Приехал, выбрал, купил, перегнал, продал. И снова - во Владивосток, приехал, выбрал, купил... Вскоре у него образовался авторитет в определенных кругах, ему специально заказывали конкретные модели машин, он мог и заломить уже повыше комиссионные, но клиентов это не пугало - знали, что Свидерский пригонит хорошую машину. У него появились свои люди там, в далеком городе на берегу Японского моря. В какой-то момент он понял, что в одиночку просто не справляется - клиентов много, а он один. И открыл небольшой офис. Хотя тогда какой это был офис - один кабинет, один компьютер, телефон, факс. Девочка Света на заказах, взял себе еще напарника Пашку. А потом как-то вдруг все резко закрутилось.

Все больше машин. Потом владивостокские партнеры помогли - и он стал работать напрямую с аукционами в Японии. Железнодорожные поставки. Собственные склады. Потом собственные автомастерские. Потом - дилерский контракт. Потом - еще один.

Сейчас, вспоминая, кажется, что все произошло очень быстро. А, если вдуматься - на это ушло пятнадцать лет жизни после армии. За это время Гошка успел окончить школу, поступить в университет, успешно получить финансовое образование и влиться в компанию брата. А еще за это время они похоронили мать, в полгода быстро, но - хотя бы тут повезло - почти безболезненно угасшую от рака.

Как стремительно пролетело время... Кажется, еще совсем недавно все, что у него было - это маленький кабинет, два человека в подчинении и море амбиций. А сейчас... Себе тогдашнему он сегодняшней показался бы, наверное, небожителем. Но самому Григорию казалось, что он уже стоит лицом к склону горы. И скоро начнется падение вниз.

Когда, в какой момент это произошло? Когда он утратил контроль над ситуацией? Вот вся эта гонка - укрупнять бизнес, увеличивать активы, добиваться максимальной прибыли... когда он перестал понимать, что происходит в его компании? Наверное, так уже не

первый месяц. А может даже, не один год. И хорошо же обвинять во всем случившемся брата. Да, конечно, Гошка редкого дурня сваял, но если бы сам Гриша вовремя остановился... Если бы прекратил это бесконечное карабканье вверх... Если бы реально оценил свои силы... То всего бы этого не было. Надо уметь вовремя остановиться. Надо было останавливаться, как только появились первые признаки того, что он уже не в силах контролировать происходящее. Но нет же - он поддался соблазну гордыни. Подняться еще выше. Выше собственной головы. И скоро он полетит вниз - этой вот самой головой вперед...

Григорий резко откинулся в кресле. Думай - не думай, а дело все равно делать надо. Без боя не сдастся. Еще побрыкается.

- Гош... а ты мне не скажешь... как ты спину травмировал? - у Люси появилась странная уверенность, что теперь она может позволить себе чуть большее любопытство. После того, как он сам пришел, после того, как извинился.

- Расскажу, - Георгий усмехается невесело. - Но не сейчас. Поздно уже. Давай завтра встретимся?

- Что?! - то ли у нее совсем уж полный бардак в голове, но это звучит для нее как приглашение на... свидание?!

- Ну, в кино сходим, посидим где-нибудь после...

- Гош... - сказать, что она растеряна - это значит крайне недооценить положение вещей. - Я... я не могу.

- Стесняешься?

- Чего это?! - возмущается она.

- Ну, того, что я тебя ниже, например.

- Это ты должен стесняться! - она выпаливает это, не успев даже подумать.

- А я вот совершенно не стесняюсь... - он улыбается ей своей фирменной проказливой улыбкой. - Так что, если в этом все дело...

- Гош... у меня завтра все расписано под завязку... Ты же видишь, во сколько я домой прихожу...

- Понял, - он невозмутим. - А послезавтра?

- И послезавтра, - вздыхает Люся.

- А после...

- И после-после, - не дает она ему закончить. - У меня... плотный график.

- А выходные у тебя в этом графике что - совсем не предусмотрены?

- Почему? - она вдруг мечтательно улыбается. - Уже второе воскресенье у меня свободное. Завела себе практику по воскресеньям не работать. Мне понравилось!

- Значит, до воскресенья?

- Ну, надо же, - она качает головой. - Вариант отказа не рассматривается?

Далее следует миниатюра "глазки котика из "Шрека"" в исполнении Георгия Александровича Жидких.

- Лютиииик.... Неужели ты мне откажешь?..

Люся не выдерживает и смеется.

- Ладно, сиротка. Будет тебе кино и попкорн.

- Чудненько!

- А скажи-ка мне, Гоша...

- Что?.. - он мгновенно настораживается, чувствуя подвох.

- Неужели ты разыскал меня и приехал только ради того, чтобы извиниться?

- Ты что, мне не веришь? - он показно обижен. - Между прочим, я человек с тонкой душевной организацией и обостренным чувством справедливости! Это Гришка - Шрек бесчувственный.

- Ну-ну... - Люся смотрит на него недоверчиво. А потом, придя к каким-то выводам: - Ты гимнастику делаешь?

Ответом ей смущенное молчание.

- Тааак... Спина болит?

Снова молчание.

- Руки? Руки немеют?

Судя по тишине на кухне, на Георгия нашел внезапный приступ немоты.

- Раздевайся.

- Что, догола? - он снова пытается бравировать.

- Догола! И ремень из штанов вытащи. Пороть тебя буду!

- Лютик, ну ты чего?..

- Рубашку снимай! - она шутить не настроена. И, после того, как он растерянно, но послушно исполнил требуемое: - Спиной ко мне повернись.

Ее ладони прошлись по спине, где-то мягко, где-то прижимая. На ее короткие: "Тут больно?" он отвечает преимущественно стонами. Опытные пальцы надавливают именно туда, где больнее всего. Точно знают, куда надавливать.

- Гоша, Гоша... Ну, ты же взрослый человек...

Он отвечает ей вздохом, поворачивается лицом.

- Что, все плохо, Лютик?

- А то ты не чувствуешь?! Мы вернулись к тому, с чего начали! Гоша, ну нельзя так! Ты же так никогда не восстановишься полностью! Лучше сейчас потратить время на нормальную реабилитацию, чем затянуть вот такое состояние на неизвестно сколько времени!

- Я понимаю... Но вот сейчас мне нужно быть на работе... Мне очень нужно...

- Нет, ты НЕ понимаешь! - она неожиданно резка. - Не знаю, как уже тебе объяснять, Георгий! Ты вроде бы взрослый, умный человек. Ты просто горишь себя! Ты что, хочешь слечь? Чтобы не иметь возможности даже с кровати встать?

- Не хочу, - голос его тих и серьезен. - Пробовал. Не понравилось.

- Ну вот... - ей снова становится его так жалко, что хоть плачь. - Гош, пожалуйста...

- Что здесь происходит? - в дверях кухни - местная полиция нравов. Которая явно недовольна открывшей на кухне картиной - дочь и по совместительству внучка полиции нравов и голый по пояс мужчина.

- Ой, - первым реагирует Гоша, подхватывает с табуретки рубашку, - Фаина Семеновна... Антонина Вячеславовна... это совсем не то, что вы подумали...

- Да мы уж и не знаем, что думать, - это бабуля. Смотрит, недовольно поджав губы.

- Это по работе. Клиент, - в отличие от Гоши Люся и не думает смущаться. Она этих двоих знает как облупленных.

- Что-то я не помню, чтобы ты раньше работу на дом брала, - не унимается бабушка.

- Как видишь, работа сама на дом приезжает, - пока она разговаривает с родственниками, Гоша рядом торопливо застегивает пуговицы. - Перестаньте человека смущать. Ему и так непросто.

- Что такое? Что случилось? - обе дамы тут же переключают свое внимание на Гошу, причем осуждение в глазах тут же меняется на любопытство пополам с сочувствием.

- Врачебная тайна, - пресекает вопросы Люся. - Ма, ба, нам закончить разговор надо. Десять минут, хорошо?

- Хорошо, - кивает Фаина Семеновна. - Но недолго. А то поздно уже. А Георгий потом как добираться домой будет? Поди, и автобусы уже не ходят.

- Да не переживайте, я на машине, - встречается Гоша, он уже полностью одет и сразу обрел былую уверенность.

Их снова оставляют одних.

- В какой-то момент мне показалось, что я сейчас получу скалкой в лоб, - теперь Гоша позволяет себе усмехнуться. - Серьезные женщины. Вон как тебя стерегут.

- Угу. Считается, что за мной присматривать надо. Дите же еще... Ладно, - прерывает саму себя Люся. - Вернемся к делам нашим скорбным... Гош, у меня до Нового года все плотно. И люди там такие... Не могу я никого двинуть. Если только заболит кто-то или как-то по-другому сорвется... форс-мажоры какие-то...

- Люсь, да я понимаю Я же не за этим приехал, чтобы тут к тебе без очереди влезть...

- Слушай, а может быть, другого тебе специалиста найти? У меня есть пара на примете, хороших. Правда, не факт, что и у них что-то выкроить получится на ближайшее время...

- Нет! Не хочу никого другого. Я буду тебя ждать.

- Эх, бросить бы тебя, такого непослушного, к чертовой бабушке!

- Лютик, ну, не бросай! - они говорят вроде бы в шутку, но что-то в его глазах есть... Угу, она сентиментальная корова, она в курсе. Жалостливая дура.

- Хорошо, - решительно кивает. - Или на ноги тебя поставлю, или самолично добыю. Чтоб не мучился. Но учти, Гошенька... - она берет с холодильника блокнот, отрывает листок. - То, что я тебе сейчас напишу, ты должен запомнить намертво, как "Отче наш", и выполнять беспрекословно. Хотя... какой "Отче наш"? Что там у вас, у финансистов, самым важным документом считается?

- Ну... не знаю... может быть, Налоговый Кодекс.

- Вот, Гоша, - она садится за стол и начинает быстро писать мелким, убористым почерком. - Это твой Налоговый Кодекс. И за нарушения будут такие санкции, что ремень брата покажется тебе сладким воспоминанием.

- Сурова, матушка, ох, как сурова...

- Ты еще пожалеешь, что со мной связался.

- Думаю, что не пожалею.

- Где тебя, больного, черти носят на ночь глядя?!

- Почему у меня ощущения, что мне десять лет, а ты - моя мама? - Гоша аккуратно раздевается в прихожей. В последнее время даже такие простые действия, как одеться-раздеться, даются ему непросто.

- Потому что по менталитету тебе как бы не меньше, чем десять лет! А твоя мама... она же моя мама... когда умирала, помнишь, что сказала?

- Гош, не надо... Я все помню...

- Она сказала, - неумолимо продолжает старший: - "Григорий, присматривай за братом". Я присматриваю. Как могу.

- Ладно, ладно, я все понял, - Гоша проходит в гостиную, брат за ним. - Я был у Лютика, - лишь бы сменить тему разговора.

- Лютик - это что такое? - вполне искренне недоумевает старший.

- Оригинальное название для ночного клуба.

- Ночной клуб, ага. Очень смешно, Григорий Сергеевич.

- Есть хочешь? - Гришка проходит в кухонную зону.

- Нет, спасибо. Меня чаем с пирогами угостили.

- Где это тебе так повезло? - голос брата звучит почти завистливо.

- Ты глухой, что ли? Я же тебе говорил - я был у Лютика!

- Угу. А теперь объясни непонимающему: Лютик - это чьи позывные?

- Ну, ты даешь! - усмехается Гоша. - Лютик - это Люся.

Массажистка моя. На которую кое-кто, - не удержавшись, злорадно: - наорал ни за что. Вот... Ездил грехи твои замаливать.

- Ты шутишь? - брат смотрит на него недоверчиво.

- Совсем нет.

- Чего я не знаю?

- Ой, да до хрена чего ты не знаешь. Всего и не перечислишь.

- Гош, я серьезно, - старший перехватывает его, намеревающегося выйти из кухни, за плечо. - Что происходит? С чего ты к массажистке домой поперся?

- Да ничего особенного. Соскучился! - с вызовом. - И потом - мы договорились о следующем сеансе. И мне по фиг, если ты против! Это мой массажист, и я не хочу другого, понял?!

- Да ладно ты, не кипятись, - тон у Гришки примирительный. - Лютик - так Лютик. Главное, чтобы тебе нравилось.

- А она мне нравится! А еще мы в воскресенье идем в кино, да.

- Чего?!

- Того! Для особо одаренных или притворяющихся глухими повторяю - в воскресенье мы с Люсей идем в кино.

- Гош... ты соображаешь, что делаешь?

- А что такого?

- Да как бы тебе сказать... помягче... - брат опирается ладонью в стену. - Ты представляешь, как вы выглядите вместе? Со стороны?

- Как?! Люся симпатичная! А еще она очень... очень приятный в общении человек. С ней хорошо. И не смей больше называть ее толстой коровой! Она очень привлекательная девушка! А ты просто дурак.

- Да я разве спорю? Симпатичная, вроде бы. Но она же тебя выше. И... крупнее... Заметь, я не сказал - толстая корова! - он не дает брату возразить. - Но ты же не будешь отрицать, что она такая... - он делает какой-то непонятный жест руками, будто вращает что-то округлое, вроде мяча, между ладоней, - ну... такая...

- Аппетитная! И вообще - завидуй молча!

Гришка лишь молча крутит пальцем у виска, а Гоша в ответ гордо задирает подбородок вверх.

- Да, забыл сказать. Мы массаж прямо вот с первого января начинаем. Ты не против?

- Да с чего мне быть против? Я вообще планирую тридцать первого пораньше спать лечь. И выспаться как следует. Так что главное - на утро сеанс не назначайте.

- Что значит - лечь спать пораньше? Что, и шампанского под бой курантов не хряпнем? Чисто символически?

- Зачем?

- Желание загадать! Неужели тебе нечего загадывать, Большой Брат?

Уже готовые сорваться саркастические слова так и остаются несказанными. А Гриша усмехается.

- Ладно, уговорил. Шампанского хряпнем. Но потом спать!

- Ну-ну, - злорадно улыбается Георгий. - А потом ты не заснешь.

- Почему?

- Потому что начнутся фейерверки!

- Черт! Вот все-таки за городом, в своем доме жить гораздо лучше.

- Гриш... - такое ощущение, что из младшего мгновенно выпустили весь воздух. - Прости меня...

- Да ладно, - у старшего голос тоже виноватый. - Ты тоже прости меня, ляпнул, не подумав. Что теперь вспоминать, дело прошлое.

- Люся, кто это был?

- Ба, я же сказала. Клиент, - Людмила убирает со стола посуду.

- Да сядь, не суетись, я сама все сделаю, - бабушка отнимает у нее чашки. - Что-то раньше к тебе клиенты на дом не являлись.

- А он ничего, - вступает в разговор мать. - Мелковат только. Зато с машиной. Кем он работает, доча? Квартира своя есть, один живет?

Началось...

- Это. Просто. Клиент, - раздельно, по словам. - Я пошла спать. Спокойной ночи.

- Спокойно ночи, Люсенька, - отвечают мать и бабушка слаженным дуэтом. И нет никаких сомнений, что в ее отсутствие состоится внеочередное заседание военного совета с отнюдь не новой повесткой дня: "Как нам пристроить Люсю?".

Глава 5. Большая ошибка.

- Георгий, Георгий... Вы меня очень разочаровали...

- Константин Сергеевич, я все осознал!

- Ну как же так, голубчик, - врач снимает очки, трет переносицу. - Это не шутки же - такой был перелом сложный. На ноги вас поставили чудом. А вы... ну как ребенок, честное слово!

Гоша смущен. Сначала брат, потом Лютик, теперь вот его лечащий врач, заведующий травм.отделением, а также зав.кафедрой травматологии и ортопедии, Казанцев Константин Сергеевич. Все его ругают, все о нем беспокоятся. Безумно неловко.

- Рассказывайте. Что сейчас делаете?

Гоша вздыхает и подробно пересказывает Люсины инструкции.

- Так-так... Все верно. Большого трудно сделать в данной ситуации. Главное, Георгий, вот так и продолжайте. И второй курс массажа не затягивайте. Кто с вами работает?

- Простите, не понял?

- Массаж вам кто делал?

- Люся. В смысле, - поправляется, - Людмила Михайловна.

- Пахомова?

- Да, точно, - он вспоминает Люсину фамилию. - Пахомова.

- Ну, хоть тут я могу быть спокоен, - удовлетворенно кивает Казанцев. - Хоть тут за вами присмотр будет. За Людмилу Михайловну держитесь, слышите?

- А вы... - Гоша удивлен, - вы ее знаете?

- Кто же Пахомову не знает? Один из лучших специалистов в городе, руки золотые. Так что вам повезло. Толковый массажист в вашем случае - это половина успеха, залог выздоровления.

- Я так и понял, - Гоша встает, протягивает руку врачу. - До встречи, Константин Сергеевич.

- До встречи, - тот отвечает на рукопожатие. - Надеюсь, в нашу следующую встречу увидеть положительную динамику. Людмиле Михайловне привет.

- Ну, что сказал Казанцев?

- Да так...

- А конкретно? - настаивает Григорий.

- Ругался, - сознается Гоша. - А еще велел выполнять все Люсины рекомендации и вообще - держаться за нее.

- В каком смысле - держаться?

- Да уж явно не в том, в каком ты подумал! Хотя... - с усмешкой, - я бы и в этом смысле не отказался... подержаться!

- Нет, - недоверчиво качает головой брат, - ты явно с мозгами не дружишь.

- Да ну тебя, - отмахивается Георгий. - Не лезь не в свое дело. А представляешь, кстати... Казанцев Люсю знает!

- Ну и что? - Григорий невозмутим. - Он же мне ее телефон и дал.

- Да?!

- Да. Сказал, что это очень хороший специалист. А что тебя удивляет?

- Да я как-то... и не думал даже... Казанцев - это ж величина... светило наше... А Лютик - она простая, вроде бы...

- Ну, видимо, не такая уж и простая.

- И ты на этого человека орал!

- Всю жизнь мне это теперь будешь поминать?!

Остолбенел. Вот как вышел из машины, так и остолбенел, когда ее увидел. Не ожидал такого, не был готов.

Пуховик, джинсы, спортивные ботинки - всего этого не было. Зато были коричневые брюки свободного покроя, короткая каракулевая то ли шубка, то ли куртка - мех органично сочетался с вязаными рукавами и отделкой кожей. Дополняли все это великолепие тонкие

кожаные перчатки, изящный клатч и такая копна волос, обычно убранных, что и шапка не нужна.

Гоша не сразу нашелся, что сказать. Ему комплименты всегда легко давались, а тут как-то вдруг растерялся.

- Привет, - Люся подошла к машине. - Ничего, что я на каблуках сегодня?

- Ничего, - он наконец-то обретает дар речи. - Если что - я подпрыгну.

А потом демонстративно встает на носки своих тонких кожаных туфель и целует ее в щеку.

- Гош, ты чего?!

Смутил, ой, смутил Лютика! К нему возвращается утерянная уверенность, а настроение, и без того бывшее не самым пасмурным, зашкаливает теперь за оценку "превосходное".

- Чего-чего... У меня рефлекс - целовать красивых девушек. Кто тебе виноват, что ты такая красивая, что я удержаться не могу.

Она не находится с ответом и вообще - выглядит растерянной и смущенной. И возобновляется разговор уже только в салоне темно-синего "Ауди", под мерное урчание немецкого мотора.

- Гоша, ты гимнастику делаешь?

- Угу.

- Тогда рассказывай.

- Что тебе рассказывать? - он даже на секунду отрывает взгляд от дороги.

- Порядок упражнений.

- Люсь, ты шутишь?!

- Тебе веры теперь нет, - к ней вернулась былая невозмутимость. - Так что доказывай, как ты выполняешь мои предписания.

- Ты думаешь, я помню?!

- Если делаешь каждый день, то помнишь.

Тон ее настолько ровен, что Гоша понимает - спорить бесполезно.

- Хорошо. Исходное положение - лежа на спине. Разводим руки в стороны.

- Дальше.

Гоша вздыхает.

- Не отстанешь?

- Нет.

- Ладно, - еще один демонстративный вздох. - Исходное положение - то же. Поднимаем руки вверх. Поочередно. Потом одновременно.

Людмила удовлетворенно кивает. Машина катит сквозь снег, неоны реклам и свет фонарей.

- Ну что, сиротка, купить тебе попкорн?

- Если честно, терпеть его не могу, - немного виновато улыбается Гоша.

- Отлично. Я тоже.

На них обращают внимание. Людмиле не привыкать - если она одета ярко, незамеченной она не остается. Ну а в паре с Гошей они смотрятся, наверное, особенно... колоритно. Георгий, однако, не выглядит хоть сколько-нибудь смущенным удивленными взглядами со стороны. Весел, галантен, дружелюбен. И все это - без тени фальши.

Выбор фильма Люсю удивил. Но удовольствие это ей получать не мешало, нисколько. Чудесный, добрый и очень смешной, местами просто до слез, мультфильм.

- Гош, почему мультик? - после кино они сидят в небольшом кафе в том же торгово-развлекательном центре. Гоша пьет безалкогольное пиво, у Люси в руках бокал белого сухого, на столе - соленые фисташки и сырная тарелка.

- Да это самое приличное, что сейчас идет, - он отхлебывает пива.

- Кстати. Казанцев тебе привет передавал.

- Был у него? - Люся нисколько не удивлена. - Что сказал? Всыпал тебе горячих?

- Всыпал, - соглашается Гоша. - А ты его давно знаешь?

- Да мы лично и не знакомы, - усмехается Людмила. - Видела его как-то по телевизору в наших местных новостях. Так, через пациентов только знаем друг друга. Одно же дело делаем, общее. Он замечательный доктор.

- Он о тебе тоже с большим уважением отзывался.

- За что кукушка хвалит петуха... - улыбается Люся. А потом становится серьезной: - Гош... Ты мне обещал рассказать.

Он задумчиво покачивает в руке бокал с пивом. Обещал, действительно. Да и почему нет, собственно? Брату он так и не смог толком объяснить, что произошло. И почему он это сделал. Так, может быть, сможет это объяснить Люсе? Или, хотя бы, самому себе?

Бедка пришла, как водится, неожиданно и под маской хороших новостей. И принес ее Гришка. Но вот уж что-что, а винить брата было бы совершенно неверным. Потому как начиналось все просто замечательно.

Свежеприобретенная Гришкина привычка встречать Новый год в деревне Георгия ужасно раздражала, но переспорить или переубедить брата было невозможно. Как только Григорий наконец-то решил, что может себе финансово позволить купить дом, а с ним и большой участок земли, так вытащить его оттуда по выходным не стало никакой возможности. А на Новый Год Гришка и вовсе уезжал даже не в дом свой, а совсем в глухую деревню, на пару со своим водителем, к тестю Валерия Павловича. Когда Георгий с недоумением спрашивал: "Что там делать?!" ему отвечали неизменно: "Баня, самогон, рыбалка". А когда Гоша ошалело переспросил: "Самогон?!", брат просто махнул на него рукой со словами: "Не пробовал первач Галины Денисовны - так и нос не морщи". В общем, понять смысл такого времяпрепровождения Гоша не мог, не пытался даже, а от приглашения составить компанию отказывался. Но именно оттуда, из деревни, Гришка и привез Инвестора. Полковника. Как бы странно это ни звучало.

Инвестор - это Владимир Александрович Полковников. Гришка, изрядно помятый, вернулся со своего очередного деревенского загула и заявил, что с хорошим мужиком там познакомился, они все дни с ним и Палычем пили-парились-рыбачили-на-снегоходе-гоняли. А познакомились они, помогая вытаскивать из ручья снегоход Владимира. Когда выяснилось, кто этот "хороший мужик", у Гоши, говоря по-простому, глаз выпал и челюсть отвисла. Тот самый Полковников, которого все в финансовых кругах знали как Полковника. Глава крупнейшей в регионе инвестиционной группы компаний "Финист". У него был доступ к столичным деньгам, его прикрывали друзья из "нефтянки". А еще у Полковника был фантастический нюх на то, где можно заработать и волчья хватка, когда дело касалось дележа прибыли. И все равно - это был Инвестор. Это был доступ к длинным и относительно дешевым деньгам, на которые можно было столько дел натворить! У Гоши просто зудело в пальцах при мысли о том, как можно приподнять их средний, в общем-то, бизнес, на той финансовой подушке, которую мог бы обеспечить им "Финист". И кто бы мог подумать, что САМ

Полковник окажется любителем такого непритязательного отдыха, как и его братец?!

Гришку он уговаривал два месяца. Взял просто в осаду. Уговаривал, убеждал, соблазнял перспективами. Брат был жутким консерватором, панически боялся залезать в долги, все время твердил: "Надо жить по средствам". Гоша в ответ бил его инвестиционными проектами, столбцами прибыли, картинами их собственного материального благополучия. И все-таки смог убедить брата. И Гришка пошел на поклон к Полковнику, с которым у него как дружеские отношения сложились под баню, рыбалку и самогон, так и продолжились, хотя бы уже и в городе.

А Полковник взял и согласился на сотрудничество. Практически сразу. Он давно присматривался, оказывается, к автомобильному рынку, а тут и случай представился. В общем, складывалось все просто как в сказке. Правда, еще почти полгода ушло на то, чтобы договориться с финансистами и юристами "Финиста" о деталях инвестиционной деятельности - там были те еще акулы. Но и Гоша уж был тертый калач. И, после нескольких месяцев нешуточных баталий, они получили то, чего добивались - деньги. Много и на хороших условиях.

Георгий чувствовал себя полководцем во главе огромной армии. И он уже точно распланировал, куда, по каким направлениям двинуть свою свежеприобретенную финансовую мощь. Гришка паниковал от того, что происходит, и как стремительно улетают куда-то огромные суммы денег - не их, чужих денег! Но Гоша сам только смеялся: "Не дергайся. Ты дал мне точку опоры. Теперь я переверну мир". Так оно и вышло, в конце концов. Только мир перевернулся совсем не так, как Георгий рассчитывал.

Земля посыпалась у него из-под ног заранее. Но он тогда не придал этому значения. Он был уверен, что это пустяк, он с собой справится. И ведь удар пришел оттуда, откуда он и подвоха даже малейшего не ждал. Вот в чем-чем, а в отношениях с женщинами он считал себя экспертом - в отличие от Гришки.

Что он в ней нашел? Не понимал, до сих пор не понимал. Ну, ведь кукла же! Кукла Барби, ни грамма мозга в голове, ни проблеска мысли в глазах. Кукла, красивая, шикарная, дорого одетая кукла. Статусная игрушка самого Полковника. Его молодая жена. Им ее представили как Марианну. Как ее величали по паспорту, Гоша так не узнал. Потом он стал звать ее Марьяшей, хотя она и злилась.

Она производила впечатление. На нее оборачивались. Даже Гришка на секунду замер и дыхание затаил, когда увидел ее в ресторане, где они отмечали с Полковником подписание основного пакета инвестиционных документов. Фигура - идеальная. Пропорции - ни прибавить, ни убавить. Водопад волос такого дивного светло-золотистого оттенка, что ясно делалось - натуральный цвет, только природа такую красоту сотворить может. Огромные кукольные глаза, ярко-голубые, нос, нет, не нос - носик. И рот такой, что будь ты хоть трижды высокоморальный человек, а первая мысль при взгляде на эти губы - о минете. И ведь тоже натуральные, такие целовать и целовать. У нее вообще все было натуральное - он сам потом в этом убедился. Кроме мозга. Там-то, как раз, судя по всему, и находился главный силиконовый имплантат.

Словно в противовес своим внешним достоинствам внутри у Марианны было пусто. Он в этом уверился, когда ему пришлось развлекать девушку, пока Гришка с Полковником долго и с чувством пили водку и беседовали - так же с чувством и увлеченно, о своем любимом: о рыбалке, бане и прочем таком же милым. Но, несмотря на то, что все ее реплики были чуть осовремененной версией репертуара Элочки Щукиной, дискомфорта в штанах это нисколько не убавляло. Даже наоборот. Ее хотелось просто смертельно, на каком-то животном инстинкте. Хотелось резко дернуть в стороны этот надетый на голое тело облегающий, подчеркивающий оба ее верхних достоинства светло-голубой атласный жакет. И задрать кверху такого же цвета возмутительно узкую юбку. И пусть летят к черту пуговицы и трещит по шву голубой атлас: главное - взять, отыметь...

Гоша умел владеть собой в достаточной степени, чтобы заткнуть пасть внутреннему зверю и только улыбаться и шутить весь вечер. Он понимал, что то, чего ему хочется, совершенно невозможно. Тогда он еще не знал, что судьба будет искушать его раз за разом, с завидным постоянством, до тех пор, пока он не сдастся. Или... или его просто выдали в тот вечер глаза.

Деловые ужины с четкой Полковниковой стали его личной пыткой. Регулярной и методичной. Это двое - Гришка с Полковником, совсем спелись. Или спились. И раз в месяц-полтора-два непременно закатывались в ресторан. Полковник всегда брал с собой жену, а Гришка тащил его со словами: "Развлечешь эту куклу. У тебя хорошо получается. А то я не знаю, о чем с ней говорить. Разве что юбку ей задрать, но это - смерть". Гоша твердил себе то же самое. Это -

смерть. И все равно - пропадал, вяз, тонул. Выдавал себя с головой - он это чувствовал. Особенно после того раза, когда Марианне приспичило потанцевать, а в ответ на ее просьбу Гришка с Полковником дружно выжидательно уставились на него. Он мысленно выругался на брата, но танцевать пошел. И вот тут он пропал окончательно. Потому что стоило прикоснуться к ее телу - и все. Внутренний зверь, демон, кто он там есть - он вырвался на волю. И ему было плевать на интересы бизнеса, на здравый смысл, на порядочность - да на все! Он хотел получить ЕЕ! Пальцы дрожали на ее талии, невольно сжимаясь. Голову кружило от запаха ее волос. И сил не было взгляд отвести от выреза ее очередного облегающего жакета - в тот вечер бронзового, с блестками. Потому что там, в вырезе, такое... Он выдал, выдал себя с головой, сдал со всеми потрохами. Он видел это в ее глазах. Может быть, хотя бы у нее хватит... нет, не ума... инстинкта самосохранения что-то сделать с этим? Избежать? Не допустить?

Он собрался и предпринял отчаянную попытку. Следующий ужин он просто слил, сославшись на плохое самочувствие. Гришка был удивлен, но поверил, в конце концов. Сам Гоша почти ненавидел брата за то, что тот его заставляет ходить с ним на эти чертовы встречи в ресторане, хотя умом-то понимал, что бизнесу такое укрепление отношений только на пользу. Но как объяснить брату, что сам он на этих мероприятиях толкает себя и их бизнес заодно в совершенно противоположную сторону, в пропасть, Георгий не знал. И эти ужины он ненавидел так же сильно, как ждал.

То, что он не видел ее пару месяцев, пошло ему на пользу. Какая-то ясность в голове появилась, и он уже уверился, что переборол это наваждение. Расслабился, идиот! И тут судьба его эффектно и точно нокаутировала. Причем безо всякого предупреждения, просто, но смертельно. Они встретились, случайно встретились в торговом центре. Он спускался на эскалаторе, она поднималась. Их взгляды пересеклись. Выжигающее все нервные окончания судорожное усилие воли - и он отводит взгляд. На несколько секунд его хватило. А потом он резко обернулся. Она стоит, тоже обернувшись. Ее взгляд, совсем иной, чем во время тех ужинов - жадный, откровенный, приглашающий. И он помчался вверх по чужим ногам, расталкивая, не успевая извиниться.

В постели она оказалась, как и в разговоре - бревно бревном. Но он почему-то на одном разе не остановился. Его вообще не

останавливало ничего - ни ее идиотские реплики во время секса, ни то, что ей было откровенно скучно с ним в постели, а его попытки доставить ей удовольствие она так явно игнорировала, что он быстро прекратил их. Зачем он ей был нужен? Тоже не знал, а выяснять не было ни малейшей охоты. Да и сомневался он в том, что Марьяша сможет ему внятно объяснить мотивы своих поступков - слишком непосильная задача для ее силиконового мозга. Заскучала?

Возможно. Он ей был эмоционально все же ближе, чем старший на пятнадцать лет муж? Тоже вариант. Ей нравилось то чувство власти над ним, то, как он, несмотря на все, сходил с ума по ней, восхищался ею, ее телом, лицом? Вот, это, скорее, всего, правильная версия.

Это продолжалось непростительно долго. Он должен был остановиться, пока не стало слишком поздно. Ведь ничего же в ней не было, кроме идеальной внешности. Но он какого-то черта продолжал, как наркоман. Пока это не стало необратимо.

О том, что стало фатально поздно, сообщил ему летящий в лицо кулак. Он только-только проводил Марьяшу и тут - звонок в дверь съемной квартиры, где они встречались. Думал, она забыла что-то, открыл и без разговоров получил прямой в челюсть. Сразу упал. Удар ногой в лицо. Потом - в живот. Потом его подняли, но он уже почти ничего не видел перед собой - кровь заливала глаза, кровь была везде - в носу, во рту. Еще один в лицо. Он снова упал. И после следующего удара он, по воле милосердной судьбы, отключился.

Пришел в себя уже в больнице. И в дальнейшем принимал участие в качестве статиста. Причем довольно продолжительное время - неподвижного статиста. Он не знал, как брат решал вопрос с Полковником. Он представления не имел, о чем говорил Гришка с врачами. Он просто лежал и тихо погибал, захлебываясь стыдом и ужасом от содеянного. И от того, чем пришлось заплатить за свою ошибку. А Гришка снова не дал ему остаться один на один со страхами. Брат был зол и не скрывал этого. Да, он несколько недель говорил с Гошей буквально сквозь зубы. Зато Гришка делал дело. Его знали все врачи и все медсестры в отделении. Брат лично уговаривал Казанцева взяться за него, Гошу. Дорогие медикаменты и мед. инвентарь, еще более дорогие операции, всего две, с интервалом в месяц. Бесплатная государственная медицина гарантировала Гоше только жизнь. Деньги и Гришкино упрямство поставили его на ноги.

И все равно, поначалу он сердился на брата. За что? Наверное, он просто устал от собственной слабости, беспомощности и боли. Но

ему хотелось, как-то совершенно по-ребячески, чтобы Гришка отомстил за него Полковнику. Вот как в детстве, когда старший брат бил морды обидчикам. Но детство давно кончилось, а во взрослой жизни все по-другому. Потом понял, что брат прав был. Но поначалу было очень обидно...

Григорию Полковников позвонил сам, он был сух и краток. А вот Гришка, пока мчался по названному адресу, был буквально на грани обморока. Приехал одновременно со "скорой". То, что увидел в квартире, ударило его под дых так, что он едва на колени не рухнул. Рядом с братом, окровавленным, валяющимся без сознания на полу, в паре метров от входной двери. Прислонился к стене и, смертельно бледный, смотрел только, как суетится вокруг Гоши бригада "скорой помощи". И в голове билась только одна мысль: "Я его убью. Убью за то, что он сделал с Гошкой!". Но сначала надо было заняться братом.

Так получилось, что он три дня практически не вылезал из больницы. Реанимация, состояние стабильно тяжелое, лекарства, какие-то растворы. Что-то ему срочно передавали самолетом через знакомых даже из Москвы. Когда Владимир сам позвонил, предложил встретиться, внутри были только усталость и опустошение. А разговор с Полковниковым, а у них состоялся именно разговор, а не мордобой, как Гриша страстно хотел изначально, только добавил чувства обреченности. Ну, Гошка, ну вот же дурачок! Позарился на эту куклу! Наставил рога Полковнику! Все планы кровной мести как-то совершенно вдруг распались сами собой. Виноват Гошка, виноват, как ни крути. И Полковник был в своем праве. Еще неизвестно, как бы сам Гриша, например, повел себя в такой ситуации. Когда бы покусились на то, что принадлежит ему. Наверное, до полусмерти бы избивать не стал, но то, что пару раз в рожу бы дал - точно. А Владимир, судя по всему, вообще бешеный, когда дело жены касалось. Бить его в ответ - так вроде и не за что. Справедливости добиваться - без толку. У Полковникова - связи, и уголовное дело в полиции будут из всех сил "заминать". У Гриши тоже есть там связи, и все это будет просто выяснением, у кого "волосатая рука" круче. Скорее всего, у Полковника рука "волосатее".

В общем, мстить оказалось бесполезно и, по большому счету, не за что. Потому что виноват был Гошка, как ни грустно это было признавать. Но возможность гипотетической мести "брат за брата" совсем не интересовала Полковникова. Не боялся он этого. Он хотел

назад свои деньги. Понять его было можно. Но вот согласиться... Ведь это убивало их бизнес.

Правда, осознал это Григорий не сразу. Сначала был разговор с Ларисой и Яной. И вот когда Гриша рассказал им о решении Полковникова, ему в течение часа озвучивали в деталях то, что ждет в этом случае компанию. Крах, разорение, банкротство. Слов много, но суть одна. Они слишком глубоко увязли, слишком сильно подсели на финансовую иглу "Финиста", и теперь изъятие их денег просто сбросит компанию в пропасть. Неотвратно.

Сердце болело за Гошку. Голова пухла от попыток придумать, что сделать, чтобы спасти свое дело, дело, в которое он вложил весь, без остатка. В итоге Григорий принял решение, которым совершенно не гордился, но посчитал в тот момент самым правильным.

Переломил себя в спине и попробовал договориться с Полковниковым. С человеком, который едва насмерть не забил его брата. И это ему было ненавистно просто до тошноты. Но Гриша хотел сделать как лучше. Всем, в первую очередь Гошке. Понимал, каково брату будет вернуться к обломкам компании, которую он сам же и утопил. Пытался спасти хоть что-то. Благородная месть - это красиво, но Гриша научился смотреть на вещи реально. И выделять главное. А главное в его жизни - брат и компания. Все остальное - вторично.

В разговоре с Полковниковым он занимался тем, чем ему в жизни никогда не приходилось делать. И, Бог даст, никогда больше не придется. Он угрожал, шантажировал и торговался. И все это - с человеком, которого раньше считал своим другом. И который едва не убил его брата. Это было самое трудное, что приходилось делать Григорию в его жизни. Вот тогда он увидел в зеркале на своих висках первую седину и это выражение в собственных глазах - так смотрит загнанный зверь, наверное. Но полгода отсрочки он у Полковникова выторговал. По сути - это ничего не решало. Говорят, перед смертью не надышишься. Но он сможет вдохнуть хотя бы пару раз. А еще появилась уверенность, что уж на то, чтобы вернуть брата к нормальной жизни, у него времени и денег хватит. А там... там видно будет.

Он продал все, что мог - купленный не так давно дом с участком удалось сбыть с рук очень удачно, за настоящую цену. Прогдал и свою вторую машину - понтовый навороченный "Лексус". Прогдал снегоход, квадроцикл. Много что продал, в итоге все, что у них

осталось - Гошкина квартира и две машины. Только вот погоды это принципиально не меняло, это всего лишь капля в море. Но он делал все, что мог.

За столиком повисает тишина. Гоша молчит, закончив свой рассказ, молчит и Люся. Такого услышать она точно не ждала. Такого развития событий и такой откровенности от Георгия. Судя по выражению его лица, он рассказал все. И даже больше, чем планировал. А Люся все никак не может собраться с мыслями и сказать что-то в ответ. И первым молчание нарушает Гоша.

- Знаешь, - он в один глоток допивает согревшееся и ставшее совсем невкусным пиво, - самое досадное в том, что я теперь понять не могу - ради чего все это? Что в ней было такого, что я так... голову потерял...

- Гош... - Людмила понимает - молчать больше нельзя. - А ты ее... любил?..

Он не торопится с ответом.

- Знаешь, - после паузы, задумчиво, - я одно время думал, что так. А потом понял - это не любовь. Нет. Я не знаю, что это было. Но на ЭТО у меня теперь иммунитет.

- А... она? Любила?

- Вот уже точно нет! - усмехается Георгий невесело. - Мне Гришка потом рассказывал... со слов Полковника... что она шкуру свою спасти пыталась. Говорила, что я ее... силой взял...

- И что?!

- Полковник сволочь и урод. Но не дурак. Не поверил. Ладно, - махнул рукой, - давай оставим эту тему, ладно? Как ты понимаешь, мне она не особенно приятна. Спасибо, что выслушала. Я просто хотел, чтобы ты знала... чтобы понимала... что Гришка такой психованный не сам по себе. Это я его так... приложил.

- Гош... - Люся совершенно неосознанным движением сжимает его ладонь, лежащую на столе. - Я уверена, что брат тебя простил.

- Конечно, простил, - в голосе у Гоши ни тени сомнения. - Это же мой брат. Мне кажется, он мне все простит. А вот я себя простить не могу.

- Ты на часы смотрел?

- Смотрел, - невозмутимо раздеваясь. - Тебе сказать, который час?

- Я в курсе, что уже почти час ночи!!! - старший выходит из себя быстро. - А завтра на работу, между прочим!

- Ну, так иди спать, - Гоша по-прежнему невозмутим. - У меня ключи есть, ждать меня нет никакой необходимости.

- Почему так долго? - не отступается, ворчит Гриша.

- Ну, ты же сам понимаешь... - Гоша поднимает вверх руки, осторожно потягивается, потом разводит руки в стороны. - Сначала кино, сеанс поздний, романтический фильм, места для поцелуев... Потом кафе, ужин при свечах и все такое...

Григорий шумно выдыхает.

- Вот зачем ты это делаешь?!

- Тебе объяснить, с какой целью ухаживают за красивой женщиной? Эээх... видел бы ты сегодня Лютика... Она была шикарна...

Гоше показалось, что брат скрипнул зубами.

- Ты ставишь ее... и себя... в дурацкое положение!

- Чего это? Люсе со мной хорошо!

- С чего ты взял?

- Я, знаешь ли, могу определить, когда женщине со мной хорошо.

- Слушай, не морочь девчонке голову.

- Девчонке? - Георгий демонстративно изумляется. - Вон как мы заговорили... Между прочим, еще неизвестно кто кому голову морочит. Люся меня сегодня просто свела с ума...

- Бл*дь, ты как глухой! Она же тебя выше! Вы нелепо выглядите рядом!

- Слушай, - Гоша засовывает руки в карман брюк, - вот меня это не беспокоит. Лютика это не беспокоит. А почему ты-то так волнуешься?

- Я не волнуюсь!

- Да?

- Да! - рявкнул. - Я пошел спать.

- Спокойно ночи, Большой Брат. А я еще посижу с полчасика. Надо немного успокоиться после такого... волнительного вечера.

Гришка лишь буркнул что-то неразборчиво и демонстративно молча ушел в спальню.

- Людмила, первый час ночи!

- Не надо меня ждать, я и сама могу дверь открыть. С Монею гуляли?

- Гуляли. И ты нам собакой зубы не заговаривай! Почему так поздно?

- Потому что, - вешает шубку на плечики. - Мне почти тридцать лет. Не поздновато ли мне допросы учинять?

- Люся, мы волновались!

- Напрасно. Я же предупредила, что ухожу с Гошей и буду поздно.

- А что вы... - начинает бабушка, но неожиданно Люсе на помощь приходит мама:

- Хорошо провели время, доченька?

- Да, отлично. Только устала, поздно уже. Я спать. Спокойной ночи.

Она плотно закрывает дверь в свою комнату, чтобы не слышать, что отвечает мама на вопрос бабули: "Как думаешь, Тоня, у него намерения серьезные или так?".

Они неисправимы. Чуть позже, уже лежа в постели, перед тем, как провалиться в сон, она успевает подумать о том, что, хотя у нее самой к Гоше нет и тени каких бы то ни было романтических чувств, сомнений не возникает - она провела вечер с мужчиной. Не с другом, не с подружкой. С мужчиной. Несмотря на то, что он был ниже ее ростом (что его вообще ни капельки не смущало), несмотря на все его шутки в свою сторону, несмотря на то, что он ей рассказал - Георгий был мужчиной во всем - уверенный в себе, самодостаточный, состоявшийся как личность и не сомневающийся в своей мужской привлекательности. Вот такой вот коктейль получился сегодня вечером. Но анализировать это нет ни сил, ни времени. Люся засыпает.

Глава 6. Большое возвращение.

- И куда ты сегодня ведешь свою малышку?

- Мы с малышкой идем в боулинг.

- А тебе можно? - в голосе старшего звучит неумело замаскированная тревога.

- Лютик говорит, что это что-то вроде гимнастики. И что она будет за мной присматривать.

- Ну-ну...

- Тебя с собой не возьмем, даже не проси. Ты нудный.

- Больно надо!

- Гоша! Я тебе говорила! Не бери тяжелые шары. Ты хочешь сорвать спину?!

- Люся, прекрати кричать. На нас смотрят.

- Я тебе три раза сказала. Три! А ты меня не слушаешь! Как тебе еще объяснять?!

Они стоят и ругаются в самом начале дорожки для боулинга. На них не просто смотрят. Вокруг уже собрались зрители.

- Зато я выбил страйк.

Она глубоко вздыхает, пытаясь успокоиться, при это все без исключения взгляды окружающих прикованы к тому, как поднимается и опускается грудь в вырезе бирюзового джемпера.

- Я сейчас... влеплю тебе такой страйк, что мало не покажется! Вот честное слово!

- Как это?

- Подзатыльником!

- Люся! - он качает головой. - Это же не наш метод!

- Гоша! Я тебя...

Он приподнимается на носки и легко целует ее в губы. Дискуссия тут же прекращается. Гоша наслаждается ее замешательством, Люся пытается что-то сказать, кто-то из окружающих аплодирует.

- Твой бросок, Лютик.

У нее такой взгляд, что он благоразумно отступает на пару шагов назад. Этот фрейм Люся заканчивает прочерком.

- Как вечер прошел?

- Все хорошо, мамуль.

- Люсенька...

Люда прекрасно знает, что означает этот нерешительный, будто извиняющийся тон. И рано или поздно ее будут допрашивать. Неизбежно.

- Да, мам?

- Ну, а как у вас... вообще?

- Вообще - прекрасно.

- Люся, он хороший человек... вроде бы...

- Людмила, что у него за интерес к тебе? Жениться будет? - подоспела тяжелая артиллерия в виде бабушки.

Люся преувеличенно громко вздыхает. Все это было б так смешно, когда бы ни было так утомительно.

- Это я... я замуж не собираюсь.

- Почему это?! - обе ее надзирательницы, хором.

- Потому что он мой друг. И только друг.

- Чушь! - бабушка безапелляционна. - Выдумала тоже, друг какой-то! Какой мужик будет ради дружбы женщину обхаживать?

Люся качает головой. Объяснять бесполезно.

- Люська, китайского болванчика не изображай! Я жизнь пожила, знаю! Не станет мужик без повода время тратить! Так что не ври - себе и нам.

- Да думайте, что хотите, - устало говорит она. - Я вам свое мнение сказала.

Новый год она встретила обычным манером - дома. К ним с мамой и бабушкой еще присоединилась соседка, Лидия Тимофеевна. Шампанское Люся привычно открыла сама - научилась, куда денешься, если мужиков в доме отродясь не бывало.

Три кумушки, выпив по бокальчику игристого, разрозовелись, все что-то бурно обсуждали - новости, чужих детей, речь президента, новогодний огонек. Все как всегда. А сама Люся вскоре после полуночи пошла на улицу, прихватив Пантелеймона. Монька громко лаял на фейерверки и пытался лезть целоваться к прохожим. Такой порыв здорового ротвейлера ценили далеко не все, но народ был уже подвыпивший, поэтому Монти даже пару раз удостоили званием "Ой, какая милая собачка". Через час они вернулись назад, порядком оглохшие и надышавшиеся пороховыми газами. Все, теперь спать. Ей завтра на работу.

- Людмила, это никуда не годится! - ее перед выходом из дома бабушка кормит поздним завтраком. И это отнюдь не вчерашние салаты, а свежие оладьи. - Ну, ты что, не человек, что ли? У всех праздники, а ты первого января на работу!

- Ну и что? - пожимает плечами Люся. - Я выспалась, времени вагон. Всего один клиент. Все лучше, чем на диване валяться и в телевизор смотреть.

- Тебе иногда можно и поваляться!

- Вот вернусь и поваляюсь, - обещает Люся.

- Кому там так приспичило, что аж невтерпеж? - бабуля кладет ей на тарелку еще пару оладий. - Али помирает кто?

- Не помирает. Но надо. Хорошему человеку.

- Хорошего человека не Георгием зовут случайно?

Людмила вздыхает. Они от нее не отстанут. А что будет, если этим двоим сказать, что у Георгия есть еще брат... От которого, как раз, в

отличие от Гоши, что-то екает внутри... Тогда ее точно съедят! Лучше молчать и не признаваться. Им. И себе.

Она выехала из дому с запасом, но первого января дороги пусты. В итоге оказалась в "Синей звезде" на пятнадцать минут раньше того времени, на которое они договаривались с Гошей. Не в машине же сидеть?

Дверь ей открыл Григорий. На нем вполне приличные спортивные штаны и ярко-красная футболка. Но волосы на голове выглядят так, будто он только что с постели, на лице - двухдневная щетина. Стоит, привалившись к дверному косяку, сложив на груди свои огромные ручки. Разглядывает ее, в квартиру пропускать не торопится. И, сначала - молчит. А потом:

- Ну, здравствуй... Дедушка Мороз.

Люся невольно улыбается. Такое обращение ее несколько не удивляет - на голове у нее красный колпак из искусственного меха с белой отделкой по краю и таким же помпоном. Ну, а что, Новый Год же! И настроение у нее отчего-то удивительно хорошее. Какое-то и в самом деле праздничное. И она решает ему подыграть.

- Ну, здравствуй... Гриша.

У него слегка выгибается бровь, но он отвечает ей в том же тоне:

- Ты принес мне подарок, дедушка?

Он шутит с ней? У Григория Сергеевича есть чувство юмора? Сейчас проверим.

- А ты был хорошим мальчиком, Гришенька?

- Нет, - качает он головой, все так же подпирая плечом косяк. - Если честно, то не был. Даже больше - совсем плохим... мальчиком был. Совершал всякие нехорошие поступки.

Он все это говорит без тени улыбки. Шутка как-то перестает быть шуткой.

- Нууу... Гриша, ты же понимаешь... плохим детям Дед Мороз не приносит подарков.

- Понимаю, - кивает он. - Да я и не жду, собственно. Ладно, что мы в дверях-то стоим? - отступает назад, в коридор. - Давай, дедушка, заходи...те.

Люся проходит в квартиру слегка растерянная. А он вдруг неожиданно продолжает их шутливый диалог:

- А ты где, - проводит ладонью по своей небритой щеке, - бороду-то посеял, дедушка?

- Пропил, - смеется Люся, стягивает колпак и кладет его на полку.

- Ай-ай-ай, как это нехорошо - говорить такое детям, - он усмехается и тут же отводит взгляд от рассыпавшегося по плечам каштанового великолепия.

- А где Гоша?

- В душе. Сказал, что хочет быть для своего Лютика чистеньким и вкусно пахнущим.

Люся не успевает подобрать слова для ответа - за стеной стучает дверь и спустя пару секунд в коридор выходит Гоша, вытирая голову полотенцем. У Люды "дежа вю", хорошо хоть, в этот раз мужчина одет.

- Лютик! С Новым Годом! - она еще не отошла от Гришиного приветствия, а теперь вот Георгий: вдруг обнимает ее крепко, целует в щеку. Она может только глазами хлопать, растерянно глядя на него. Стоящий рядом Григорий удивлен едва ли не больше. И, кажется, чем-то недоволен.

- Так, где-то тут у меня был твой подарок... - Гоша роется на открытых полках шкафа-купе, пока Люся пытается прийти в себя от странного поведения обоих братьев, а Григорий переводит мрачный взгляд с нее на Гошу и обратно. - А, вот он! Держи!

Подарком оказалась фигурка голого купидона с луком, колчаном и крылышками. Петля, точащая из головы пухлика, намекала на то, что композиция должна куда-то вешаться. Например, на зеркало заднего вида.

- Это тебе в машину, - слова Гоши подтверждают ее догадку.

- Спасибо. Симпатичный.

- Можно? - Гриша забирает у нее фигурку. Разглядывает. - Кого-то он мне напоминает... - расчетливо смотрит на брата.

- Ну, разве что улыбкой, - наклонив голову, Люся тоже смотрит на фигурку в Гришиной руке.

- Вообще я имел в виду другое... Не улыбку.

- А что? - недоумевает Люся.

- Ну... такой же маленький... гхм... эээ...

- СВИДЕРСКИЙ! - Гоша локтем заезжает брату в бок. - Оставь свои сальные шуточки для мастерской! И вообще - отдай Люсе ее подарок!

Григорий лишь потирает бок и довольно улыбается.

- А у меня тоже есть для тебя подарок, - Люся вспоминает, чем может сгладить этот момент. - Держи, - достает из сумки обернутую в фольгу фигурку.

- Ой... шоколадный заяц. Даже не помню, когда я такое ел в последний раз... Спасибо, Лютик.

- Я шоколадный заяц... я ласковый мерзавец, - фальшиво напевает старший.

- Завидуй молча!

- Зачем завидовать? - Люда достает вторую фигурку. - Держи, Гриша. Подарков надо ждать. Обязательно. Даже если ты был не всегда хорошим... мальчиком.

- Медведь! - хохочет Гошка. - Люся, ты угадала! Он натуральный медведь!

Гриша молчит, а выражение глаз у него странное.

Вот так вот невзначай они с Григорием перешли на "ты".

Спустя пару дней Люся неожиданно получила ответный запоздалый новогодний подарок от Григория Сергеевича. В разговоре с Гошей пожаловалась на то, что машина капризничает. А после окончания массажа вместе с ней в коридоре одевается и Григорий.

- Я посмотрю, - не терпящим возражений тоном.

- Лютик, позволь ему заглянуть себе... под капот, - доносится из комнаты. - Он же маньяк озабоченный, все равно не отстанет. Но в машинах разбирается.

Это странно, но большой босс Григорий Свидерский в джинсах и легкой куртке смотрится вполне себе органично рядом с ее "Нивой". На то, чтобы прийти к каким-то выводам, у него уходит неприлично мало времени. А потом он хлопает крышкой капота и звонит какому-то неизвестному Леониду. Фразы из разговора Люсе понятны лишь отчасти. "Мотор троит", "да, обороты плавают на холостых", "пропуски зажигания", "ну да, похоже, свечи", "а, может, и катушка"... И финальное: "Давай, Ленъ, мы тоже через двадцать минут будем". А потом, уже ей:

- Поехали.

- Куда?!

- На сервис. В двигателе один цилиндр не работает. Не дело это.

Даже ее скудных познаний хватает понять: действительно, совсем не дело.

В машине она отчего-то нервничает. От того, как тесно стало вдруг в салоне. От его молчания. Или, наоборот, от его возможных комментариев по поводу ее стиля вождения. И вдруг становится страшно перед ним облажаться. И показать себя "блондинкой за рулем", не дай Бог, еще заглухнуть где-нибудь на светофоре. Но - обошлось, город по-прежнему празднично пуст.

В мастерской она с интересом прислушивается к разговору Григория и Леонида. На Гришино "Машина хорошего техобслуживания, похоже, давно не видела" хотела возмутиться, Саша - хороший механик! Но промолчала. "Посмотрим", - невозмутимо отвечает Леонид Григорию.

И пока Леонид смотрит, они пьют кофе в небольшой комнате для посетителей. Снова молчание, которое ей самой кажется ужасно неловким, а Григория, похоже, несколько не беспокоит - привык человек молчать. У Люси вообще стойкое ощущение, что сейчас она сидит за одним столиком совсем не с тем человеком, с которым познакомилась пару месяцев назад. И дело не в отсутствии костюма и галстука. А в том, что он стал как-то... проще. И, одновременно - еще непонятней. И молчать ей все равно не нравится, ненормально это! И поэтому она сначала рассказывает про то, как Монти на прошлый Новый Год опрокинул на себя елку, умудрился зацепить ее чем-то за ошейник и в панике таскал за собой дерево по квартире, задевая углы и рассыпая игрушки. Потом рассказала про одного своего клиента, из времен ее ранней практики, который совсем не отличался чистоплотностью, а она по своей молодости и стеснительности не знала, как ему об этом сказать. Но в последний сеанс не выдержала и высказала все, что думает, закончив свой гневный монолог словами: "Мыться надо чаще, чем раз в месяц!". А он на следующий день пришел, распространяя вокруг себя удушливый запах одеколона и с коробкой конфет - извиняться. "И я не могла решить - когда от него пахло хуже!" - смеется Люся. И Григорий тоже смеется. И в ответ рассказывает пару историй про того самого Леонида, который сейчас где-то в глубине мастерской копается в моторе ее машины. Все-таки у Григория есть чувство юмора. И он может быть приятным собеседником, очень приятным. И поэтому вошедший в комнату Леонид заставляет ее вздрогнуть от неожиданности. А она совсем потеряла счет времени.

- Готово.

- Что там было? - Григорий перестает улыбаться и словно закрывает что-то внутри себя, становясь привычно хмурым.

- Катушки и свечи вкруговую поменял. Мотор поет. Но, по-хорошему, машину бы надо поставить на пару дней к нам. Есть над чем поработать.

- Ой, нет, я сейчас не могу! - Люся торопливо вмешивается в разговор. Да и денег у нее сейчас нет на это.

- Ну, не именно сейчас. Как соберетесь - буду рад видеть, - Леонид методично вытирает руки промасленной тряпкой.

- Спасибо вам. Сколько я должна?

- Нисколько!

И взгляд у Григория такой, что ей становится неловко. И в самом деле, что ему, при его доходах, ее деньги...

- Ручку поцеловать позвольте такой очаровательной барышне - и достаточно, - усмехается Леонид.

И в самом деле - целует руку, ввергнув ее снова в смущение. Что-то в присутствии братьев она слишком часто смущается.

- Осторожнее с ним, Люся. Он три раза женат был.

- Что ж ты так, Григорий Сергеевич, прямо сразу меня с потрохами сдаешь!

На следующий день она обсудила с Георгием идею, которую обдумывала уже не одну неделю. К ее облегчению, Гоша согласился. И вечером Люся звонит своему учителю.

- Валентин Алексеевич, с наступившим вас!

- Ты же меня уже поздравляла, Люся. Если мне не изменяет память, - смеется Савченко.

- Лишним не будет. Валентин Алексеевич, я к вам с просьбой.

- Говори.

- Не посмотрите моего человечка одного? Случай сложный, и я сомневаюсь... Я бы хотела слышать ваше мнение, - а потом торопливо и как-то неловко добавляет: - Не бесплатно!

- Ну, давай посмотрю. А то телевизор смотреть уже надоело.

- Ой, - за все годы знакомства Людмила, как ей кажется, так и не смогла найти правильный тон общения и постоянно боится задеть наставника. И еще не научилась понимать его временами черный юмор в адрес собственной немоги. - Я не так выразилась, Валентин Алексеевич. Извините!

- Не елозь, Людмила. Когда и во сколько?

Главное, не пытаться ему помочь. Человек не один год живет вот так, вслепую. И она просто медленно идет рядом с ним. Георгия Люда предупредила о том, что специалист, которого она привезет - слеп. Но вот Гоша, похоже, брату не сказал. И поэтому у открывшего дверь Григория весьма изумленный вид. И он поспешно отступает вглубь квартиры, впуская Людмилу и немолодого мужчину в темных очках и с тростью.

И лишь потом, когда Валентин Алексеевич принимается за работу, "рассматривая" руками Гошину спину, а Люся напряженно наблюдает за действиями учителя, Гриша наклоняется к ее уху и шепотом спрашивает:

- Он слепой, да?

- Молодой человек, у слепых обостренный слух, вы разве не знали? - голос у Савченко ровен и даже чуть насмешлив.

Гриша как-то сказал, что ему не бывает стыдно. Соврал. Вот сейчас и покрасневшие скулы наличествуют, и выражение смущения на лице.

- Простите. Я не хотел вас обидеть...

- И не обидели.

- Ну и... - Гриша растерян и не знает, что ответить. И поэтому: - А я не молодой человек. Совсем уже не молодой.

- По сравнению со мной - молодой.

Потом Люда негромко переговаривается с Валентином Алексеевичем, он что-то объясняет ей, расчерчивая ладонями спину Гошки. А тот лежит на столе совсем тихо, молча.

- Ну, все, Люся. Дальше ты и сама справишься, - мужчина встает со стула. - Верни меня, где взяла.

- Ой... - а вот об этом она не подумала. Дурочка! У нее же сейчас сеанс должен быть с Георгием. - Гоша, ты сможешь подождать? Я Валентина Алексеевича отвезу и назад.

- Конечно, Лютик. Я никуда не тороплюсь.

- Давайте, я отвезу, - неожиданно вмешивается Гриша. - А вы тут своим делом занимайтесь.

- Валентин Алексеевич, вы не против? - интересуется Люся.

- Людочка, да мне какая разница? Лишь бы довезли. Я уже слишком старый, чтобы бояться незнакомцев.

- У вас хорошая машина.

- Откуда знаете? - Григорий ляпнул, не подумав. Спыхватился, да поздно.

Савченко усмехается.

- В ней пахнет хорошо. Кожей натуральной. Ощущение, - Валентин Алексеевич проводит перед лицом рукой, - большого салона. И двигатель... басовитый. Шестерка?

- Восемь горшков, - довольно усмехается Гриша. - Модель опознаете?

- О, я не настолько хорошо разбираюсь в автомобилях. Предположу, что это какая-то Тойота?

- Точно. Вы молодец.

Какое-то время они едут в молчании. А потом Гриша не выдерживает:

- А вы от рождения... ну...

- Слеп? Нет. Я успел посмотреть этот мир.

Григорий проклинает себя за любопытство. Но этот человек, лишившийся зрения, но не потерявший достоинства, вызывает нешуточный интерес.

- Вам сколько лет? - вдруг спрашивает Валентин Алексеевич.

- Тридцать пять.

- В ваши годы я еще видел. Это случилось... когда мне было тридцать восемь. Когда одна жизнь кончилась. И началась другая.

Гриша не знает, что сказать. "Мне очень жаль"? Это как-то... фальшиво. И поэтому он молчит, сосредоточенно глядя на дорогу.

- Но я рад, - неожиданно продолжает Савченко, - что она у меня была. ТА жизнь. Никогда не знаешь, когда, в какой момент твоя жизнь вдруг перевернется, да так, что... Ваш брат об этом знает не понаслышке, верно?

Гриша кивает, а потом, спыхватившись, добавляет словами:

- Верно. У него могла бы тоже начаться... другая жизнь. Без чего-то важного.

- Хорошо, что обошлось.

- Да, - соглашается Григорий, - хорошо.

Ну вот, наконец, они и на месте.

- Валентин Алексеевич, сколько я вам должен за консультацию?

- Нисколько. Считайте это подарком на Новый Год. Мы стоим прямо у подъезда?

- Да, - Грише не хочется спорить. - Вы... вас проводить до квартиры?

- Не вздумайте, - Савченко открывает дверь, опускает трость на землю. - На чай все равно не приглашу.

Второй курс массажа весьма отличается от первого. Сейчас у нее совершенно иное отношение к братьям, а те вопросы, которыми она задавалась во время первого курса, кажутся ей теперь ужасно смешными. А еще постоянно что-то происходит - то поездка на сервис с Григорием, то визит Савченко. Или вот, как сегодня...

Люся ждет, когда Гоша разденется. А тот вдруг резко бросает в сторону футболку и шагает ей за спину.

- Гришка, опять?!

Люся оборачивается.

- Что случилось?

- Он чуть не упал!

- Не упал же, - пожимает плечами Гриша. Но он действительно стоит, опираясь рукой о стену.

- Что происходит? - Людмила переводит взгляд с одного брата на другого.

- У него с шеей что-то! Голову повернуть не может. А если все-таки поворачивает, то головокружение. Вчера с дивана вставал... и не встал! Упал обратно.

- Не преувеличивай, - голос старшего демонстративно бодр. - Я и не хотел вставать.

- Лютик, ты можешь его посмотреть? - Гоша не обращает внимания на слова брата.

- Конечно. Вот с тобой закончу и посмотрю.

- Я, пожалуй, в офис съезжу. Посмотрю, что там и как... - Гриша, наконец, убирает ладонь со стены.

- А ну стоять! - рявкает Гоша. - Люся, сделай с ним что-нибудь! Сейчас, пока он не сбежал.

Людмила берется за спинку стула и ставит его перед собой.

- Григорий Сергеевич, прошу!

Буркнув что-то себе под нос, Гриша, тем не менее, на стул садится. А она встает позади него.

Пара нажатий ее пальцев и он шипит от боли.

- Осторожней!

- А здесь?

- И здесь! Черт, больно! Аж в глазах потемнело.

Она убирает руки с его шеи.

- Григорий, у тебя как часто приступы бывают?

Он осторожно потирает шею, но поднять на нее голову не рискует

- знает, что это может кончиться головокружением и резкой болью в висках.

- Не бывает у меня никаких приступов.

Люда подтягивает еще один стул и садится напротив него. Ему деваться нечего - он хмуро смотрит ей в глаза.

- Гриш, первый раз такое?

- Ну. Не знаю, что это за хрень. Никогда такого не было.

- Эта хрень называется шейный остеохондроз.

- Раньше не было!

- Все когда-то случается в первый раз.

- Так подкрадывается старость, - "утешает" его младший, положив руку на плечо. - Люсь, ты можешь что-то с этим сделать?

Странно, но Григорий не начинает тут же протестовать. А она ожидала, что он сейчас скажет, что с ним ничего не надо делать. Видимо, хондроз его уже порядком измучил.

- Смогу, наверное, - она в задумчивости трет лоб. - Надо проколоться, препараты сосудистые пропить. Ну, и массаж. В принципе, - Люся смотрит на Георгия, - у тебя еще десять сеансов. За десять раз мы и Григорию шею на место поставим. Я немного график перекрою, чтобы мне на вас двоих времени хватило. Гош, дай мне лист бумаги.

- Что значит - проколоться? - подозрительно интересуется Гриша, пока младший выходит из комнаты.

- Уколы. Обязательно, Григорий. Без этого никуда.

Гриша молчит, а Люся пишет на принесенном листе бумаги название лекарств.

- Так, - закончив писать. - Первое - это ампулы. Упаковка - десять штук. Второе - таблетки. Пить согласно инструкции. Сегодня купите, завтра начнем. И массаж, и уколы.

- А кто уколы ставить будет? - тон у Гриши все так же подозрителен.

- Я, кто же еще, - невозмутимо пожимает плечами Люся. - Гош, раздевайся и ложись.

- А... уколы... это куда? - не унимается Григорий.

- Внутримышечно. И, кстати! Шприцы не забудьте купить, тоже десять штук. Пятерочку возьмите. И спирт обязательно.

- Что значит - внутримышечно? - Гриша упорствует.

- Это значит - в попку, сладенький, - подает голос Гоша, который устроился на столе.

- Я не буду, - Григорий резко встает со стула.

- Гриша! - Люся, едва успев начать работать, останавливается. Оборачивается к нему. - Без уколов толку мало. Они очень эффективны.

- Нет.

- Да что за детский сад!

- Лютик, ну как ты не понимаешь... Гришка стесняется тебе свою... прелесть показывать, - Гоша явно подначивает брата. - Хотя с чего бы... Гриш, Люся же там все уже видела. И ей понравилось, кстати.

Григорий хотел сказать брату многое, это видно. Даже рот открыл. Но потом вздохнул глубоко. И передумал.

- Гриша, уколы - это необходимость, - она пытается его переубедить.

- Я сказал - нет.

Она смотрит ему в глаза и вдруг со всей отчетливостью понимает: если этот мужчина принял решение, с места его не сдвинуть. А он его принял. Но в голову приходит спасительная идея.

- А если в бедро?

- Что - в бедро?

- Можно в бедро ставить, в переднебоковую поверхность. Так годится?

- Ладно, - после небольшого раздумья. - Годится.

- Сладенький, не забудь сделать эпиляцию, - вмешивается в разговор Гоша. - Не позорь меня перед Люсей своими волосатыми ногами.

- Георгий! - теперь не выдерживает и Люся. - Прекрати дразнить брата!

У Гриши едва ощутимо дергается уголок рта.

- Люся, отшлепай его.

- Это непедагогично! - парирует Гоша.

- Зато действительно, - хмыкает брат.

Она слышала, что такое бывает. Когда личное отношение к клиенту переплетается с работой. Но с ней - никогда. За все семь лет массажной деятельности никогда такого не было. Всегда

профессиональные навыки брали верх. И мало что могло ей помешать или отвлечь от работы. Но не в этот раз...

Ей кажется, что у него очень красивые руки. Настоящие мужские руки. Большая ладонь, длинные пальцы, крупные, хорошей формы ногти. Он сидит напротив нее, его рука лежит на столе. Она привычными движениями разминает ему ладонь, свои пальцы в его руке кажутся совсем маленькими. И ей почему-то приятно видеть их вместе - его руку и ее. Кожа у него грубая, на тыльной стороне - темные волосы, а на ладони неожиданные для его статуса мозоли. У него такая... мужицкая рука. И ей это нравится.

Ее пальцы двигаются вверх, к запястью, а потом дальше, к локтю. Когда она начинает мягко разминать место выхода лучевого нерва, он выдыхает сквозь зубы.

- Гриш, потерпи, я аккуратно.

- Терплю.

Потом еще выше, к предплечью, задирает рукав футболки. Она перестала себя обманывать и сознается. Ей нравится этот момент, когда она полностью, до плеча, обнажает его руку. Потом, позже, он сам снимет футболку, когда она начнет работать с шейно-воротниковой зоной. Но сейчас, на данном этапе, ей нравится делать это самой.

Предплечье у него мощное, впрочем, как и плечи, и шея. Большой мальчик. И ужасно красивый. Господи, какое же счастье, что люди не умеют читать мысли друг друга! Но даже глаза поднять страшно, лучше уж вот так работать, опустив взгляд на его руки. И разговаривать с ним тоже становится сложно. Она себя заставляет, но Люсю подводит даже ее общительность. Хорошо хоть, часто выручает Гоша, который обычно сидит тут же, рядом. Но не всегда. Сейчас Георгий в соседней комнате, смотрит хоккей, ожидая своей очереди.

Ну вот, с руками она закончила.

- Раздевайся. Буду шею тебе мять, - неужели это ее голос звучит так хрипло?

Гриша без лишних разговоров стягивает через голову футболку. Люся не выдерживает и на секунду зажмуривается. Да когда же она привыкнет к тому, какой он?! С досады приходится прикусить губу. Встает за его спиной, руки ему на плечи. Кожа такая... теплая, плотная, гладкая... Как с этим справляться?!

- Гриш, хочешь, к телевизору перейдем? Посмотришь, пока я буду доделывать?

- Не хочу отвлекаться.

А она вдруг, неожиданно даже для самой себя, наклоняется к его уху и спрашивает негромко:

- Нравится?

- Очень, - так же тихо отвечает он.

Начинает работать, все-таки годы практики позволяют ей собраться с мыслями. Но думает все время только об одном. Вот его голова, слегка наклоненная вперед. Коротко стриженный темноволосый затылок. Разворот широких плеч. И отчетливо вдруг представляется, как она обхватывает эти здоровенные плечи, прижимает его затылком к своей груди. И утыкается губами в темную макушку. Картина такая яркая перед глазами, такая желанная. Кажется, она пропадает...

- Все, Гриш, я закончила. Сейчас уколемся и за Гошу возьмусь.

- Спасибо... Лютик, - он протягивает руку за футболкой, лежащей на столе. Она отводит глаза и молчит.

Потом он уходит на кухню, возвращается со всем необходимым для укола.

- Садись. Гриш, в какую мы вчера ставили?

- В правую.

- Ну, давай мне тогда левую.

Невооруженным взглядом видно, что этот этап лечебных процедур ему совершенно неприятен. Не потому, что больно, а потому что неловко. Это заметно по тому, как он резко задирает вверх штанину просторных шорт, обнажая могучее бедро, и как отводит взгляд, упорно глядя куда-то в сторону. Людмила опускается на одно колено.

- Ногу расслабь.

- Я расслабил.

- Нет, не расслабил. Ну же, Гриша! - она пытается руками встряхнуть его ногу, но ее пальцев не хватает, чтобы обхватить такое бедро.

- Я сам!

- Ну, давай сам.

Он дергает ногой, ставит ее аккуратно на пол.

- Ну вот, другое дело. Сиди спокойно, - быстрый укол, плавное движение поршня, она прижимает мокрый комок ваты к ноге. - Все, свободен. Иди, полежи теперь.

Он встает и, слегка прихрамывая и прижимая руку к бедру, идет к выходу из комнаты. Она, ему вслед:

- Без подушки, помнишь?

- Помню.

Людмила встряхивает головой, словно отгоняя наваждение.

- Гоша, ну где ты там? Иди к мамочке.

Позже, делая массаж Гоше и перешучиваясь с ним, Люся ловит себя на мысли, что они для нее кто угодно, но уже не клиенты. Как-то так неожиданно и незаметно случилось.

Глава 7. Большое воздаяние.

- Ну что, Лютик, мы с тобой надолго не прощаемся, - они оба вышли ее провожать.

- Ну, видимо, да, - Люся смущенно улыбается. Она только что выдержала бой с собственной совестью. Деньги было брать неловко. Но и не взять - тоже странно. Да и нужны ей деньги, у Люды есть обязательства перед семьей.

- Тогда - до встречи!

- Хорошо. Все мои рекомендации извольте выполнять.

- Мы помним! - на удивление слаженным хором.

- Гош, мне не кажется, что это хорошая идея.

- Хорошая, хорошая. И Люся уже согласилась.

- И все равно... Ну, подумай сам - где она, и где твои знакомые?

- Послушай, когда ты уже расстанешься со своими предрассудками относительно Люси?! Она замечательный человек и нечего...

- А я не о ней говорю! - перебивает его старший брат. - А о твоих друзьях-мажорах! Ты думаешь, ей будет комфортно с ними?

- Уверен, что Люся сможет с кем угодно поладить, - упорствует младший. - И потом, это мой день рождения, кого хочу, того и приглашаю.

- Мне это не нравится.

- Придется смириться. А все-таки странно, да?

- Что?

- Что у нас дни рождения с разницей в неделю. Вот я прямо чувствую с Люсей такое родство душ...

- С чего бы вдруг? - старший раздражен. - Ничего общего.

- Ну, и что думаешь?

Они в кабинете Григория, обсуждают отчет коммерческой службы. Гоша морщится, ерошит волосы.

- Да что тут думать, Гриш. Не сработало, сам же видишь. Я, вообще-то, изначально и предполагал такой результат. Эластичность спроса по цене никакая.

- Слушай, прекрати эти заумствования и нормальным языком скажи!

- Не прибедняйся. У тебя высшее экономическое образование, между прочим. Обязан понимать.

- Ой, не смей меня! Высшее экономическое, тоже мне.

- Тебе принести из отдела кадров копию твоего диплома?

- Гошка, мы с тобой оба знаем, как я его получил.

- Ну, - улыбается младший, - не без моей помощи. Но поступил и учился в университет на заочном все-таки ты!

- Ни фиги! Это ты меня заставил. А учились там мои деньги и контрольные, которые ты за меня делал.

- Ты так говоришь, будто к этому вообще не причастен.

- Почему? - усмехается Гриша. - Я туда... ходил. Иногда. Ножками, ножками. Тот еще подвиг.

- Ладно, не ной. Я не верю, что ты не понял, о чем я говорил.

- Понял, - вздыхает Григорий. Отодвигает в стороны бумаги. - Все эти игры с ценами - как мертвому припарка. На прибыли не сказывается.

- Я тебе то же самое сказал.

- Не вылезем мы сами, Гош. Деньги нам нужны. Какие-то другие... деньги.

- Я ищу, Гришка, ищу. С банками засада, конечно. Столько нам не дадут, не с нашим балансом. Но... не все варианты еще отработаны. Я несколько удочек закинул. Может быть, что-то выстрелит.

- Ну, дай Бог. Лишь бы нас при этом не зашибло.

- Да нам терять уже все равно нечего.

- И то верно.

Над тем, что надеть на день рождения к Гоше, она думала неделю. Очень было неожиданным это приглашение. Неожиданным и очень-очень приятным. Ей ужасно хотелось быть там красивой, настолько,

насколько она сможет. Недельные размышления ничего не дали, и поэтому в воскресенье они с Ритой идут по магазинам. Рита смеется над Люсей, над тем, что ей все не нравится. Но потом идеальное платье все же находится - темно-синий креп, пышная юбка, умеренно глубокий вырез, предваряемый рядом маленьких пуговиц. На Люсе оно сидит безупречно. Черные босоножки и подходящий к платью клатч у нее нашлись. Ну что ж, она готова!

День рождения Гоша отмечает дома. Он сказал ей, что не хочет пышного празднования, камерное мероприятие, только для своих. Люсе лестно, что ее причислили к "своим". Но Людмила понимает, что настроение у Гоши совсем не подходящее, чтобы закатывать огромный банкет на тридцатилетие. Да и, похоже, денег лишних нет на это все.

Поэтому в субботу вечером Люся стоит перед такой знакомой дверью в "Синей звезде". И когда дверь распахивается, на пороге стоит Григорий. Джинсы, рубашка, пиджак. Элегантный и улыбчивый. Снова непривычный.

- Привет, Лютик.

- Привет, Гриш. А где именинник?

- Сейчас прискачет. Жорка! - кричит, обернувшись, в недра квартиры, - Люся пришла! Давай, помогу снять пальто.

А, потом, забрав у нее верхнюю одежду, восхищенно:

- Ух, ты! Ничего себе... Как красиво.

Она не может сдержать довольной улыбки. Как приятно. И, оказывается, господин Свидерский может быть любезным и галантным.

Однако, как позже выяснилось, это был последний повод для улыбки. Она была абсолютно чужой на этом празднике. Ей вежливо улыбались при знакомстве и тут же забывали о ее существовании. Гоша был слишком занят. Гриша пару раз подходил к ней, но его тоже постоянно дергали какие-то знакомые. Причем, судя по разговорам, даже здесь, на дне рождения брата, его интересы крутились преимущественно вокруг работы. То он неподалеку от нее негромко и серьезно обсуждает с высоким худощавым блондином (Макс, вспоминает Людмила) ход какого-то судебного процесса. То с приземистым полноватым мужчиной с забавной мимикой и редким именем Степа выясняет детали лизингового (слово-то какое смешное) соглашения. В общем, Григорию тоже не до Люси, хотя она несколько

раз ловила на себе его взгляд. И так приятно видеть его одобряющую улыбку.

Вокруг нее люди, которые хорошо знают друг друга. Они веселятся, перешучиваются, вспоминают какие-то забавные эпизоды, обсуждают общие дела и знакомых. Они живут совершенно другой жизнью, такой отличной от ее. У них абсолютно иные интересы.

Собираясь к Гоше на день рождения, Людмила хотела выглядеть как можно лучше. Теперь же ей хочется стать незаметной, невидимой. Да, она эффектно, стильно одета, у нее хорошо уложены волосы и отличный макияж. Но спрятавшиеся комплексы вдруг вылезли наружу. Потому что бывшие в числе гостей девушки были такие... Ох, какие красивые у Гошки знакомые! Почти все - модельной внешности. Ну, уж избытком веса не страдающие точно. Она самой себе кажется на их фоне... Люда не любит это слово, но сейчас, рядом с эльфообразными девушками, у которых нет ни грамма лишнего нигде, она именно так себя и чувствует. Толстой коровой. Что Гошка в самой Люсе нашел, зачем общается с ней, когда у него есть такие знакомые? Она не раз ловила на себе недоуменные взгляды. Видимо, не она одна этим вопросом задается. Настроение совсем расклеилось, а Люда столько каких-то непонятных надежд возлагала на этот вечер.

И поэтому она сидит в углу огромного дивана с бокалом вина, из которого почти не убывает. Прислушивается к разговорам вокруг, постоянно выискивая взглядом такой знакомый ей разворот плеч в светло-сером пиджаке. А веселье постепенно нарастает. Промилле в крови выше, разговоры, в попытках перекричать грохочущую музыку, все громче. Только вот Людмиле невесело. Наверное, надо как-то незаметно уйти. Не для нее этот праздник, она тут чужая. Ловит на себе очередной взгляд. Это Эдик, тощий стилиста с холодными глазами и самовлюбленной улыбкой. Люсе он неприятен. Она слышала, как он отзывался о каких-то общих знакомых, его шутки весьма недружелюбны. Она плохо переносит таких людей, которые считают себя лучше других. Девушка, с которой он сейчас говорит, ему под стать. Люся не может вспомнить, как ее зовут. Они переговариваются, и по их взглядам Люся понимает - говорят о ней. Становится совсем тошно. Все, надо уходить. Но она не успевает встать с дивана, как вдруг неожиданно смолкает музыка. И во внезапной абсолютной тишине голос Эдика звучит особенно громко:

- Киса, да она просто жалкая! Даже предположить не могу, где Гошка откопал эту тупую толстую корову.

Наверное, Люда просто была к этому подсознательно готова. Именно поэтому она отреагировала первая и, резко встав с дивана и оставив бокал на полу, быстро прошла через комнату, в полной тишине, под смолкшие разговоры и жадные взгляды окружающих. Но больно было все равно - очень. И про пальто, сумку и прочее она забыла. Гораздо важнее ей сейчас было просто оказаться где-то... в другом месте. За дверью, хотя бы. Там, где можно выдохнуть слезами тугой ком в горле. Там, где не надо гордо, с высоко поднятой головой плевать на мнение окружающих.

Но идти некуда. Она вслепую, утирая слезы и спотыкаясь, поднимается на несколько лестничных пролетов, на самый последний этаж. И еще выше, туда, где зарешеченный, запертый на замок выход на чердак. Садится прямо на бетонную ступеньку, холода не чувствует. пышная юбка синими волнами собирается вокруг ее ног, выглядывают только кончики пальцев с аккуратным педикюром, затянутые тонкими колготками. Чего ради она так старалась? К чему все это - прическа, макияж? Зачем потрачены деньги на новое платье, деньги, которым можно было бы найти более полезное применение? Чтобы получить очередную порцию унижения? Надо успокоиться, она же привыкла к такому, не в первый раз. Но ее панцирь пробит, и слезы катятся градом. Ничего... Ничего... Она посидит, поплачет. Успокоится, в конце концов. Потом пойдет, заберет свои вещи. Извинится за беспокойство, наверное. Если сможет. И уйдет. Навсегда. Потому что видеть их... его... после всего - невозможно.

Где-то внизу хлопает дверь, неясный шум, голоса. Это из их квартиры? Неважно. Шум постепенно стихает, несколько раз проходит вверх-вниз, мерно гудя, лифт. Сколько прошло времени? Она не знает. А потом, вдруг, шаги. Тяжелые размеренные шаги, все ближе и громче. Тошно, плохо и стыдно, но от неприятностей она никогда не бегала. Поворачивает голову и видит сквозь опоры перил знакомую ей темноволосую макушку.

Сидит прямо на холодном бетоне ступенек, зареванная и ужасно незащитная. Ярость поднимается снова, но он не дает ей власти, выдыхает с шумом. Поднимается еще на пару ступенек, останавливается перед ней, протягивает руку.

- Люся, нельзя так сидеть, простудишься же. Вставай.

Она отрицательно качает головой. И Григорий понимает, что вот прямо в данный момент ее от этих холодных ступенек можно оторвать только силой. Например, на плечо закинуть и утащить. Идея кажется странно привлекательной, но, наверное, все-таки не стоит. Не сейчас.

Гриша поднимается еще на пару ступенек, садится рядом. Стаскивает пиджак, накидывает на ее полуголые плечи. Она сразу как-то съеживается под его ладонью, и он со вздохом убирает руку. Молчать сейчас - не самый удачный вариант. Но и что сказать, он плохо представляет.

- Люсь... Вот простынешь еще... а мы виноваты будем...

- Никто не виноват, - отвернувшись, в сторону.

- Ох... Люсь, да забей ты на этого козла! Я говорил Гошке, что Эдик мурак... И не стоило его приглашать. А он мне не верил.

Она поворачивается к нему, не пряча лица с полными слез глазами и потеками туши по щекам. Проводит пальцами, размазывая соленую влагу, но картину это существенно не улучшает. А потом, негромко, но как-то отчаянно решительно:

- Гриш, зачем?

- Зачем... что? - недоуменно.

- Зачем ты со мной возишься? Я же тебе даже не нравлюсь!

- Эээ... с чего ты так решила? Кто сказал?

- Ты сам сказал, - она грустно улыбается. - Думаешь, я не помню? Когда намекнул, что мне кушать надо... поменьше. Хотя ты прав, конечно...

Он тяжело вздыхает.

- Значит, извиниться все-таки надо...

- Не надо! Вот уж чего точно не надо!

- Люся, извини меня, пожалуйста, за тот раз. Я был тогда реально... задолбанный. А тут еще Гошка... и ты... Я понимаю, что это не оправдание. Мне, правда, жаль... что я тогда так...

Она всхлипывает, зябко поводит плечами, его пиджак скользит вниз. Он подхватывает его, накидывает обратно и руку уже не убирает.

- Люсь, пожалуйста... Не плачь. Не стоит он этого. Ну, - вдруг чуть крепче сжимает ее плечи, - ты же сильная девочка. Сильная, умная и красивая. Не обращай внимания на всяких уроков.

- Красивая... скажешь тоже... - шмыгает носом, - особенно сейчас, ага.

- Красивая, красивая... Не спорь со старшими. И поэтому... про "не нравлюсь"... Ты немножечко не права. Понимаешь?

Только теперь она осознает, как замерзла. Замерзла снаружи и заледенела внутри. А сейчас... Большая горячая ладонь на плече. И ткань пиджака, согретая теплом его тела. И слова его, в которые так хочется поверить. Имеет она право на минутную слабость, в конце концов?! И Людмила опускает голову на широкое надежное плечо. И чувствует, как сжимаются его пальцы на ее плече, притягивая еще чуть плотнее. Глаза закрыть, запомнить, насладиться. Но он не дает.

- Люсь, пойдем. Холодно. Отморозишь себе... что-нибудь...

Она вздыхает. Совершенно не хочется никуда уходить. Хочется сидеть вот так, с ним. И не думать ни о чем. Но, пресекая все ее надежды - телефонный звонок. Гриша опускает руку с ее плеча, лезет в карман собственного пиджака, ненароком оглаживая сквозь ткань подкладки ее талию, верх бедра, отчего она покрывается мурашками вся. А он уже убрал руку и говорит в трубку:

- Да, Гош, нашел. Да, тут мы, недалеко. Понял, хорошо, идем.

Встает и сразу становится холодно, она уже сама подхватывает сползший от его движения пиджак.

- Давай, Люсь, пойдем, - наклоняется, берет ее за руку, тянет. - Там Гошка с ума сходит.

- Я не хочу... - неуверенно.

- Все уже разошлись, только Жорка один мечется. Негоже в день рождения именинника в одиночестве оставлять.

Он знает, что ей сказать. И она со вздохом встает вслед за его рукой.

- Люся!!! Господи, ради Бога, прости! - именинник растерянный, расстроенный и взволнованный. Сжимает ее руку. - Я... я даже не думал... Эдик, блин, идиот!

- Гош, это ты меня прости. Испортила тебе день рождения.

- Люся, глупости не говори, - резко перебивает ее Григорий. - Тебе ли извиняться?

- Нет, ну правда... Вон, гости все разбежались...

- Или кто-то их разогнал, - вдруг усмехается Гоша, но закончить фразу не успевает - звонит теперь уже его телефон. И она невольно и почему-то с волнением прислушивается к разговору.

- Да, Макс? Ага, понял. Ну, что уж теперь... Согласен с тобой. Хорошо, держи меня в курсе, - а затем, нажав отбой, уже брату: -

Поздравляю тебя, Свицерский. Перелом челюсти в двух местах. Со смещением. Макс сказал, - не удержавшись, ехидно, - что это вполне тянет на нанесение телесных повреждений средней степени тяжести. Учитывая твоё примерное поведение и прочее... на год условно можешь рассчитывать. Но он, если что, готов быть твоим адвокатом.

Люся, беззвучно охнув, тихо оседает на диван. А Григорий лишь пожимает плечами.

- Подумаешь. Я не жалею. А то стыд и позор - тридцать пять лет и ни одной судимости...

- Гриша... Гоша... да как же это?.. - она не может сказать ничего связного. Все происходящее кажется ей дурным сном.

- Да, страшен в гневе Григорий Сергеевич, - Гоша верен себе и даже сейчас иронизирует. - С одного удара челюсть в двух местах сломать - это надо уметь...

- ЧТО?! - она просто задыхается от того, что слышит, но отказывается понимать - Как это?.. Гриша... ну зачем?!

- Затем, что надо, - Григорий невозмутим. - Уродов надо наказывать и объяснять, что к чему. Я даже удовольствие получил... - потирая костяшки правой руки, - моральное.

- Эх, жаль, я не успел, - поддерживает брата младший, - пнуть пару раз.

- Это потому, что ты был занят тем, что меня держал, - усмехается старший.

- Ты б его тогда вообще зашиб, - парирует Гоша. - А то я не знаю, какой ты бываешь!

- Да ну, - морщится Григорий, - одного раза хватит. Вот еще - об эту мразь руки лишней раз пачкать.

- Тебе точно одного раза хватило.

- Ну зачеее?! - стонет Люся, обхватив голову руками. - Зачем?! Гоша! Гриша! Что теперь будет?! Неужели... правда?! О, Господи... Одни неприятности от меня!

- Лютик, - Гоша садится рядом, обнимает ее за плечи. - Не говори ерунды...

- Это судимость - ерунда?!

- Да не переживай. Не будет никакой судимости. Даже заявления в полицию не будет. Договоримся... как-нибудь.

Она недоверчиво смотрит на него.

- Как - договоримся? С кем?

- С кем надо, с тем и договоримся. Все будет нормально, я тебе обещаю. Ничего не будет твоему рыцарю.

- А если...

- А давайте торт есть, - перебивает ее Григорий. - Гошка, тащи торт. И свечи.

- С ума сошел? Хочешь тридцать свечей в торт воткнуть?

- Конечно. Обязательно. Воткнуть и потом задуть. Разве у тебя нет заветного желания, маленький брат?

- Ну, что, загадал?

- Эй, так нельзя! - протестует Люся, помогая Гоше вынимать свечки из торта. Кондитерское изделие изрядно потеряло во внешней привлекательности. Остается надеяться, что тридцать свечей не повлияли на его вкусовые качества. - Нельзя говорить, а то не сбудется.

- Да Гришка и так знает, - Гоша споро орудует ножом, нарезаая торт, - что я загадал.

- Наверное, знаю, - соглашается Григорий. - Мне вон тот, с шоколадной розой.

- Кто же ест торты в полдесятого вечера? - Люда разливает чай.

- Кто-кто, - Гриша отправляет шоколадную розу целиком в рот. И, слизнув шоколадные крошки с уголка губ: - Люди, которые умеют радоваться жизни. И потом, день рождения раз в году бывает.

Они просидели еще два часа. Совершенно необъяснимо, несмотря на все произошедшее, ей было удивительно тепло и спокойно. Так хорошо, что и уходить не хотелось. Хотелось вот просто сидеть на кухне, пить ароматный чай, доедать оказавшийся все-таки вкусным торт, в кои-то веки не думая о лишних калориях, и слушать истории, которые рассказывали по очереди Гоша и Гриша. Про детство, покойную мать, про Гришины армейские годы и Гошино студенчество. Про то, как они начинали свое дело. Ощущение того, что она знает их всю жизнь, что они ей очень близкие, почти родные люди, было неправильным. Но чувство, что эти двое ей не чужие, лишь крепло в ее душе. Как она так умудрилась вляпаться?

Они вышли проводить ее до такси. Гоша обнимает ее на прощание, успев шепнуть на ухо:

- Лютик, извини.

Гриша лишь коротко кивает, зябко ежась на зимнем ветру в одной рубашке.

Она садится в машину. Такси трогается, водитель усмехается себе в седые усы, думая о том, что его симпатичной пассажирке, похоже, скоро предстоит сделать непростой выбор между двумя претендентами.

Дома к ней милосердно равнодушны. Антонина Вячеславовна выглянула, проконтролировала, в каком состоянии дочь вернулась. Убедившись, что в пристойном, сквозь зевоту пожелала спокойной ночи и скрылась за дверью их с бабушкой комнаты. А бабуля даже не вышла, и это было так странно, что Люся не выдержала, заглянула сама к ним в комнату.

- Людмила, ты чего бродишь? - мать, шепотом.

- Мам, - ответным шепотом, проходя на ощупь в знакомую до мелочей комнату: - А с бабулей все в порядке?

- Давление скакнуло. Сейчас уже все нормально, спит она. И ты иди спать, доченька.

- Доброй ночи, мамуль.

Не спится отчего-то. Спиртное виновато, не иначе. Она употребляет мало и редко, и достаточно ей совсем немного, чтобы организм выдал непредсказуемую реакцию. Вот как сейчас, например - бессонницей. Взбуждена Люся, что уж тут скрывать. И вставать завтра рано, и усталость есть, а вот сон не идет все равно.

Почему-то вспоминается школьная влюбленность в Лешку Данилова, первая, отчаянная, горькая. Лешка - заводила, весельчак, красавчик. И Люся Пахомова... Разумеется, она была влюблена безнадежно. Но все равно, каждое малейшее проявление внимания с его стороны, случайный взгляд, небрежное слово, хотя бы о том, что задавали по истории - и сердце бешено колотится, и потом несколько дней проводятся в волнительных раздумьях - а вдруг это знак? Знак того, что она ему симпатична. Вдруг он вот так это дал ей понять? Мечты, мечты... Здравый смысл всегда одерживал победу, но помечтать об этом было так сладко.

Вот и сейчас. "Ты немножечко не права...". Что это значит? Что она ему нравится? Хотя бы чуть-чуть? И снова чувствует, будто ей пятнадцать, ей-Богу. Та же внутренняя дрожь, что парализует все мысли. А ведь есть и еще воспоминания, и не только о его словах.

Твердое плечо под щекой. От воротника пиджака пахнет обморочно волнительно. Наверное, одеколоном, но мозг не анализирует, понимая только одно: вот этот горьковатый, терпкий запах - это запах мужчины. Аромат, каких в ее жизни не было. Так отличный от привычных запахов свежей выпечки, крема для рук, маминой мази для спины. Наверное, ему он привычен, и он его не чувствует даже. А Люсе этот аромат не дает покоя. И гладкая, скользкая ткань подкладки пиджака, которая до этого прикасалась к его плечам, а потом - к ее. Будто он обнимает ее. Так ведь обнимал же! Сидел рядом, обнимал, прижимал к себе. Красивой ее называл! Становится невозможно душно, она сердито откидывает одеяло. Ну не пятнадцать же ей, в самом деле, уже в два раза больше! Стыдно, Людмила Михайловна, стыдно. Прошлепала на кухню, прямоугольник света из холодильника яркое пятно в темноте кухни. Стакан холодного молока залпом, так, что леденеет горло. Потом еще один. Так и до ангины недалеко, зато внутренняя дрожь превращается в ледяной озноб от двух стаканов холодной жидкости в желудке. Как ни странно, эта радикальная терапия помогает, и спустя пять минут Люся спит. Но снится ей все равно - он.

- Гриш...

- Ну?

- Я тут подумал... Некрасиво вышло с Люсей...

- Это мягко сказано, - фыркает старший. - А я тебя предупреждал насчет Эдика!

- Да, да, - досадливо морщится Гоша. - Ты, как всегда прав, о великий старший зануда. Но я вот подумал...

- Очередная гениальная идея? - иронически.

- Да! - с вызовом. - Предлагаю компенсировать Лютику... моральный ущерб.

- Каким это образом?

- У нее же день рождения через неделю. Давай ее пригласим... к нам? Стол накроем, цветы. Устроим Люсе праздник.

- Ты думаешь, ей не с кем отпраздновать день рождения? - в голосе Григория искреннее недоумение.

- Да есть с кем, наверное, - Гоша едва заметно улыбается. Иногда старший брат ему кажется непроходимо дремучим. Или просто - наивным. - Я имею в виду - не в сам день рождения. На следующий. Или через день. Я думаю, Люсе будет приятно.

- Ну... я согласен.

- Отлично. Надо только придумать, что ей подарить. Такое... особенное.

- А я уже придумал, - вдруг усмехается Гриша.

- Что?

- Так я тебе и сказал!

Глава 8. Большая странность.

Телефон вибрировал в кармане весь очередной сеанс массажа. При первом же звонке она достала его, посмотрела, что это не мать и не бабушка - звонки от них она принимала всегда. А остальные - подождут. Но этот неизвестный номер был чрезвычайно настырен. И очередной звонок настиг ее буквально за дверью квартиры клиента. Ну, кто там такой нетерпеливый?

Нетерпеливый буквально оглушил ее из трубки, стоило только нажать на кнопку приема вызова.

- Люся, какого черта трубку не берешь?!?

- Гриша?

- Нет, Папа Римский! - рявкнул. И, чуть мягче: - Я час до тебя дозвониться не могу! Почему не отвечаешь?!

Собственно, самый очевидный вопрос - какое он имеет право так на нее орать? Но этот вопрос так и остался незадаанным. А вот первая мысль: "Если орет, значит, что-то случилось". Именно об этом и спросила.

- Ничего не случилось, - отвечает Гриша уже гораздо спокойнее. - Это я думал, что у тебя что-то случилось. Если час на звонки не отвечаешь.

- Я работала, Гриш, - Людмила прислоняется к стене лестничной площадки. А ведь он ее напугать умудрился. После его криков подумалось почему-то о плохом. О Гошке, например. Что у него что-то случилось, рецидив какой-то или осложнение. А тут... - Ты же видел, как я работаю. У меня руки заняты. Лучше не отвлекаться, мышцы-то разогреты. Ну, ты же должен понимать, я тебе объясняла...

- Я помню, - уже совсем спокойно. - Ну... гхм... извини...

- Но что-то все-таки случилось? - ведь есть у него повод с такой настойчивостью дозваниваться? И, кстати, надо все-таки сохранить его номер. В тот, самый первый раз, когда он звонил, она этого не сделала, повода не было - подумаешь, один из многочисленных клиентов. А потом его номер просто затерялся в очереди других.

- Да не то, чтобы случилось... - на самом деле, он растерян, даже смущен. Собственной реакцией на длинные гудки при попытках ей дозвониться. Не привык он к такому! Но старается свою растерянность не показать. - Ты во сколько освобождаешься?

- В восемь.

- Однако... Допоздна работаете, Людмила Михайловна. Ладно, в полдевятого встречаемся у Леонида. Успеешь? Адрес помнишь?

- А... Помню, вроде бы. Примерно. Но... зачем?

- Машину твою на полноценный сервис поставим.

- Нет! - как он не понимает, что без машины она как без рук! - Гриша, я не могу без машины остаться! Спасибо, но не стоит...

- Кто тебе сказал, что без машины останешься?

- Но ты же только что сказал, что на сервис поставим мою "Ниву".

- Люсь, вот приедешь - я тебе все объясню.

- Гриша, я не понимаю... Может быть, не надо...

- Да что за день сегодня такой, что все со мной спорят? - вздыхает он. - Встречаемся в полдевятого у Леонида.

- Гриша, правда, я не думаю, что...

- Ко мне пришли, - резко. - Вечером, у Леонида. До встречи.

Короткие гудки. Она растерянно смотрит на телефон. Как-то смешано все в голове. И недоумение от его повышенного тона, и раздражение от командирских интонаций и нежелания ее слушать, и удивление от самого факта звонка. Но самое яркое чувство - это теплота в груди от его финального "До встречи". От того, что увидит его сегодня. Она вздыхает и нажимает кнопку лифта. Пропадает. Нет, все, пропала уже.

Он приехал первым. Даже ждал ее целых три минуты. Ждал, разговаривая с Леонидом. Людмила не успела выйти из машины - ворота мастерской приглашающе распахнулись, открывая огромное темное нутро. И ей пришлось ехать туда. С господином Свидерским очень трудно спорить.

Внутри к ней первым подошел Леонид.

- Как девочку зовут?

- Девушку зовут Людмила Михайловна, - это сзади нарисовался мрачный Григорий. - Я тебе говорил, Леонид. Склероз уже?

- Обижаешь, - в противовес Грише Леонид улыбчив - Как можно Люсеньку забыть? Я про машину спрашиваю.

- Леонид Петрович, ты совсем сбрендил от постоянного вдыхания паров тосола? Кто машинам имена дает?

- Вот девушки и дают, - подмигивает Люся Леонид. - Правда же?

- Правда, - усмехается Люся. - Девочку Мальвиной зовут. Можно Маня.

- Ну вот, Григорий Сергеевич, слышишь? - Леонид кладет ладонь на капот "Нивы", похлопывает. - Маня это, значит, у нас...

- Ну, выдумщики, - Гриша удивленно качает головой. - Ладно, мы тебе девочку Маню оставляем. Делай с ней все, что хочешь...

- Вот прямо все-все?

- Все-все. Но чтобы была как новая.

- Вас понял. Сделаю из нее снова девственницу.

- Леонид!

- Шучу, - автомеханик захлопывает рот рукой. И из-под ладони неразборчиво: - Верну в лучшем виде.

Люся уже даже не предпринимает попыток спорить с Григорием. Опыт показывает, что это бесполезно.

Она впервые едет в такой шикарной машине. Ну, если не считать Гошин "Ауди". И это волнует, потому что за рулем - он. И именно за рулем этого огромного джипа Гриша кажется на своем месте. Все его движения абсолютно естественны, будто он родился для того, чтобы управлять машиной. Ничего лишнего, можно просто любоваться тем, как он разворачивает машину на не очень-то просторном пяточке, как уверенно ведет машину по узкому проезду. Начинать разговор ей как-то неловко. И он первым нарушает молчание.

- Сейчас до гаража доедем, подберем тебе что-нибудь подходящее на время.

Теперь она понимает, что он имел в виду. Но все равно - неловко.

- Гриш, может быть, не стоит... Такое хлопоты... - помолчав, все-таки добавляет: - Расходы...

- Считай, что это мой подарок тебе на день рождения, - они наконец-то выбрались на проспект.

- Ой... - вот теперь отказывать и отнекиваться точно нельзя. - Спасибо, Гриш. Это нужный и полезный подарок.

- Я тоже так думаю, - он вдруг улыбается, - что полезный. Это вам не цветочки-конфеты, - последнюю фразу он произносит так, будто цветы и конфеты являются его личными идейными врагами. И Люся

не может не улыбнуться ему в ответ. А потом вдруг вспоминает, о чем хотела его спросить.

- Гриш, а что там с..?

- С чем?

- Ну... с тем... которому челюсть... сломали.

- А не знаю, - отвечает он беспечно. - Я к нему в больницу с передачами не ездил.

- А заявление? Заявление он написал? - она не выдерживает и спрашивает прямо.

- Ай-ай-ай, Люся, - усмехается он. - Не веришь Гошке? Он же сказал, что все будет в порядке.

- И все-таки? - настаивает Люся.

- Ну... пострадавший имел наглость предложить нам откупиться от него и его заявления значительной суммой денег...

- О, Господи...

- Я выдвинул встречное предложение сломать ему еще пару пальцев на руках... или ногах - на выбор. И еще ребра посчитать на предмет комплектности. Он отказался. И на этой жизнеутверждающей ноте мы расстались, вполне удовлетворенные друг другом.

- Удовлетворенные? Точно?

- Абсолютно. Все в порядке, Люсь. Правда. Не переживай.

- Да как не переживать-то? Если из-за меня все это... - а потом, непоследовательно и тихо: - Спасибо тебе.

- Не смей меня, Лютик. Ничего особенного я не сделал.

В гараже их встречает молодой мужчина, судя по всему, ровесник Люси. Именуется он Славиком и, в отличие от уважительного, но сохраняющее чувство собственного достоинства Леонида, демонстративно любезен и подобострастен. Людмиле даже неприятно это наблюдать, а Гриша внимания не обращает - видимо, давно к такому привык.

- Ну что, Славик, готово?

- Конечно, Григорий Сергеевич, обязательно! Все приготовил - и машину, и документы, как вы велели! - Славик всем своим видом излучает служебное рвение. - Suzuki SX, красненький? Тот, что летом пришел?

- Да, все правильно. Выкатывай. Люся, дай права и паспорт - документы полностью оформим.

- Только это, - Славик вдруг странно мнетя, - на ней же... ну... вы помните?..

- Помню, - резко. - Выгоняй машину.

- Слушаюсь, Григорий Сергеевич!

- Ну, как тебе?

- Здорово! - она совершенно искренна. - Все удобно и легко.

- Хорошо, - он возится в пассажирском кресле, устраиваясь поудобнее. - Габаритами она примерно как твоя... Маня. Привод тоже полный, клиренс хороший, только что японская и коробка-автомат. Думаю, тебе будет и правда удобно.

- Угу, - она совершенно неосознанно гладит руль. Это машина ей не принадлежит, но как приятно сознавать, что Красотка (Люся именно так сразу окрестила машину - Красотка) будет в ее распоряжении хотя бы неделю.

- Ну, давай, прокати меня по двору, попривыкни. Да и по домам поедem. Поздно уже. Документы на машину, - открывает бардачок, - тут.

- Спасибо, Гриш, - с чувством, от души.

- Да было бы за что, - пожимает он плечами. Но ему приятно, она это видит.

Он и так не выходил у нее из головы. А теперь же и вовсе не дает о себе забыть - каждый день напоминая покладистым характером, удобством в управлении и прочими замечательными качествами переданной ей во временное пользование Красотки. Машина настолько хороша, что Люся даже чувствует себя предательницей по отношению к Мальвине. Та ей столько лет верой и правдой служила, но Красотка покорила Люсино сердце. Это покажется кому-то смешным, но тот, кто так сильно зависит от надежности железного друга, - тот поймет. Ей никогда не делали таких подарков. И пусть даже ей дали такую чудесную игрушку на время - все равно, ужасно приятно. И, потом, Маня после сервиса, наверное, будет гораздо лучше себя вести.

Маме и бабушке пришлось долго объяснять, откуда у нее новая машина. Непростая эта оказалась задача даже при ее опыте обхождения острых углов и неудобных вопросов.

- Гриша, ты же мне обещал!

- Что обещал? - хмуро.

- Что эта машина - для Алины!

- Я обещал, что буду ей давать машину, если она будет свободна, - старается говорить ровно, но раздражение, которое давно копилось, так и рвется наружу. - Сейчас она занята.

- Кем это занята?

- Достаточно того, что я сказал, что она занята!

Теперь уже Лариса пытается взять себя в руки. День за днем она чувствует, как любовник отдаляется. Как все чаще она видит перед собой неуступчивого начальника, а не мужчину, с которым была близка. На которого она возлагала столько надежд на семейное счастье.

- Гриша, но ведь девочке надо тренироваться ездить!

- Давай, дам ей что-то другое.

- Я знаю, что ты дашь! Рухлядь какую-нибудь!

- Девка права получила два месяца назад! Прикажешь ей Лексус выдать?!

- Девка?! Гриша, ты говоришь о моей дочери!

- Извини, - он все-таки сорвался, и это никуда не годится. -

Извини, Лариса. Просто она за эти два месяца уже два раза умудрилась попасть в ДТП!

- Да разве это ДТП, так, ерунда, тычки!

- И слава Богу, что тычки. Но машину-то после них приводить в порядок надо!

Лариса вздыхает. Нет, отрицать очевидное бесполезно. Он совсем отдалился от нее. И она это терпеть не намерена! Не для этого столько лет ждала!

- Гриш, что происходит? Мы тебе совсем чужие стали? Тебе на нас что, наплевать?!

Теперь он тяжело вздыхает.

- Лариса, дверь закрой на защелку. Чтобы не помешал никто. Поговорить... надо.

День рождения Людмила отмечает этапами. Сначала дома, с бабушкой и мамой. Бутылка вина, праздничный пирог с брусникой. Бабуля вручает ей дивной красоты бело-голубую ажурную шаль, связанную собственноручно. Мама дарит Люсины любимые духи. И то, и другое не является сюрпризом, но все равно ужасно приятно.

А вечером она встречается с Викой и Ритой в кафе. Вика дарит подарок полезный - хороший немецкий маникюрный набор. А вот Рита удивляет.

Содержимое красивой, затянутой алой бумагой коробки Люся сначала доверчиво вытащила на всеобщее обозрение. Чтобы потом торопливо запихнуть обратно.

- Не понравилась? - смеется Рита, отпивая нечто малинового цвета и коктейльного вида через соломинку.

- Ну почему? - Люся смущена. - Просто... я дома посмотрю, хорошо, Ритуль?

- Посмотри, - кивает Рита. - И примерь обязательно. Надеюсь, я не ошиблась с размером.

- А что там? - любопытствует Вика, отрываясь от салата.

- Там комплект развратнейшего дамского белья для нашей красоты.

- Рита! - Люся поперхнулась своим напитком.

- О? - Вика смотрит заинтересовано. - Я чего-то не знаю? Люсьена, у тебя появился повод надеть такое белье?

- Такое белье - само по себе повод, - улыбается Маргарита. - Чтобы его носить. А там... На ловца и зверь бежит.

- Девочки! - торопливо меняет Люся тему разговора. - А давайте за вас выпьем. За то, что вы у меня есть, такие замечательные!

Она долго не могла решиться примерить. Заперлась в ванной и сначала просто рассматривала. Она такого никогда не то, что не носила - в руках не держала. Все ее бельишко - скромное, практичное. Думала, что на ее размер ничего такого и не бывает в принципе.

Черные плотные скромные фрагменты - низ чашечек бюстгальтера, середина у трусиков. Но верх у лифчика и боковые части у трусов - бесстыже прозрачные, просто насквозь! И вытканые розовые цветы ситуацию не спасают, как Люсе кажется. Видела бы это бабуля... Люся так и представляет, как та крестится и бормочет: "Срамота-то какая!".

Но ведь она - не бабушка! И Людмила решительно раздевается, отвернувшись от зеркала.

А потом... потом она долго не находит сил повернуться. А потом - потом просто не верит своим глазам.

Когда надевала белье, было ощущение, что удобно, что с размером Рита угадала. Но Люся даже не ожидала, что будет так... Да она ли это?!

В зеркале отражается... нет, ну не она это! Куда делся живот? И почему так эффектно выглядят ее далеко не самые стройные бедра? А грудь? В этом бюстгальтере она выглядит, как пара лакомых... Как на каких-нибудь фотографиях с рекламой женского белья из глянцевого журнала! Люся просто не может от себя глаз отвести. Красивая одежда - это одно. А вот такое белье - совсем другое! И она даже не представляла себе, что может выглядеть настолько... настолько привлекательной в собственных, очень придирчивых глазах!

Белье снимать не хочется, оно кажется ей волшебным. В этом году Люсе дарят какие-то совершенно удивительные подарки.

В гости она оделась довольно скромно. Черные брюки, темно-розовая атласная рубашка свободного покроя. Потому что под всем этим было ОНО! И пусть этого не видно никому снаружи, она-то его чувствовала. Гладкий шелк и мягкое кружево. Этого ей самой более чем достаточно.

Дверь ей открыл Григорий. Это уже привычно. И на нем привычный дресс-код для домашних праздников - джинсы и рубашка, сегодня темно-синяя в черную полоску.

- Привет, - она шагает через порог.

- Привет, - улыбается он. А потом, нерешительно качнувшись, наклоняется и все-таки прикасается к ее щеке твердыми губами. И теплым выдохом на ухо: - С днем рождения, Лютик.

- Спасибо, - удивительно, как ей удастся говорить. Еще более удивительно, как удастся устоять на ногах, когда его руки касаются плеч, помогая снять куртку. И как она вообще собирается с мыслями для ответа ему.

- Люся, ты, как всегда, ослепительна.

- Спасибо, - слабо повторяет она. - А где Жора?

- Слушай, тут такое дело... Встреча у него вдруг наклюнулась. Там его товарищ прилетел из Москвы, однокашник. Гошке с ним переговорить срочно надо, а тот на пару дней прилетел всего, тоже на день рождения, к отцу, правда. Жорка обещал постараться побыстрее закончить и прискакать. Так что вот...

- Жаль... - она смущена. Это что, они с Гришей останутся вдвоем?

- Ну, извини.

- Да ничего страшного, - она справляется с собой.

- Вот и я так думаю, - вдруг усмехается Григорий, - что я не страшный. И даже не кусаюсь. По воскресеньям.

- Я тоже, - в тон ему отвечает она, окончательно придя в себя. - Не кусаюсь. Отучили.

- Кто посмел?!

- Мама и бабушка. Говорят, в свое время я была настоящим проклятием всей ясельной группы.

Он смеется. И сразу вдруг становится легко и просто.

Стол накрыт в гостиной. На троих все-таки. Шикарный букет кремовых роз в центре, который снова заставляет сердце предательски екнуть. А перед ней еще и стул отодвигают, все как положено, Григорий Сергеевич демонстрирует образец воспитанности.

- Как машина? - Гриша отдирает фольгу от бутылки с шампанским.

- Ой, просто отлично! Не машина - сказка!

- Я рад, - разливает шампанское, отмечая про себя, что надо бы сказать Леониду, чтобы не торопился с возвращением девственности Мане. Пусть Люся еще покатается, раз ей так нравится. - Ну, за тебя?

- Спасибо, - дежурно отвечает она. Тоненько звякает богемское стекло, Люся отпивает шипучую холодную жидкость. Вкусно. Совсем не то, что они пили дома на Новый год. И решается посмотреть ему в лицо. Григорий едва пригубил из бокала и смотрит на нее как-то... задумчиво.

- Гриша, а ты почему не пьешь? Хорошее шампанское, очень вкусное, - и, уже набившим оскомину: - Спасибо.

- Да хоть какое бы хорошее ни было - не люблю, - усмехается он и ставит бокал на стол.

- Не любишь шампанское? - совершенно искренне удивляется Люся.

- Терпеть не могу! Сладкое, с пузырьками... бррр! - он совершенно натуралистично строит недовольную гримасу.

- А мне нравится!

- Ну, вот и пей. Для тебя и стоит оно здесь.

- Ой, - Люся вдруг спохватывается, - ты что, думаешь, я одна целую бутылку выпью?!

- Ну, - он усмехается, - я тебе немножко помогу.

Еда вкусная, разговор интересный. А неловкость растворяется в пузырьках шампанского, которым методично наполняет бокал ее собеседник. И лишь когда бутылка пустеет, Люся понимает, что это почти целиком и полностью ее заслуга. Но чувства вины это не вызывает. На душе легко и весело, она чувствует себя фантастически непринужденно.

- Гриш?

- Да?

- Тащи фотографии.

- Для взрослых? - он выгибает бровь, едва уловимо улыбаясь.

- Нет! - хохочет Люся. - Детские. Ваши - твои и Гошкины. Есть у вас?

- Да есть где-то у Жорки, - усмехается Георгий. - А зачем тебе?

- Хочу на вас маленьких посмотреть. Интересно, какие вы были.

- Да что там смотреть, - пожимает он плечами. - Такие же, как все в детстве - смешные и глупые.

- Все равно - хочу! - капризно надувает губы Люся. - Неси!

- Хорошо, - он прячет улыбку. Она такая забавная сейчас. - Пойду, поищу.

А потом они смотрят альбом с фотографиями, устроившись на диване. Смотреть интересно, а сидеть с ним так рядом, так близко - просто до мурашек волнительно. Он большой и теплый, а фотографии... Ей и вправду любопытно.

Гоша был прав - они совсем не похожи на мать. Фотографий отцов почему-то нет в альбоме, но с матерью у обоих сыновей нет ничего общего. Хотя - нет... Вот этот взгляд, ухваченный фотографом на одном из снимков: упрямый, исподлобья - этот взгляд Люся видела. У Гриши взгляд матери. Взгляд человек, который всегда поднимается с колен, раз за разом, сколько бы его жизнь ни роняла. А он все равно встает, потому что по-другому - не может. И Люсе вдруг становится жаль, что ей уже не при каких обстоятельствах не выпадет шанса познакомиться лично с этой удивительной женщиной, воспитавшей двух таких разных, но таких замечательных сыновей.

- Она, наверное, была... - начинает нерешительно Люся, - очень сильной женщиной...

- Ей не очень повезло в жизни, - Гриша, наклонив голову, рассматривает фотографию матери: в косынке, у костра - это они

ходили в лес по грибы. - Непросто ей пришлось. Но она всегда справлялась и никогда не жаловалась.

- Скучаешь по ней? - вырывается вдруг неосознанно и неправильно.

- Привык, - пожимает плечами он. - Деваться все равно некуда. - А потом закрывает альбом и поднимает на нее глаза: - Ну, что? Твоя душенька довольна?

Вопрос звучит так... странно интимно. Взгляд ее бродит по его лицу. Очень хочется протянуть руку и провести по упрямо выдвинутому подбородку, коснуться пальцами неуступчиво поджатых губ. Пожалеть его хочется, прижать к себе и пожалеть, хотя он из тех, кто не позволяет себя жалеть никому.

А он так же внимательно смотрит на нее. И когда его взгляд упирается в ее губы, она не выдерживает - закрывает глаза. Люся не узнает себя, своих вдруг таких ярких желаний, эмоций. Но он ей нужен, нужен сию секунду. Руки нужны его, губы его. "Пожалуйста, пожалуйста, - молит она беззвучно. - Поцелуй меня. Иначе это сейчас сделаю я".

Он вздохнул так, что у нее волосы взлетели от виска. И, прокашлявшись, хриплым голосом:

- Слушай, я же совсем забыл... Гошка тебе подарок велел передать. Если он не успеет приехать. Я сейчас.

Он встает с дивана, а она остается сидеть - растерянная и непонимающая.

Выйти из комнаты, разорвать болезненно бестелесный, но от этого не менее плотный контакт, к окну подойти, прижаться к холодному стеклу. Подышать, чувствуя, как леденеет кожа лба и расплывается на стекле мутное облако от собственного дыхания. Он даже предположить не мог, что будет так непросто.

- Ты знаешь, что там? - Люся держит в руках врученную ей коробку средних размеров, обтянутую золотистой бумагой. Она художнически пришла в себя и категорически запретила думать о том, что только что произошло. И НЕ произошло. Потом, дома.

- Гошка утверждал, что кожаный корсет, - усмехается Григорий. - Но я думаю, что это не так.

- Надеюсь, - усмехается в ответ Люся и начинает распаковывать коробку. И все равно, отчего-то вспомнив Ритин подарок, в коробку

заглянула с опаской. Но, увидев содержимое и сразу догадавшись, что это - расхохоталась. Заглянувший вслед за ней в коробку Гриша присоединился к ней. А потом она все-таки достала подарок - ярко-голубую пушистую меховую оплетку для руля.

- Жорка в своем репертуаре, - посмеивается Гриша.

- А тут еще записка прикреплена, - Люся разворачивает небольшую открытку и, прочитав, снова хохочет. А потом протягивает ее Григорию.

Девочке с голубыми волосами - от голубого мальчика.

- Все-таки мало я его в детстве порол, - ворчит Гриша. - Люсь, смотри, а там еще что-то, внизу.

А на дне коробки обнаружилась еще пара меховых наушников - мягкий серо-коричневый кроличий мех и снова записка: "А это - от Гришки. Раз уж ты все равно не носишь шапки!".

- На самом деле это не от меня, - Гриша достает из коробки наушники. - Это все Гошкины идеи. Примеришь?

- Угу. Пойду к зеркалу.

Наушники сидят на голове хорошо, плотно. И на ощупь приятно. И цвет хороший. Подарок Люсе определенно нравится.

- Ты неровно одела. Дай, поправлю, - Гриша встает у нее за спиной, в зеркале отражаются они оба.

У нее такие волосы, что даже в пальцах покалывает. От желания потрогать их, погладить, запустить в них руки, проверить, такие ли они, как ему думается - гладкие, тяжелые. И - нет. Он не удержится, знает это. И, поправив меховой наушник, пальцы скользят по каштановому водопаду. Да, именно такие. Он даже глаза прикрывает от удовольствия, пропуская шелковые пряди между пальцев. Вдыхает запах. От ее волос пахнет чем-то свежим, будто цитрусовыми - лимоном или апельсином. Хочется зарыться в волосы лицом и вдыхать этот запах. А потом он все-таки открывает глаза. И встречается с ее взглядом, отраженным в зеркале. Они смотрят в зеркало оба, но каждый не в свои глаза.

Ему нравится, как они выглядят рядом. Ему нравятся, какие на ощупь ее волосы и как они пахнут. А еще ему смертельно хочется взять ее за плечи, повернуть к себе и... И ничего этого он не сделает. Потому что он взрослый мужик и это неправильно. Нечестно. И он не имеет права.

Люся как-то резко засобиравалась домой, а он не стал ее отговаривать. Потому что устал бороться с собой.

И снова Гриша провожает ее до такси, и снова краткий кивок на прощание, ежась в одной рубашке на зимнем ветру. Только вот она в машине тихо плачет.

Она ему нравится... Да если бы! Нравится, но как-то не так! Если уж он так и не... А ведь она готова была! На многое готова. "Если не на все", - услужливо подсказывает ей подсознание, злорадно припоминая то, во что упаковано ее тело под одеждой. К черту! Не наденет она больше это! Толстым коровам не положено.

- Так, я не понял, - Гоша проходит в квартиру. - По моим расчетам, ты к этому времени должен быть потрепанный, весь в засосах, но довольный аки кот, слизавший хозяйскую сметану. А вместо этого... Я что, зря старался?!

- Ты есть хочешь? - брат игнорирует вопрос.

- Не хочу! А теперь быстро объясни мне, что произошло! И какого черта ты такой мрачный?!

- А чему мне радоваться?

- Бл*дь! Я тебе оставил на несколько часов наедине с красивой женщиной, к которой ты совершенно очевидно неравнодушен! И которая, как совершенно также очевидно, равнодушна к тебе! Я что, ВСЕ должен за тебя делать?! Я думал, хоть тут-то ты самостоятельно справишься, большой уже мальчик, знаешь, что и как.

- Иди к черту, - даже проблеска эмоций нет в голосе.

- Нет, стой! - Георгий перехватывает брата за руку. - Сви́дерский, только не смей заливать мне, что она тебе не нравится! Неужели ты не видишь, какая она?! Какая Люся классная, офигительная, такая...

- Слушай, не трави душу! - эмоции все-таки прорываются.

- Тааак... Я требую продолжения банкета.

- Я... не смог, - Гриша устало опускается на диван.

- Ооо... Я не думал, что у тебя уже с этим... проблемы, - младший брат садится рядом. - Нет, я понимаю, возраст, нервы и все такое... Ну, ты так не переживай. Медицина не стоит на месте. Есть сейчас всякие препараты для этого.

- Для чего? - старший смотрит недоуменно.

- Для возвращения мужской силы. Старую добрую "Виагру" никто не отменял.

- Тьфу на тебя! Кто про что, а вшивый про баню! Я вообще... не это имел в виду!

- Да шучу я, понял, что не это, - Гошка улыбается и обнимает его за плечи. - Но не понял, что именно ты имел в виду. Ну? В чем проблема, Большой Брат? Поведай мне, как эксперту.

Грише хочется послать младшего подальше, но вместо этого отчего-то выдыхает сквозь зубы одно-единственное имя.

- О чем ты? - младший изумлен. - Лариса-то тут причем?

- А то ты не знаешь! - Гриша устал и раздражен.

- Знаю. Все знают. Но... брат мой... Неужели выбор для тебя не очевиден? Господи, Гришка! Ну как их можно сравнивать?! Ты что, слепой?!

- Не слепой. Но...

- Что - "но"? Говори Ларисе "адью" и срочно хватай Люсю! Гришка, я тебя не узнаю! Откуда эта нерешительность?

- Это не нерешительность.

- А что тогда?

- Это ж*па.

- Может быть, ты уже прекратишь изъясняться загадками, Григорий Сергеевич? И изволишь объяснить внятно?! - Гошка говорит уже на повышенных тонах.

- Я не могу сказать Ларисе, как ты выразился, "адью".

- Почему?! - и, ужаснувшись внезапной догадке: - Только не говори мне, что она беременна от тебя!

Гриша хватается за голову.

- Жорка, ты откуда эти идеи бредовые берешь? Я что, по-твоему, совсем полный тупица?!

Младший шумно и облегченно выдыхает.

- Да я уже и не знаю, что думать. Ну? Чем тебя Лариса тогда держит? И за что?

- Известно, за что, - Гриша повернул голову и мрачно посмотрел на брата. - За самое нежное и чувствительное место.

- Гриш, я не понимаю... - растерянно.

- Да все ты понимаешь, - Григорий раздраженно морщится. - Гош, она наш глав.бух. Она знает про нас все. Все, ты помнишь? И про все наши махинации с налогами, и про черный нал, и про... Про все. И если она нас решит сдать куда положено... То как бы шутка про судимость не перестала быть шуткой.

Георгий соображает быстро.

- Она тебе угрожает? Шантажирует?

- Ох... как будто ты не знаешь, как такие разговоры ведутся, - Гриша устало ерошит волосы. - Я попробовал... поговорить с ней. Ну, что пора бы нам уже... расстаться. Что я... Короче, не важно! Важно то, что я услышал. Что она меня отпускать не желает. И она готова на все, чтобы удержать меня. Абсолютно на все. Это если вкратце и опустив все детали и недомолвки.

Георгий молчит долго. И чем больше он молчит и думает, тем больше понимает в деталях то, о чем кратко и скупо рассказал брат.

- Слушай, Гриш... Это никуда не годится! - произносит он решительно. - Что мы - все время будем под ее дудку плясать?! Что, ты ее теперь должен будешь в койке ублажать, чтобы она нас в налоговую не сдала?

- Вот еще! И про койку она может забыть. Но и... Выкрутимся, конечно, со временем. Если не утонет это все к чертям! Но не могу я сейчас на скандал с ней идти, понимаешь? Одно дело - личное, а другое - бизнес.

- Я понимаю, Гриш. Но, послушай... - тон у Гоши неуверенный - Ведь Люся про Ларису не знает... Ну, будем потихоньку ситуацию разруливать... с Ларисой. Кто мешает тебе одновременно?..

- Дурак ты, Гошка, - Григорий качает головой. - Как же так можно? Не могу я так с Люсей. Когда я не совсем... вроде как... не совсем свободен. Я же... я же, если что, предложить ей ничего не смогу! Потому как эта с*чка Лариса сдаст нас с потрохами и подведет под монастырь! Понимаешь?! Не могу я так рисковать делом. И Люсей.

- Это ты дурак, Григорий Сергеевич, - невесело усмехается Гоша.

- Твоя порядочность тебя погубит.

- Не умею по-другому.

- За это и уважаю.

- Слава, это Лариса Юрьевна.

- Лариса, Юрьевна, мое почтение. Приятная неожиданность!

- Надеюсь, что так, Славочка, - кокетливо. - А скажи мне, Слава, ты "Сузуки" Алинин отдавал?

- Эээ... нууу...

- Слава, я знаю, что это ты!

- Хорошо, - вздыхает Слава. - Да, я.

- Кому?

- Лариса Юрьевна, пожалуйста, я не могу...
- Можешь. Слава, тебе кредит еще нужен?
- Девушке какой-то.
- Какой?!
- Да не знаю я! Такая... симпатичная... фигуристая.
- Зовут как? Кто такая?

- Лариса Юрьевна! - взвыл Слава. - Ну вы же понимаете... Это личная просьба Григория Сергеевича...

- Ладно, - тон ее вдруг становится жестким. - Ксерокопии доверенности я без тебя найду, какая машина, я знаю. Так что, Слава, если ты не хочешь мне помочь...

И Славик понимает, что права Лариса Юрьевна. И без него она найдет информацию А портить отношения с глав. бухшей ох как не хочется.

- Я вам сейчас вышлю данные на электронную почту, Лариса Юрьевна!

- Не надо на почту. Смс-кой сбрось.

Глава 9. Большой раскол.

Вот и настал момент истины. Георгий знал, что не напрасно он собирал информацию. Не зря он не выпускал Ларису из поля зрения. Не случайно вел себя с ней всегда как ничего не понимающий мальчик, баловень судьбы, усыплял бдительность. А теперь вот - пора. Время пришло.

Он принял решение рассказать обо всем Яне. Ну, не то, чтобы совсем уж обо всем. О главном. Яночка, умница, даже лишних вопросов задавать не стала: зачем да почему? Слишком многое понимает девочка. Но сейчас ему это только на руку. Главное, что играет Яна на его стороне. А когда есть такой все тонко понимающий союзник - как-то спокойнее. Потому что на Гришку в этом деле опоры нет. Более того, все это надо проворачивать без него. Старший тут все только испортит, как пить дать.

У Гоши было ощущение, что в руках собрался целый веер нитей. Толстых, тонких - разных. И надо точно знать, как и за какие дергать. И не пропустить, поймать тот неуловимый отклик, едва различимое натяжение в нужных нитях. А страха не было. Поздно, отбоялся уже. И какая-то абсолютно холодная решимость внутри. И отстраненность, ранее ему совершенно не свойственная. Гоша всегда был достаточно эмоционален и нетерпелив, даже в делах. Но сейчас был странно спокоен, будто не он это все задумал и собирался

исполнить. Наверное, потому что собирался сражаться не за себя. За брата. И ошибиться просто не имел права.

И поэтому настраивался на главный разговор долго. Вроде бы готово уже все, и все варианты просчитаны, и возможные пути отступления подготовлены, и страховочные тросы натянуты, а все же... Последний шаг оказалось сделать все-таки непросто. И лишь когда позвонила Люся, чтобы узнать о его здоровье... когда он слушал ее фальшиво бодрый голос... когда вспомнил, чем он сам обязан Лютику... и как сверх всякой меры мрачен в последние недели и без того не балующий сиянием оптимизма старший брат... Вот тогда он понял, что медлить уже нельзя. Взял на себя роль Купидона - так пора доставать последнюю стрелу и совершать контрольный выстрел на поражение. Не во влюбленных. А совсем в другую сторону.

Он зашел в кабинет Ларисы за час до окончания рабочего дня. Со сталью в сердце, безмятежной улыбкой на губах и огромным букетом желтых роз в руках.

- Гоша?

- Здравствуй, Лариса. Извини, не заходил к тебе сегодня на кофе - дела, дела, ты же понимаешь. Держи, - протянул ей букет.

- Спасибо, - Лариса растеряна. - А по какому поводу?

- На прощание.

- Ты уходишь?! - еще более ошеломленно.

- Нет, Лариса, это ты уходишь.

- Гоша?! - вставшая было главбухша опускается обратно в кресло.

- Ты что такое говоришь? Я не понимаю...

- Да ясное дело, что не понимаешь. Пока не понимаешь, - Георгий кладет так и не принятый Ларисой букет ей на стол. Туда же опускаются несколько скрепленных листов бумаги. - Но я тебе сейчас все объясню. Вот, ты почитай, ознакомься, пока я буду рассказывать, как мы поступим...

Сейчас она похожа на нечто острое и колючее как никогда. И дело даже не в тонком носе с нервно подрагивающими крыльями, не в жестких прядях залитых лаком волос, не в царапающих поверхность стола ярких ногтях. Самое режущее - взгляд, холодный, ненавидящий. Если бы он мог убивать, то Георгий был бы уже мокрым пятнышком у ножек стола главного бухгалтера.

- Как же я тебя проглядела, а?.. - Лариса недоверчиво качает головой, голос ее тих, шипяще тих. - Вот же гаденыш... мелкий гаденыш...

- Угу, - безмятежно соглашается Гоша. - Я такой.

- Подлеееец, - тянет Лариса, все так же неверяще качая головой. - Лживый подлец! Как же я тебя не разглядела... пропустила... недооценила...

- Да, Лариса Юрьевна, - он все так же спокоен. - Проглядела. Ну, я же такой маленький, незначительный...

- Подлец!

- Да, да, ты уже говорила, - он даже не позволяет себе усмехнуться. Не стоит ее злить излишне, как и недооценивать. - Целиком и полностью с тобой согласен. Собственная подлость даже меня самого удручает.

- Глумишься, да? Издеваешься? - она откидывается в кресле. - Думаешь, ты выиграл? Полагаешь, что переиграл меня? Что я не рискну?

- Нет, Лариса, не издеваюсь. Я предельно серьезен.

- И не боишься... - она на взводе, он это видит. Первый шок прошел, и теперь верх берут эмоции. И этим надо пользоваться. - Не боишься, что я плюну на твои угрозы? Мне ведь терять нечего.

- Это как посмотреть, - тут он ступает на зыбкую грань. Главное, сыграть. Сыграть грамотно и тонко. Чтобы она не почувствовала, что он блефует. - Рискнешь - дело твое. Но нам терять тоже уже нечего. И потонем тогда мы все трое. Даже четверо.

- Почему это четверо?!

- А ты про дочку свою прелестную не забывай...

- При чем тут Алина?!

Вот, он ее зацепил! Негоже играть на чувствах матери, даже если мать - ехидна, и ребенок ее тоже. Но выбора она ему не оставила. Поэтому он будет блефовать. Главное, чтобы об этом не догадалась Лариса.

- Она же у тебя такая чудесная девочка... умница... красавица... Жаль будет, если с ней приключится какая-то неприятность...

- Ты сейчас о чем?! - Лариса побледнела так, что пятна румян на острых скулах выделились совсем резко.

- Этот мир жесток, Лариса, - и тон его стал вдруг таким же - жестким. - Ты знаешь статистику по наркомании среди молодежи? А некоторых сажают на иглу насильно... А статистика по

изнасилованиям тебе известна? А ведь не все случаи раскрывают... Жаль будет, если с твоей замечательной Алиной случится что-то плохое. У меня сердце замирает, как подумаю...

Сначала она просто задыхается. А потом...

- Дрянь! Скотина! Ах ты.. Да ты! Ублюдок! - выплевывает.

Он лишь пожимает плечами, признавая очевидное.

- Нет! - Лариса слегка опомнилась. - Ты не сделаешь этого... Не посмеешь! Это же... это уголовщина!

- Лариса, Лариса... - он качает головой. - Ты взрослая, умная женщина. Ты должна понимать, что люди, добравшиеся до определенных вершин бизнеса и власти... что они далеко не белые пушистые зайчики с чистыми и мягкими лапками...

- Неужели ты пойдешь на это... - она смотрит на него так, будто видит первый раз в жизни. - Как ты сможешь жить после этого?!

- Лариса, я просто очень верю в твой здравый смысл. И что ты до этого дело доводить не станешь. И мы разойдемся... полюбовно.

- Креста на тебе нет!

- Нет, - соглашается Георгий. - Но, Лариса, уж кто бы говорил, - кивает на листы бумаги на столе. - Ты тоже отнюдь не безгрешна.

- Дааа, - задумчиво тянет она, наклонив голову и разглядывая своего собеседника. - Как же я тебя не разглядела, Георгий Александрович... Вот же змей ты подколодный...

- И не говори, Лариса Юрьевна, - со вздохом соглашается он. - Еще какой подколодный. Ладно, на эту тему можно бесконечно говорить. Вот, держи, - он протягивает руку, вытаскивает лист бумаги из принтера. - Пиши заявление об увольнении по собственному желанию. Сегодняшней датой. Я думаю, что смогу убедить генерального директора не подходить к вопросу формально и не заставлять тебя отрабатывать положенные по трудовому кодексу две недели. Поэтому завтра уже можешь на работу не приходить.

- Ах, ты мерзавец...

- Да-да, - соглашается Гоша. - А ты пиши, пиши, Лариса Юрьевна. Потом отдашь мне печать, ключи от сейфа, кабинета и офиса. Напишешь на другом листе бумаге, не на этом, - он подтолкнул к ней ближе чистый лист бумаге, на котором она так ничего и не написала пока, - пароли от всех банковских систем. Пароль на вход в компьютер и... в общем, все пароли. Отдашь казенную флешку... думаю, у тебя там есть что-то важное для нашей работы, да же?

После чего можешь взять букет и улыбнуться мне на прощание. А я постараюсь сдержаться и не разрыдаться.

- Гаденыш...

- Лариса, тебе еще не надоело? Я уже понял, как ты по мне будешь скучать, правда.

- Думаешь, со всех сторон подстраховался? - она покрутила в пальцах авторучку.

- Не знаю, - абсолютно честно. - Но твоих ошибок повторять не буду. Недооценивать противника - опасно. Очень опасно.

- Как же ты прав... Жаль, поздно я тебя раскусила...

- Не надо меня кусать. Давай, Лариса, не оттягивай неизбежное, - он кивнул на лист бумаги, лежащий перед ней.

- Аукнется тебе это, Гошенька... - она начинает писать, резко, нервно.

- А я готов.

Она собирается демонстративно медленно, он также демонстративно внимательно наблюдает за ее действиями. Она берется за ручку нижнего ящика стола.

- Можно? У меня там туфли запасные.

- Туфли? - переспрашивает Георгий. - А у тебя размер ноги какой?

- Тридцать девятый.

- Нет, мне маленькие будут. Забирай.

Лариса желчно усмехается.

И вот она уже в дверях.

- Обыскивать не будешь, Георгий? Вдруг я что-то ценное унесу?

- Не буду, - качает головой он. - Боюсь, а вдруг и правда укусишь?

- Правильно боишься. Да я была тебя... - она осекается.

- Букет не возьмешь?

- А возьму! На память.

Он проводил ее до самых дверей офиса. После вернулся в кабинет главного бухгалтера. Неужели у него получилось? Посмотрел на лежащее на столе заявление. Набрал номер начальника службы безопасности. Тот, хоть и не смог скрыть удивления, но инструкции внимательно выслушал и принял к исполнению. Впрочем, зная Антона Евгеньевича, Гоша точно был уверен, что тот перепроверит правомочность таких распоряжений относительно главного бухгалтера с приставкой "экс" у генерального директора. Значит, надо

идти, поговорить с Гришкой. А еще позвонить старшему системному администратору, пароли поменять. Но сначала...

- Дамы, приветствую.

Его появление в бухгалтерии было сродни явлению лиса в курятнике: засустились, закудахтали. Как и следовало ожидать - пятнадцать минут до окончания рабочего дня, а на экранах сплошь пасьянсы, на одном из столов разложены какие-то упаковки, то ли с трусами, то ли с колготками. Так, пора наводить порядок в этом болоте.

Он неспешно прошел к столу с тряпьем, взял упаковку.

- Девочки, а это хорошие колготки? Советуете?

Ответом ему служит гробовая тишина.

- Что, не очень? Ладно, тогда не буду брать. Кстати, у меня для вас новость, - в огромном кабинете по-прежнему мертвецки тихо. - У нас новый главный бухгалтер.

Лишь спустя минуту кто-то решается пискнуть:

- А кто это?

- Ваш покорный слуга, - разводит Георгий руками. - Но это временно. Я обещаю вам найти в качества начальника... мужчину посимпатичнее. Но до этого времени мы с Яной Аркадьевной подробно рассмотрим личное дело каждого сотрудника в бухгалтерии на предмет... лояльности. И переговорим лично с каждым. Так что - готовьтесь. Все, не смею больше отвлекать. Можете продолжать работать.

"Хотя последнее - вряд ли" - думает он, в полной тишине закрывая дверь бухгалтерии.

Он молча кладет лист с заявлением перед Гришкой и наблюдает за реакцией. И она не заставляет себя ждать.

- Это что такое?!

- Читать разучился? - невозмутимо.

- Гошка, ты совсем охренел?!

- Нет. Вот, смотри, - и он протягивает брату то, что до этого показывал Ларисе.

- Вот же... дрянь! Не ожидал... - старший, мягко говоря, ошеломлен, - Жорка, да как же это... слушай... Это что - правда?!

- Абсолютная. Дай распоряжение Оксане подготовить приказ о назначении меня временно исполняющим обязанности главного бухгалтера. Завтра в банк поедем, подпись мою удостоверим. У меня есть хорошая кандидатура на примете, но там человек сразу к нам не сможет выйти на работу. Так что пару-тройку недель надо будет как-то перекантоваться. Думаю, я справлюсь.

- Гошка... Ты авантюрист хренов!

- И это вместо "спасибо"...

- А... - старший встает из-за стола и начинает мерить широкими шагами кабинет. Резко оборачивается к младшему. - Ты уверен? Ты уверен, в том, что сделал правильно?!

- Я - уверен. Вопрос в том... Веришь ли ты мне? После всего...

Гриша возвращается на место. Внимательно смотрит в глаза брату, сидящему по другую сторону стола. А потом кивает уверенно.

- Верю. Прости, Гош. Просто это так... неожиданно. Черт... я... мы... что мы теперь делать будем?!

- Работать, - Гошка улыбается. Достает из кармана сигареты и не вопросительно - утвердительно говорит: - Закурю, с твоего позволения.

- Кури, - усмехается Гриша. - Заслужил. Но - только сегодня. - А потом, перестав улыбаться, уточняет: - И все-таки, Гош, я серьезно. С Ларисой ты... молодец, конечно... Но дальше-то что?

- А что - дальше? Будем делать все то же самое, что и раньше. Только без крысы на корабле. Через пару недель Илья Борисович на работу выйдет, проще станет.

- Илья Борисович - это кто?

- Илья Борисович - это наш новый главный бухгалтер. Я решил не рисковать, чтобы ты опять не потащил главбуха в койку.

- Эй, ты!

- Правда глаза колет? Хотя Илюха мужик симпатичный... сладенький....

- Я сейчас кину в тебя чем-нибудь тяжелым!

- Не кидай, - Гоша довольно смеется. - Лучше пепельницу мне подай. У тебя есть для гостей, я знаю.

Он ожидал звонка Ларисы. дождался ближе к девяти вечера. Это она еще долго держалась. Когда услышал ее голос, понял причину. Пьяная, что называется, в драбадан.

- Гриша! - мало того что пьяная, так еще и ревущая. А никто ему не обещал, что будет просто. - Ну как ты мог?!

- Лариса, ты успокойся, пожалуйста... - нет, ну а что он может еще сказать?

- Ты знаешь, что он мне угрожал?! Мне и Алиночке?! - снова пьяные всхлипы. Да, Гошка ему рассказал. Не то, чтобы Григорий был в восторге... Но в свете того, что произошло... и что это один из факторов, сдерживающих Ларису от ответных действий... Он будет лицемером, если скажет, что осуждает брата.

- Лариса, не переживай. Гошка блефовал. Ничего не случится с Алиной...

- Обещаешь?!

- Обещаю, - устало.

- Гришенька... - у него скулы сводит от этого пьяного голоса. - Как ты мог это допустить? Это же нечестно! Неправильно. Непорядочно, в конце концов!

"Кто бы говорил", - хочется ему ответить. Странно слышать слова о порядочности от человека, который, как выяснилось, регулярно его обкрадывал. Не то, чтобы по-крупному, но все-таки... Однако сейчас явно не стоит об этом говорить. Да и вообще - не стоит это того, чтобы ворошить. Лучше забыть, как страшный сон. Если ему дадут, конечно.

- Лариса... Я пытался с тобой договориться по-хорошему...

Она бубнит пьяно и неразборчиво что-то в трубку.

- Послушай, Лар... Ну, давай я тебе как-то... компенсирую. Хочешь, отступные тебе заплачу? Хорошие?

- Да не нужны мне твои деньги!

А так и не скажешь...

- А что нужно, Лариса?

- Ты, - всхлипывая.

Абсолютно бесполезный разговор. Тягостный и бесполезный.

- Ты же понимаешь... сердцу не прикажешь...

- Скотина!

И, наконец-то - благословенные короткие гудки.

Он кладет трубку рядом с собой, в комнату заходит Гошка.

- Лариса? - кивает на телефон.

- Угу.

- Гришка, не смей ей поддаваться, что бы она тебе ни говорила!

- Я что, похож на идиота?

- Иногда - да. Но это я так, на всякий случай, - брат садится рядом.
- Ладно, хорош о грустном. Поскольку свободу маневра я тебе обеспечил, Григорий Сергеевич, руки в ноги и марш Люсю соблазнять! Пока девочка совсем с ума не сошла от неизвестности. И так уже извелась вся...

- Она тебе звонила? - вскинулся Гриша.

- Звонила.

- Что говорила? Обо мне?..

- Спросила про твою шею, если тебе это интересно. Но голос у Лютика был грустный-грустный. Так что - вперед, ухаживать за Люсей. И чтобы все сделал как надо, не позорь меня!

- Ухаживать... - вдруг усмехается Григорий. - Знаешь... я ведь даже не знаю толком, как это делается. Как-то все само... раньше...

- Точнее - сами! - подначивает его брат. - Ты же у нас мужчина видный, ценный приз, за который сражаются...

- Перестань, - морщится Гриша.

- Ладно. Мой совет прост: старая добрая конфетно-букетная классика еще никого не подводила.

- Конфетно-букетная?

- Уверяю тебя - это сработает.

Ей так и не вернули "Ниву". А она... она сама не звонила Грише и не узнавала. Может быть, это было не совсем порядочно с ее стороны - так бесцеремонно пользоваться не принадлежащей ей машиной, но... В конце концов, это была не ее идея. Он был инициатором, так вот пусть и обратно машины сам меняет. А если уж совсем честно, то просто страшно его было видеть, слышать... После того странного вечера у них дома.

У него была масса возможностей... сделать хоть что-то! Хоть как-то дать ей понять... А ей это было так нужно! Но он не сделал ничего. И так уж была устроена Люся, что в данной ситуации причину этого она могла искать только в одном месте. В себе. Недостаточно она хороша для Григория Сергеевича Свидерского. Размечталась, дурочка.

Глава 10. Большая встреча.

Она стоит у окна массажного кабинета. Во "Фламинго" на сегодня прием окончен. Надо пойти, попить чаю, съесть что-нибудь и ехать. Но аппетита нет совершенно, хотя это неправильно, она знает. Потом возможности поесть не будет до самого вечера. Но просто кусок в

горло не лезет. И она стоит и смотрит в окно. Конец февраля уже, а солнце сегодня совсем почти весеннее, яркое. Снег сверкает, серебрится в его лучах, но пока не тает. Красиво.

За спиной стучает дверь.

- Людмила Михайловна, я к вам!

Люся оборачивается. В дверях стоит молодая незнакомая ей женщина, за ее спиной - Наталья Петровна, их гардеробщица.

- Людмила Михайловна, я пыталась ей объяснить! Что вы уже закончили на сегодня. А она и слушать ничего не хочет, такая наглая!

- Все хорошо, Наталья Петровна, - Люда примиряющее улыбается. - Сейчас разберемся.

Дверь закрывается.

- Слушаю вас.

- Людмила Михайловна... Голубушка... Христом-Богом прошу...

Неожиданное начало разговора. Люся смотрит на свою собеседницу. Как раз такая, какой Люсе всегда хотелось быть. Стройная, изящная. Черные волосы стянуты в хвост, хороший макияж. Только вот глаза - темные, измученные. И голос...

- Простите, мы знакомы?

- Нет, - та вдруг всхлипывает. - Но я вам вчера звонила...

- А, так это были вы, - вспоминает Люся.

- Да, я, - собеседница невесело улыбается. - А вы мне отказали...

- Да почему отказала, - устало вздыхает Людмила. - Не отказала. Просто я же вам объясняла, что у меня сейчас все занято. Через полтора месяца - пожалуйста, милости прошу.

- А мне сейчас надо!

И не успевает Люся ничего сказать, как женщина опускается на стул и начинает... плакать.

Сколько слез она видела в этом кабинете, сколько чужого горя? Ее личная Голгофа. Она садится рядом.

- Что у вас случилось? - как можно мягче.

- ДЦП у нас, - собеседница размазывает тушь по щекам. - Месяц ребеночку.

- Сочувствую. Но есть же другие специалисты, хорошие...

- Мы трех перепробовали! Это какой-то кошмар! А мне подруга про вас рассказала! Что вы... что вы настоящая волшебница!

- О чем вы говорите... - даже никакого чувства не вызывают эти слова. Потому что это неправда. - Не бывает волшебников. Я просто массажист, квалифицированный массажист. Чудес не умею делать.

- Нет! - горячо, убежденно. - Я знаю! Пожалуйста, Людмила Михайловна... Умоляю... Любые деньги, все, что скажете...

- Я же вам объясняла... Ну, поймите... куда я вас поставлю... у меня весь день занят...

- Умоляю... - женщина всхлипывает, - все, что угодно! Хотите, на колени встану?!

- Да ну что вы...

Остановить ее Люся не успевает, и та вдруг действительно падает на колени.

- Господи, да вы с ума сошли! Ну-ка, вставайте немедленно!

- Людмила Михайловна, как мать прошу... умоляю...

- Да вставайте же! - Люся сама подскочила, тянет собеседницу за плечи. Нет, вот видела же она такое: если вбил себе в голову что-то человек в состоянии стресса, то не переубедишь его! - Вы где живете?

Та, с вмиг вспыхнувшей надеждой называет адрес. Что ж, для одних она уже совсем недавно исключение сделала... А ведь этой женщине надо, очень надо, может быть даже, не столько ребенку, сколько самой матери, для душевного успокоения. И отказывать Людмила за все годы так толком и не научилась. Да и потом, ведь деньги всегда нужны, а время... ну и что, что поздно? Будто ей есть куда его девать, это самое время. Все что у нее есть - это работа. И люди, много людей...

- Хорошо, - кивает. - Полдевятого или без пятнадцати девять буду у вас сегодня.

- Людмила Михайловна, дай Бог вам здоровья! Муж вас обратно отвезет, хотите? Поздно ведь уже будет!

- Благодарю вас, не стоит. Я на машине.

Еще одна неожиданная встреча, но теперь уже на улице, как только вышла из "Фламинго". Но это встреча со старыми знакомыми.

- Никитка! Ты ли это?!

- З-з-здра-ав-встуйте, Л-л-людмила М-михайловна!

- Ой, вырос как... Не узнать! Вас обнять-то можно, молодой человек?

- М-м-можно!

И она обнимает его. Никита Крутов, один из ее первых пациентов во "Фламинго". До сих пор помнит и его, и мать. Тяжелая родовая травма вследствие наложения акушерских щипцов. Голова у Никиты так и осталась неправильной формы. Нарушения речи, слуха,

крупной моторики. И мать его, Анна Васильевна, одна сына поднимала. Не бросила, тащила, не давала покоя ни врачам, ни массажистам. На себя рукой махнула, а за ребенка билась. И Люся помогала им как могла.

- Какими судьбами, Анна Васильевна? - она отпускает Никиту. Вымахал выше ее ростом, а ведь помнит его еще десятилетним.

- Да вот, попрощаться зашли...

- Что такое?

- Так восемнадцать нам уже, на той неделе исполнилось. Уходим мы из детской лечебной сети во взрослую. Вот, зашли повидаться, попрощаться. Теперь мы уже к вам на массаж не попадем.

- Ох, - вздыхает Люся, - как время-то летит...

- И не говорите, - кивает согласно Анна Васильевна, увядшая раньше времени сорокалетняя женщина, не утратившая, однако, жизненной стойкости. Вот уж чего-чего, а стойкости ей было не занимать, слава Богу! - Но к вам не могли не зайти. Сказать вам спасибо за все, что вы делали. Светлый вы человек, Людмила Михайловна. Побольше бы таких...

В глазах вдруг начинает щипать. Люся, ну, соберись же! Не позорься перед пациентами!

- З-з-золотой ч-челов-в-век в-вы, - вдруг негромко произносит Никита. Говорить ему непросто, у него серьезное заикание, но он упорно продолжает. - Я в-в-вас в-в-всю ж-жизнь п-п-помнить б-буду. П-п-прав-вда.

И тут она начинает плакать. По-настоящему.

- Вот что ты делаешь, ирод такой, - из глубин подсознания всплывает любимое бабушкино ругательство. - Довел взрослую женщину до слез...

- Н-н-не п-п-плачьте, Л-л-людмила М-михайлов-в-вна, - он как-то совсем по-взрослому снова обнимает ее, гладит по волосам. - В-в-вы х-хорошая, н-н-не надо п-п-плакать. А я в-вам п-п-подарок п-п-приготовил, х-хотите?

- Хочу, - шмыгает она носом, вытирая слезы. - Показывай.

- В-в-вот.

Отпускает ее, достает из сумки отпечатанные листы, согнутые пополам и скрепленные посередине степлером. Такая самодельная книжица.

- Что это?

- Эт-то я к-книжку н-н-написал. Я п-п-писателем б-буду. П-п-почитаете?

- Обязательно, - она снова начинает плакать, улыбается сквозь слезы. - Обязательно почитаю, Никитушка. Ты автограф-то мне оставил, на память?

- Д-да! - он улыбается широко, переворачивает книжку, там сзади тщательно выписанный витиеватый вензель.

- Спасибо! - а потом она сама его крепко обнимает. Совсем расклеилась Люся. - Спасибо, мой хороший. Я уверена, что у тебя все получится.

- Так, - за спиной вдруг раздается совершенно неожиданный голос. - Кто мне объяснит, что здесь происходит?

Конфеты он по зрелому размышлению исключил. Мало ли: еще подумает, что он опять на что-то намекает, кто этих женщин поймет? А букет купил, шикарный букет из ярко-алых роз. Приехал в Центр, где работает Лютик. А там...

Какие-то люди рядом с ней, женщина и молодой парень. А она плачет. И весь мир меркнет, потому что она - плачет. И все затмевает желание закрыть ее, защитить. Знать бы еще, от чего?

- Гриша? - растерянно, судорожно пытаюсь вытереть слезы.

- Что здесь происходит? - он повторяет вопрос, голос звучит неосознанно резко.

Анна Васильевна с любопытством разглядывает присоединившегося к ним - представительного мужчину в дорогом пальто с огромным букетом красных роз. А реагирует первым вдруг Никита.

- В-в-вы к-кто т-т-такой?! - так же синхронно резко, даже грозно. И это почему-то не выглядит смешно из уст молодого парня в адрес взрослого мужчины. Да и Гриша смотрит растерянно.

- Это мой знакомый, Григорий Сергеевич, - Люся справилась с первым изумлением. - А это - мои... тоже знакомые... хорошие. Никита... Анна Васильевна...

Григорий кивает женщине, а протянутую Никите руку парень после небольшого раздумья все-таки пожимает.

- Григорий Сергеевич, ты тут... как? - Люся все равно страшно растеряна.

- Поговорить приехал.

- Пойдем мы, Людмила Михайловна, - спохватывается Анна Васильевна. - Спасибо вам еще раз, за все! Никита, пора нам, идем.

Но парень отчего-то медлит, смотрит исподлобья на мужчину рядом. А потом, вдруг:

- В-в-вы Л-л-людмилу М-михайловну не об-бижайте! С-с-слышите?! З-з-за н-н-нее есть к-кому в-в-вступ-питься! Н-н-не д-думайте д-даже!

Григорий молчит и так же пристально смотрит на молодого человека. А потом кивает.

- Понял. Не буду обижать. Обещаю.

- С-с-слово м-м-мужика?

- Слово.

Демонстративно обняв на прощание Люсю, Никита, припадая на ногу, медленно уходит под руку с матерью, а она остается в компании Гриши - с подаренной самодельной книжкой, в растрепанных чувствах и вся зареванная. Чудесное зрелище, должно быть. Хотя... Грише не привыкать видеть ее такой. Надо бы сказать что-то, что ли, объяснить...

- Я Никиту с десяти лет знаю, - она вздыхает, вытирает остатки слез. - Вдвоем с Анной Васильевной на ноги его ставили. Один из первых моих... тяжелых... А тут они попрощаться зашли... А Никитка мне книжку подарил, представляешь? Сам написал... Говорит: писателем буду. Ну, я и... - махнула рукой, чувствуя, как снова подступают слезы. - Вот такая вот я сентиментальная идиотка!

Порывисто прижал ее к себе, не выпуская из рук совершенно ненужный букет цветов. И, шепотом, в висок ей:

- Никакая ты не идиотка. Ты удивительная. Такая... такая...

У этой сцены есть наблюдатель. Недоброжелательный наблюдатель.

Вот, значит, на кого ты меня променял, Григорий Сергеевич... Такие тебе нравятся, да? А она-то, дура, вечно на диетах сидела, в форме себя держала, чтобы не расплыться. А он вон на какую повелся... Хотя, даже сквозь накотившую злость Лариса понимает - хороша чисто по-женски эта Людмила. И моложе ее, а это со счетов не сбросишь...

Молодая, в теле... и с детьми работает. Что, на ребяташек потянуло, да, Григорий? Эх, надо было рисковать, как подруга советовала, и рожать ему! Никуда бы не делся, женился бы, как

миленький. Но она боялась, да и Алина истерику закатила, как только мать заикнулась о возможном братике или сестренке. А теперь что уж... Ушел он. Но она ему отомстит! Не по бизнесу, так по личному ударит! Брошенная женщина опасна.

- Ну, хоть какое-то время мне назначь!

- Гриш... - она растеряна и совершенно ошеломлена. Даже не пытается собрать разбежавшиеся мысли и растревоженные чувства в какое-то подобие порядка. - У меня сеанс поздний... Только в полдесятого освобожусь, самое раннее...

- Люся, ты себя горишь!

Она смущенно улыбается и пожимает плечами.

- А суббота?

- И суббота. Единственное, что освобожусь, наверное, пораньше.

- Во сколько?

- В четыре.

- В полпятого я тебя забираю из дома. Вещи заранее собери - за город поедem.

У нее формируется стойкая привычка не спорить с Григорием Сергеевичем. Непонятно с чего, но вот так.

- Куда поедem, скажешь?

- Дом свой покажу.

- Ого... - она не знает, что сказать. - Здорово. - А потом, со вздохом: - Гриша, мне ехать надо, люди ждут...

- Хорошо, - кивает он так же со вздохом.

- А, подожди! Вспомнила. Ты когда машину заберешь?

Он изо всех сил пытается не улыбнуться.

- Езди пока. Леонид там твою Маню на винтики разобрал.

- Ой!

- Да не переживай, соберет. Просто время нужно. Тебе же удобно?

- Очень! - отвечает Люся с чувством, не удержавшись.

- Значит, и говорить не о чем. Ну, все, тогда до субботы. Не забудь! Впрочем, я тебе еще позвоню, проконтролирую.

- Хорошо, - она улыбается. - До субботы.

А целовать он ее сейчас не будет. Не ко времени. Потерпит, взрослый же мужик, в конце концов.

- Надеюсь, в этот раз ты не облажаешься?

- Вон подите, Георгий Александрович.

- Ой-ой... Как ты с Николаем договорился?
- Легко. Они с женой в это время года всегда на Кипре.
- А Люся знает... что это уже не твой дом?
- Нет, по-моему. Но я ей скажу, обязательно.
- Думаю, она правильно поймет, - а потом резко меняет тему: -
Так, Люсю мне обижать не смей! Чтобы все сделал как надо! Я у нее спрошу, как все прошло!

Григорий хохочет. И, отсмеявшись:

- Слушай, отстань уже от нас, а?

- Да если бы не я!

И тут Гриша перестает даже улыбаться.

- Наверное, так. Спасибо.

- Помни мою доброту! Совет хочешь?

- Иди к черту со своими советами, - а потом, непоследовательно: -
И?

- Если вдруг у тебя возникнут проблемы... хм... с уговариванием Люси...

- Ну-ну, - усмехается старший.

- Не нукай! Люся - девушка красивая, эффектная! А ты у меня уже не первой свежести... хм... товар... попользованный....

- Слушай, ты!

Теперь уже смеется младший.

- Ой, как нас задело! Ладно, не злись. Просто из личных наблюдений... Есть у Лютика одно слабое место.

- Какое?

- Сердце, Гришка. Если что - дави на жалость.

- На жалость? За что меня жалеть? Я что - убогий? Или инвалид? - недоуменно.

- Откуда я знаю - за что? Импровизируй!

- Людмила, как это - дома ночевать не будешь?

Вот, сейчас точно ей не поздоровится...

- Я же за город уезжаю, не успею вернуться. Приеду в воскресенье днем.

- С кем это ты уезжаешь?!

Она молчит, думая как бы лучше сказать. А бабуля бьет на опережение.

- С Георгием?!

- Нет.

- Как - нет?! Люська, это что такое?! Один ее обхаживает, а она с другим куда-то собралась! Разве мы тебя так с матерью воспитывали?!

Людмила вздыхает. Хуже уже просто не будет.

- Гошин брат меня пригласил. Григорием зовут.

Как ни странно, но ответом ей служит молчание. Мать и бабушка переглядываются, словно обмениваясь одними им известными знаками.

- Ага... Брат, значит... - бабуля хмурится. - Женат?

- Нет, - главное, глаза не закатывать и не улыбаться.

- Намерения какие?

Знала бы она сама - какие? И тут неожиданно на помощь приходит мать.

- Мам, ну что ты к Люсе пристала? Пусть съездит за город, отдохнет, воздухом свежим подышит. Работает ведь почти без выходных...

Бабушка смотрит на нее, поджав губы. А потом милостиво кивает. Да неужели?!

- Приедешь на место - позвони!

Люся кивает. Хорошо, что каждый час звонить и отчитываться не требуют.

Он ждет ее возле машины.

- Этот, что ли? - бабушка и мать стоят у окна.

- Этот, - Люся обувается в прихожей.

- Ну, хоть на мужика похож... И машина большая. Точно, не женат? Годов-то ему немало, кажется...

- Все, я ушла. Пока! - Люся трусливо игнорирует последние слова, хлопая дверью.

- Привет, Гриш, - слегка запыхавшись, потому что бегом и с сумкой.

- Привет, - он улыбается, забирая у нее сумку. А потом делает легкое, едва уловимое движение к ней, но она качает головой.

- Улыбаемся и машем, - в ответ на его недоуменный взгляд.

- Куда машем?

- В окно, - кивает головой.

Он понимает быстро, оборачивается.

- Твои? - указывая поворотом головы в сторону окна на третьем этаже, где замерли две наблюдающие фигуры.

- Мои, - со вздохом.

- И что мне нужно сделать? Реверанс? Воздушный поцелуй?

- Можешь просто улыбнуться и помахать рукой.

- А по мне из гранатомета не пальнут? - исполняя требуемое.

- Если только предупредительно, - смеется Люся.

- Из гранатомета предупредительно не стреляют. Так что садись-ка и поедem.

Они ехали почти час, но время пролетело незаметно. Гриша был непривычно весел и разговорчив, и по дороге Люся узнала многое. И о том, что дом, куда они едут, уже не принадлежит Григорию, но когда-то был его. И о том, как и при каких обстоятельствах он его покупал. А потом, спустя какое-то время, продавал. Чувствовалось, что с этой темой у него связано много воспоминаний: хороших и грустных. Разных.

Место показалось Люсе каким-то волшебным. Вокруг тихо, укрыто белым нетронутым снегом. Дорога почищена трактором, но за забором - нешуточные сугробы. Григорий объяснял, что в доме уже порядка двух месяцев никто не жил.

- Люся, ты посиди в машине, я сейчас место для машины расчищу.

- Да надоело уже сидеть, - она открывает дверцу. - А на улице красота такая...

А на улице действительно красота. Она наблюдает за тем, как Гриша, в одном свитере и джинсах, сняв куртку, разгребает снег лопатой. Не очень сложное занятие, но ведь это тоже надо уметь. И сил должно хватать. А у него это выходит так... красиво, что невозможно не любоваться.

В машину она больше не садится, просто проходит следом за въехавшей за забор "Тундрой".

Дом внутри производит впечатление. Но Григорий не дает ей рассмотреть, тянет на улицу.

- Пойдем, пруд тебе покажу, пока еще светло!

Идти приходится по колено в снегу, Гриша идет первым, утапывая снег, иногда оборачиваясь и подавая ей руку. До пруда недалеко, а прямо за ним начинается уже лес - белый и совсем сказочный.

- Здесь пара выдр живет... или жила... теперь не знаю... Они забавные.

Голос его звучит задумчиво, даже грустно. Наверное, непросто ему возвращаться в то место, которое ему когда-то принадлежало. А теперь - нет. Зачем, интересно, они приехали именно сюда?

- Так и жил здесь один? - она пытается перевести разговор, отвлечь его от невеселых воспоминаний. - Не страшно? А вдруг не только выдры тут водились? Серый волк из лесу не выходил?

- Волк не приходил, - усмехается он. - А жил - да, один. Не страшно как-то.

- И не скучно? - она задает вопрос без задней мысли, но, прозвучав вслух, он кажется ей двусмысленным.

- Ну... не то, чтобы все время один, - он неожиданно серьезен и смотрит ей прямо в глаза. - Наезжали ко мне иногда.

- Да? - а ведь разговор явно с подтекстом, но остановиться она не может. - И где сейчас эти... наездницы?

- Сошли с дистанции.

- Что так?

- Но, если быть совсем точным... наездницу Георгий Александрович снял с соревнований. За нечестную игру.

- Гоша?!

- Угу. Слушай, Люсь, это длинная и непростая история. Я потом тебе как-нибудь расскажу, ладно? Просто, я сказать хотел... что на данный момент я один. В смысле...

Он замолкает. Неслучайно сказаны эти слова, совершенно неслучайно. Как реагировать, Людмила не знает, поэтому просто кивает. И снова меняет тему разговора.

- Ты... тебе хорошо здесь жилось?

- Наверное, - он пожимает плечами, глядя куда-то поверх пруда, в сторону леса. - Да какое "наверное", хорошо мне тут было, врать не буду.

- Жалеешь... о том, что теперь... все иначе?

- Отчасти. Хотя, - он переводит взгляд на нее, - знаешь, говорят, что настоящий мужчина должен сделать три вещи: построить дом, посадить дерево и воспитать сына. Деревьев я тут посадил несколько, вон кедр маленький, видишь? Это я сажал два года назад. А вот дом... Я его готовый купил, не строил. Так что... Наверное, все в жизни надо делать правильно. Может быть, успею еще... И дом построить. И

остальное... - он замолкает, а потом спохватывается: - Люся, у тебя уже нос красный. Замерзла? Пошли в дом!

Гриша привез с собой продукты и даже имел намерение приготовить ужин. Но когда Люся достала из сумки то, что ей насильно впихнули с собой: пакет, полный свежих пирогов и ватрушек, про все свои планы Григорий забыл. В итоге ужинал Гриша чаем с пирогами, а Люда, у которой что-то совсем неважно было в последнее время с аппетитом - нарезанным сыром трех сортов и фруктами. Очень даже вкусно. А потом они в компании бутылки красного вина перебрались на диван перед камином. Живой огонь завораживает, вино терпко тает на языке, и рядом звучит его голос... Он рассказывает о каких-то простых бытовых вещах: о том, как поначалу дымил вот этот самый камин, и пришлось разбирать часть крыши и перекладывать дымоход. Или о том, что именно из предметов интерьера покупал еще он, а что уже дело рук жены нового хозяина дома. Но постепенно голос его становится все тише, а паузы в разговоре - все ощутимей. А потом он и вовсе замолкает.

На ее лице пляшут отсветы от камина. Светлые язычки выхватывают то упавшую на лоб прядь волос, то часть зарумянившейся щеки, то, вдруг - губы. А все остальное тонет в тени. Он ставит свой бокал на пол, забирает ее бокал и отправляет его туда же. И придвигается совсем близко.

Надо быть терпеливым и внимательным. Надо дать ей время. Нельзя торопиться. Все его благие намерения идут прахом, как только он касается ее губ, нежных, мягких. И он делает так, как всегда, как привык - жадно и напористо. И приходит в себя лишь когда его руки уже под ее джемпером, уже глядят изгиб спины, и он собирается поднять свои руки вверх и вперед, чтобы потрогать, наконец, то, о чем он, разумеется, до этого момента не раз думал. А ее ладошки упираются ему в плечи и так просящее, жалобно:

- Гриша... Гришенька... пожалуйста... не надо...

Не то, что стоп-сигнал перед глазами зажегся - даже сирена в ушах завывала. Отстранился резко. Идиот! Он ее все-таки напугал. Своим напором, тем, что слишком поторопился. Ведь понимал же, что нельзя так, но вот привык и по-другому никогда не делал, и...

А вот теперь она сидит в противоположном углу дивана, буквально вжимаясь в спинку. А он... Он все испортил, похоже. Как исправлять, понятия не имеет, что делать, ясно только в теории, а на

практике подлая натура берет верх и прет напролом. Неужели все-таки обидел? Знать бы - чем именно? И что теперь говорить? А начинает говорить вдруг она.

- Гриша, ты извини меня, но... Ты только пойми меня правильно...

Было ясно, к чему все идет, с самого начала. Она ведь не девочка, тридцать лет, взрослая женщина. Не выдрами они сюда любоваться приехали, в самом же деле! И не то, чтобы она была против. Но вот как оказалось...

Он ее жарко и жадно целует. А в голове бьется вопрос: почему сейчас - да, а тогда - нет? Что изменилось? Сама Люся не изменилась. Она бы многое отдала, чтобы знать, что происходит у него в голове. И почему он передумал? А вдруг... ну, а вдруг... вот сейчас он начнет... начнет знакомиться с ее телом более... плотно... и... А вдруг ему не понравится? И он снова... передумает? А второй раз она уже не выдержит такого! Трусливый страх в душе берет верх над доводами рассудка, и она пытается остановить его. Иначе может быть слишком больно. Ей.

Никогда он не бывал в такой ситуации. Будто не тридцать пять лет ему, а восемнадцать. Ни одной внятной мысли: что делать, как исправлять. Да, похоже, никак и не исправишь. Поторопился, так включай задний ход, пока не сделал еще хуже. Первый раз с ним такое, что приходится отступаться. Но - надо. Иначе нельзя.

- Люся... - он вздыхает. - Извини. Извини. Наверное, я чересчур... Я не хочу давить на тебя, и если ты не хочешь, то я...

Не мастак он объяснять, особенно то, что и сам не очень хорошо понимает. У Люси двигаются губы, будто она что-то хочет сказать, но так и не произносит ничего, лишь кивает неуверенно.

И в голове вдруг всплывают слова брата. Дави на жалость, импровизируй... Звучит как бред, но, может быть, попробовать стоит? Хотя... импровизация - не его стиль. Но он рискнет. Встает с дивана, засовывает руки в карманы от греха подальше.

- Люсь, ты, правда... не сердись на меня... Я совсем не умею... делать правильно, красиво. Не принц, словом. Вечно все у меня через... одно место.

- Да ты-то тут причем! Гриша, ты все не так понял! - она еще и спорить с ним пытается! Нет уж, это его импровизация на заданную тему.

- Лютик, да как тут не понять, - он делает пару шагов в сторону от камина, потому что припекает. - Все очевидно. Ты - девушка молодая, интересная, у тебя есть... гхм... определенные ожидания... требования... к мужчинам. Имеешь право, при твоих-то данных...

Она пытается что-то возразить, но он поднимает руку, призывая ее к молчанию.

- Люся, не спорь, я лучше знаю! Я тебя старше! Да, - вздыхает он, - старше. На пять лет, а это немало. И внешне... на принца мало похож. Я понимаю... я человек простой, без образования... И не напоминай про мой диплом, - в ответ на ее попытку что-то сказать. - Я это за образование не считаю, бумажка просто! Характер у меня далеко не сахар, трудно со мной. Да и в материальном плане - непонятно. Того и гляди... без пяти минут голодранец. Так что... - он поводит плечами, - ты в своем праве, Люсь. Зачем тебе такой, действительно? Извини. Извини, что так вышло. Я... я не хотел тебя обидеть.

Честно говоря, он сам себе не верил, когда это все говорил. Но, может быть, Люся поверит? Хотя, судя по раздавшемуся звонкому смеху - не поверила.

- Ой... - она наконец-то перестала смеяться. - Домашняя заготовка, да, Григорий Сергеевич? Хорошая попытка. Гриш, ты сам-то себя слышишь? Бедненький, несчастненький, никому не нужный... На комплименты напрашиваешься?

- Не напрашиваюсь, - буркнул. А потом, не удержавшись, усмехнулся. - И не такой уж я подарок, это правда.

- Может, ты не подарок, так и я не именинница, - отвечает Люся расхожей фразой.

Смех смехом, а романтический вечер с треском провалился. Ну, а что он хотел? За один раз добиться такой женщины? Ладно, надо капитулировать с достоинством.

- Люсь, на втором этаже спать не предлагаю, там так и не прогрелось толком, прохладно, - и это правда. Только он сам изначально полагал, что им вдвоем это помехой не будет, авось не замерзнут. - А здесь диван удобный, у камина тепло. Я постельное белье тебе принесу, подожди, хорошо? Сейчас, пару минут и я вернусь.

Он уходит. А она остается сидеть на диване с каким-то странным ощущением. Он поступил так, как она хотела, но откуда это чувство неудовлетворенности?

- Люся, - окликает он ее от лестницы. - Вот, - на перила шлепает стопка белья. - Спокойной ночи. Если вдруг что понадобится, зови - я буду на втором этаже.

И, прежде чем она успевает что-то сказать, разворачивается и уходит вверх по лестнице.

Люся рассеянно смотрит на огонь в камине, даже не думая идти за оставленным ей постельным бельем. Совершенный сумбур в голове. Она сказала "Нет", и он остановился, хотя был так настойчив. Значит, что? Уважает, наверное. Ему важно, чтобы ей было комфортно. Только ей-то самой почему так некомфортно?! Григорий поступил, как взрослый, разумный мужчина. А она?! Ведет себя, как истеричная малолетка, честное слово! Комплексы у нее, видите ли... Не поздновато ли вы о них вспомнили, Людмила Михайловна? Раньше надо было думать, когда соглашалась сюда ехать.

В спальне второго этажа на окнах полупрозрачный тюль. Но все равно в комнате угадывается лишь большая кровать, все остальное теряется в темноте.

- Гриша?

- Да, - откликается он, невидимый, со стороны кровати. - Что-то случилось, Лютик?

- Гриш, я сказать хотела... - она подходит к постели, садится на краешек. - Ты не прав.

- В чем?

- Не в тебе дело.

- А в ком?

Она вздыхает. Ну, не признаваться же ему в своих комплексах, глупых мыслях и сомнениях? Протягивает руку и находит его ладонь на прохладной простыне.

- Уж не в тебе точно. Ты... замечательный. Такой... - ей не хватает слов, а он вдруг придвигается снова. Отводит волосы от ее лица, легко касается щеки.

- Люся, если я такой замечательный - почему?

Она просто не знает что, сказать. Наверное, тут просто не надо уже говорить. Делать надо. И она сама придвигается к нему, едва угадываемому, и кладет голову на плечо. И понимает, что только кожа под ее щекой, и он как минимум по пояс - голый. И это почему-то не пугает. Его ладонь ложится ей на поясницу, поглаживает тихонько. А в ее голову вдруг врываются воспоминания: как она ему делала

массаж, и он был вот такой же, по пояс обнаженный, а она представляла разное, фантазировала. Или о том, как она вот так же сидела на лестничной площадке, положив голову ему на плечо, и тогда, в тот момент, не было никого ближе его, роднее, на целом свете. Так какого черта она морочит себе голову сейчас? Не об этом ли она мечтала?

- Люсь, - его пальцы замирают на ее пояснице. - Если ты сейчас, сию же секунду не исчезнешь отсюда... - глубокий вздох, плечо двигается под ее щекой, - я начну к тебе приставать.

- Что уж теперь, - ответным вздохом, прижимаясь плотнее щекой к теплой коже, - приставай.

Еще одно подъем-опадание широких плеч.

- Не проси меня потом остановиться. Не смогу.

- Не попрошу.

Она поднимает лицо и их губы наконец-то снова встречаются. Чтобы не размыкаться долго.

Глава 11. Большие последствия.

У Люси так и не получилось остаться один на один со своими мыслями. В город они вернулась уже под вечер воскресенья. А дома надо было непременно сделать невозмутимое лицо и выдержать допрос с пристрастием. А когда, уже вечером, она все-таки осталась наедине сама с собой, то просто "выключилась", будто не отдыхала за городом, а трудилась там не покладая рук. Это все нервное, не иначе.

А на следующий день - привычный ранний подъем, дети, их родители, работа. Голова и руки постоянно заняты. А телефон не звонит. Он не звонит.

Именно поэтому, после окончания приема во "Фламинго", когда у нее есть минут сорок на то, чтобы перекусить, отдохнуть немного перед другой работой, она снова стоит у окна кабинета и смотрит за стекло. Сегодня на улице метет. Как началось в ночь с субботы на воскресенье, так и продолжает выюжить и кружить. Именно под свист выюги у них все и случилось.

Несмотря на полный сумбур в голове, который еще предстоит проанализировать, разложить по полочкам и навесить бирки, одно Людмила знает точно: она не пожалеет о том, что произошло. Неважно, как сложится у них дальше, что он сделает или не сделает, скажет или не скажет... Она не будет сожалеть о том, что позволила этому случиться. Это навсегда останется с ней.

Она была с мужчиной. Нет, даже не так. С Мужчиной. Не с таким, как их описывают в глянцевых журналах и дамских романах. А с настоящим, реальным мужчиной, который был таким до самых мельчайших нюансов. Мужчина во всем. В своей немного грубоватой торопливости. В своей тяжести и твердости. В молчаливости, полной лишь хриплого шумного дыхания. И даже в том, что все случилось быстро. А совсем не так, как пишут в любовных романах.

А она не жалела. Наверное, она наивная. Или латентная мазохистка, лишенная чувства собственного достоинства. Но ей безумно льстила эта его торопливость и несдержанность. Значит, хочет именно ее. Значит, именно она ему нужна так, что... Да и не ждала сама Люся многого от секса, так уж ее жизнь сложилась. Неудачный опыт, куча комплексов, длительный целибат... А вот что было важно - это как он обнял ее после, прижал к себе. И негромкое: "Извини меня, Лютик". И еще, чуть позже: "Маленькая, я, кажется, отрубаясь. Прости. Но я утром исправлюсь, обещаю". А потом он и в самом деле заснул. Но даже это не было обидным. Потому что стоило ей пошевелиться, как его руки вокруг нее сжимались. Даже во сне он не отпускал ее. И вот это было по-настоящему важным.

А утром... Утром он действительно исправился.

Понедельник - день тяжелый. Если ты генеральный директор, то, вопреки расхожему мнению, твой понедельник - день тяжелый вдвойне. А если ты генеральный директор компании, которая переживает не самые лучшие времена, то в понедельник с утра хочется повеситься на собственном галстуке спустя полчаса после начала рабочего дня.

Вот как ни странно, а повеситься ему не хотелось. С мыслями своими остаться хотелось наедине, хотя бы на десять минут. Потому что покоя ему не давали со вчерашнего вечера. Едва он переступил порог дома, как на него накинулся Гошка. И отнюдь не с теми вопросами, которыми он ему грозил накануне. А с сообщением, что к ним "едет ревизор". А точнее, что на них клюнула большая московская рыба в лице столичной инвестиционной компании, в которой и работал, как выяснилось, тот самый однокашник, с которым встречался недавно Гоша. И завтра к ним как снег на голову падают первым утренним московским рейсом потенциальные инвесторы. Спасатели возможные, то бишь. И подготовиться надо как следует к визиту. В итоге они с Жоркой до двух ночи составляли план

действий, а с утра пораньше принялись его исполнять. Встретить гостей в аэропорту, потом в гостиницу - их разместить, потом, пока гости отдыхают с дороги, обратно в офис, а там дел тоже куча. Все закрутилось так, что передохнуть некогда. Лишь ближе к одиннадцати он урвал десять минут на кофе. И, прихлебывая ароматный горячий напиток и глядя на белое мельтешение за окном, все-таки позволил себе ненадолго вернуться на сутки назад...

Если говорить совсем честно, то по-мужски он просто-напросто почти что облажался. В их первый раз. Теперь понимал, каким был в последнее время в этом плане... ленивым, что ли. Постоянная на протяжении нескольких лет сексуальная партнерша, с которой он не считал нужным слишком уж стараться, потому что она многого не требовала, ее все устраивало и так. А потом, когда случилась беда с Гошкой, стало резко не до секса. После этого просто исчезло время на это. Затем - появилась Люся. А потом у него снесло по ней крышу. Только он не сразу это понял. И весь масштаб этой катастрофы осознал, только когда оказался с ней на расстоянии поцелуя. Когда появилась возможность прикоснуться... Когда понял, что вот сейчас он ее получит, целиком, полностью.

Просто сорвался. Длительное воздержание, истрепанные в лоскуты нервы и она - как спасение, как лекарство, как якорь. Поэтому и показал себя с Люсей... уж никак не умелым героем-любовником, это точно. Скорее, торопливым и неопытным подростком. Но к этой мысли он пришел постфактум, почти убывая из реальности, уткнувшись лицом в пахнущие то ли лимоном, то ли апельсином волосы. Сил совсем не осталось, но он поклялся себе, уже на грани сна и яви, что утром он обязательно...

А утром он сдержал данное самому себе слово. И под завывания начавшейся еще ночью выюги он поступил так, как считал нужным и правильным, несмотря на Люсины довольно решительные протесты, борьбу за одеяло и ее первое смешное, почти детское "Ой". Он сделал Люсе хорошо. Потом стало хорошо им обоим. А потом они лежали, укрывшись одеялом. За окном все так же посвистывал ветер, Люся смущенно прятала лицо, уткнувшись ему в шею, а он довольно улыбался, перебирая ее волосы. А потом у него заурчало в животе, Люся от неожиданности прыснула. Все ее смущение как рукой сняло, и они пошли вниз - завтракать.

Наверное, он все-таки стареет. Или в голове у него что-то не так замкнуто. Но самым ярким моментом их совместных выходных стала отнюдь не близость с Люсей, какой бы долгожданной и сладкой она не была. А именно утро. И не в постели. А на кухне.

Он сидит за столом и наблюдает, как она жарит ему омлет. Нет, он мог бы и сам, уж что-что, а омлет в состоянии приготовить. Но Люся вызвалась, а он не стал спорить. И теперь вот наблюдает за ней, изящно переступающей ногами, упакованными в серые пушистые носки, по выстывшим за ночь плиткам пола на его бывшей кухне. Никогда бы ни подумал, что это так красиво - голые женские ножки в вязаных носках. А еще на Люсе его свитер, старый, потерявший форму, но мягкий и удобный. Рукава она закатала до локтя, широкий растянутый ворот так и норовит сползти с плеча, снизу свитер прикрывает ее до середины бедер. Но когда она поднимает руки, чтобы достать соль... Снизу белье Лютик надела, а вот сверху, это отчетливо видно под мягким трикотажем - нет. Волосы каштановыми волнами укрывают плечи, она их периодически перекидывает с одной стороны на другую. Такая... домашняя, уютная, близкая. Родная.

Он сидит и смотрит, как она готовит ему завтрак. Его женщина готовит ему завтрак. Его. Та, которую он сделал сегодня ночью своей. Та, которая сама отдалась ему. Его женщина. Они вдвоем здесь, только они и то, что произошло между ними. За окном совсем разгулялся снежный буран, а на просторной светлой кухне самая лучшая на свете женщина, ЕГО женщина готовит ему завтрак. И почему-то именно от этого хорошо так, что кружится голова.

А после завтрака он ее снова увлек на второй этаж. И снова... Третий раз за одни сутки... Будто помолодел на десять лет, и не тридцать пять ему, а двадцать с небольшим. Но именно так он себя с ней и чувствовал. Молодым, беззаботным и очень-очень счастливым.

Воспоминания о том, что было воскресным утром, заставило ее щеки вспыхнуть. И ладно бы еще ночью, а то ведь светло же совсем было. А он... А потом Люся решила, что он... что ему виднее... нет, не так! Что он старше, опытнее и поэтому - лучше знает, что правильно, а что - нет. И если он решил... а она... а ей было хорошо так, как никогда в жизни! Но лучше сейчас об этом не думать. Лучше про завтрак.

Так приятно было готовить ему завтрак. Необъяснимо, но вот просто до мурашек отчего-то приятно. И спиной взгляд его

чувствовала. А потом - не только взгляд. Его грудь прижалась к ее спине, горячие твердые ладони пробрались под свитер, мгновенно нашли то, чем себя наполнить. И колючая щека трется о ее гладкую.

- Гриша! - в попытке его образумить, у нее тут омлет сейчас пригорать начнет! - Прекрати меня тискать! Постоянно руки распускаешь!

- Невозможно, - хрипло ей на ухо. - Невозможно тебя не тискать постоянно. Оно же так и просится... - чуть сжимая ладони, - чтобы... хм...

По телу проходит озноб, и она беспомощно откидывает голову ему на плечо. А Гриша со вздохом убирает руки.

- Так, давай меня кормить. Я голодный просто смертельно. Во всех смыслах.

Поесть все-таки надо. Не хочется, но надо. Есть еще пятнадцать минут, она успеет попить чаю с ватрушкой. И Люся идет в комнатку, где они чаевничают.

- Люсенька, да ты никак личную жизнь устроила? - Тамара Витальевна составляет ей компанию.

Людмила лишь неопределенно пожимает плечами. Как-то нет сильного желания обсуждать свою личную жизнь с кем бы то ни было, а уж тем более, с коллегой по работе.

- Не скроешь, Люда, глаза вон так и светятся. И улыбаешься постоянно, - не унимается Тамара Витальевна. - Что, нашла мужика?

Не отстанет ведь, пока ей хоть что-то не скажешь. А уходить уже невежливо.

- Нашла.

- Путный?

Смешной вопрос. Путный ли Гриша? Он самый лучший. Но объяснять это Тамаре Витальевне она не собирается. Поэтому отвечает уклончиво:

- Вроде бы.

- Лет сколько?

Не отстанет просто так. А ей вдруг внезапно хочется поговорить о нем. Хотя бы так.

- Тридцать пять.

- Не мальчик, - усмехается коллега. - Женатый?

- Нет.

- Разведенный?

- Тоже нет.

- Да прямо чудеса какие-то! В тридцать пять лет - и ни разу женат не был? Пьет, поди? Или с мамочкой живет?

- Живет с братом. Не пьет, - Люсе становится даже забавно: до чего дойдет в своей зависти Тамара Витальевна.

- А крылышек и нимба нет?

- Не заметила, - Люда улыбается.

- Ох, Люся, Люся... Поверь моему опыту - не бывает такого.

Чтобы мужик в тридцать пять лет, непьющий, да не женатый, да еще и без придури... Что-то с ним не так, поверь мне! Или бить начнет, или еще какая пакость. Вон, у моей соседки дочь тоже нашла себе, вроде твоего, с виду приличный мужик, а потом оказалось... - Тамара Витальевна спотыкается на полуслове, глядя удивленно куда-то за спину Люси. А в спину тянет сквозняком. Люда поворачивается. Он.

- Здравствуйте, - Григорий подчеркнуто вежлив.

Люся вскакивает с места, чуть не опрокинув чашку с чаем. Слова все куда-то исчезают из головы, и она просто молча смотрит на него. Господи, оказывается, она успела по нему соскучиться!

- Вы нас не оставите ненадолго? Пожалуйста, - просьба обращена к Тамаре Витальевне и высказана хоть и вежливо, но тоном человека, который привык, что все его просьбы выполняются. И Тамара Витальевна не исключение.

- Да-да, конечно, - торопливо вставая из-за стола, а потом боком протискиваясь в дверь и аккуратно закрывая ее собой. И они остаются одни.

Он делает шаг, потом другой. Встает напротив, рядом. Взгляд его будто ощупывает ее лицо, а потом...

- Нет, - он со вздохом отступает на шаг назад.

- Что - "нет"? - она наконец-то может говорить.

- Не буду я вас целовать, Людмила Михайловна. Иначе не остановлюсь, а я не за этим приехал.

- А зачем?

- Ох, Люсь, да тут у меня засада просто... - Григорий запускает ладонь в свои волосы.

- Что случилось?!

- Плохого - ничего. Тут такое дело... Гости к нам приехали московские. Инвесторы... потенциальные. Ты же знаешь, что мы вляпались по горло?

- Знаю.

- Ну вот, - вздыхает. - И сейчас начнется. Да оно уже началось, собственно. Я вырвался ненадолго, вот по дороге в гостиницу. Сейчас заберем их, по объектам немножко провезем, потом обедать, потом в офис. И это только начало, ты понимаешь?

Нельзя сказать, что она все точно понимает, но кивает. А Гриша продолжает:

- На несколько дней вся эта кутерьма, наверное. Они все хотят посмотреть: и активы наши, и недвижимость, запасы складские. И документы, отчеты... Так их еще и развлекать надо будет по вечерам, так уж водится. Я просто вот не знаю, когда я...

- Гриш, я все понимаю, - теперь она действительно понимает, зачем он приехал. - Это очень важно, я понимаю. Ты мог бы и не приезжать, просто бы позвонил.

- А я хотел приехать, может быть, - буркнул мрачно. - И ничего ты не понимаешь, Лютик... Я не хочу, чтобы ты думала, что я... что я тебя избегаю... после... хм... или еще какую-нибудь ерунду. Вы, девушки, это можете. Просто тут все так совпало, что я... Я, наверное, буду ближайшие дни занят очень... очень плотно. И вряд ли смогу вырваться. Понимаешь?

- Да, - кивает она. - Правда, все нормально, Гриш. Делай то, что должен.

- Глупости придумывать не будешь? - смотрит на нее настороженно.

- Не буду.

- Ладно. Тогда я поехал, - взгляд на часы на запястье. - И так уже опаздываю. До встречи, Лютик.

Резко оборачивается и вправду уходит. Но только до двери. А там останавливается.

- Черт. Черт. Черт! Не могу!

И, повернувшись и преодолев расстояние между ними в пару шагов, целует ее. А она сама прижимается к нему, вцепившись в ворот его темно-серого пальто.

- Блин, Люська! - чуть позже, губами ей в висок. - Это все твой проклятый белый халат.

- А он-то тут причем? - шепотом ему в шарф.

- Нездоровые ассоциации как результат просмотра немецких документальных фильмов, - со смешком.

Она сначала не понимает, о чем он, а потом стучает его по плечу.

- Гришка! Ты что такое говоришь?! Ужас какой! Я, вообще-то, с детьми тут работаю!

- И слава Богу, - выдыхает он ей в ухо. - Люсь, пни меня, а? Мне уже не просто бежать - лететь надо. А я сам не уйду, чувствую.

- Езжай, Гришенька, - она привстает на цыпочки и целует его в лоб. - Езжай. Все хорошо.

Так безумно раздражавшее в Ларисином исполнении "Гришенька", сказанной Люсей, заставляет внезапно сжаться сердце. Словно нечаянная ласка. Нет, уходить надо, срочно просто.

- Люсь, я как смогу - позвоню.

- Договорились.

Все-таки хорошо, что он приехал. Во-первых, совершенно заткнулась Тамара Витальевна. Хотя нет, во-первых не это. А то, что она просто была ужасно рада его видеть. И не только... видеть. А во-вторых, в свете последующих дней без него... О, Люся себя хорошо знала. Уж она бы напридумывала, Гриша прав. Накрутила бы себя так, по-своему интерпретируя его молчание, отсутствие его самого и даже звонков от него, что мало бы никому не показалось. В первую очередь, ей самой. А так - просто ждала. Хотя ждать было непросто. Ужасно хотелось позвонить ему, хотя бы голос услышать. Люся с трудом себе представляла, чем он там конкретно занят. Но было четкое ощущение, что она со своим звонком может быть очень, ну вот совершенно некстати. Поэтому терпела. Он же сказал: как смогу, позвоню. Значит - позвонит.

И он позвонил как раз в обеденный перерыв в четверг. Голос очень усталый, несмотря на то, что бодрится.

- Лютик, как ты?

- Да я-то нормально, как обычно. А ты, судя по голосу, на последнем издыхании?

- Ооох... Когда я умру от цирроза печени, запомни меня молодым и красивым.

- Да? А я тебя таким видела? - она пытается шутить, но собеседник, похоже, даже чувство юмора пропил.

- И ты туда же? - драматическим шепотом.

- Что, все так плохо? - ей уже вправду не смешно.

- Улетаю сегодня вечером в Москву, - со вздохом. - Нам дали предварительное добро. Но большие боссы хотят лицезреть наши

рожи а-ля натюрель. Да и в головные управления пары банков наведаться надо, Гошка договорился о встречах. Так что...

- Я очень рада, что у вас все получилось.

- Да пока еще не получилось. Но мы надеемся, что выгорит дело. Гошка говорит, что надо ковать железо, не отходя от кассы. И он прав. Поэтому... мне надо лететь. Понимаешь?

- Конечно. Это же то, чего вы добивались. Я понимаю, как это важно.

Надо что-то ей сказать, как-то объяснить. Но у него после нескольких дней непрерывного общения со столичными гостями язык почти не ворочается. А ведь это еще не конец, там еще в Москве второй раунд переговоров предстоит, уже совсем с другими людьми, на совсем ином уровне. Остается только надеяться, что она его поймет. Так, почти без слов.

- Не сердись?

- Господи, Гриша, да на что?

Он сам не может объяснить, но вот чувство же вины есть откуда-то внутри?

- Лютик, а ты... ждать меня будешь?

Ответом ему смешок.

- Григорий Сергеевич, прекрати раскручивать трагедию. Куда я денусь? Уезжай, улаживай дела. Гриша, ну что ты как маленький?

- Я не маленький. Я задолбанный вусмерть.

Вот, правда, жалко его. Но как сказать, чтобы не обидеть?

- Гриш, если я что-то могу сделать...

- Да нет. Я сам. Ладно, Люсь, пойду. Собраться еще надо...

- Удачи, Гриш.

Небольшое молчание, а потом он все-таки спрашивает:

- Скучать будешь?

- Мне скучать некогда.

- Врешь ведь...

- Вру, - соглашается Люся. - По тебе - буду. А ты... ты будешь скучать по мне?

- А я уже.

И ведь скучал же, не обманывал. Его всегда женщины после близости утомляли. Он делался равнодушным на какое-то время, до следующего раза. И все эти разговорчики, сюсюканье и прочее страшно раздражало.

Люси же ему не хватало. Первую ночь в гостинице спал плохо, перелеты ему всегда скверно давались. И когда проснулся ночью, в незнакомой постели, от того, что пытается нащупать ее, сам себе удивился. Одну ночь вместе провели, когда привыкнуть успел, казалось бы? А вот поди ж ты. Тело лучше знало, что ему надо. А надо ему было, чтобы она оказалась тут, рядом. Чтобы обнять теплое и мягкое женское тело, уткнуться лицом в шелковые, пахнущие цитрусами волосы. И можно уже ничего не делать. И так было бы невозможно хорошо.

Но вместо этого обнимать ему пришлось холодную подушку.

- Людмила Михайловна?

Люся оборачивается, не дойдя пары метров до машины, припаркованной во дворе "Фламинго". Ее окликает незнакомая ей женщина.

- Да, это я.

- Можно вас... на минуточку?

Люся демонстративно смотрит на часы. Время не то, чтобы поджимает, но и не способствует длительным беседам с неизвестными.

- Ну, если только на минуточку, - Люда делает несколько шагов в сторону незнакомки. - Слушаю вас.

Но окликнувшая ее дама не торопится начать разговор. Стоит и в упор разглядывает Люсю. А что остается делать Людмиле? Она в ответ так же демонстративно разглядывает женщину. Высокая, почти одного роста с ней. Лицо худощавое. Льдистые глаза, острые скулы, тонкие, тронутые алым губы. От нее остается ощущение чего-то колющего и даже опасного, которое не смягчает уютная, шикарная, до пола шуба из норки-крестовки. Нет, эта женщина Людмиле не знакома. Но почему-то уже не нравится.

- Простите, но не могли бы вы уже сказать, что хотели? Я не совсем располагаю свободным временем...

Дама в норковой шубе усмехается, как-то так... нехорошо.

- Такая деловая, надо же... И как же ты успела при такой занятости чужого мужика увести?

Слова очень внезапны, но Люся почему-то сразу, моментально понимает, о ком речь. Спасибо надо Тамаре Витальевне сказать, не иначе, за ее параноидальное "с ним что-то не так". Но показывать

этого она не собирается, и вообще - как-то вдруг неожиданно внутренне собирается вся.

- Простите?

- Не прощу. Нет такому прощения.

- Я вас не совсем понимаю.

- Все ты понимаешь, - дама снова усмехается. - Залезла ты в постель к моему Григорию, что тут непонятного? Меня зовут Лариса. Лариса Юрьевна. Полагаю, мое имя ничего тебе не говорит? Неужели Гришенька не рассказал? Ай-ай-ай, какой забывчивый. Но это на него так похоже.

Страшно. Страшно от того, что это может оказаться правдой. Что вот эта женщина что-то значит для него. А сама Люся просто... ну, просто так, для развлечения. Для разнообразия. Но отчего-то вспоминаются его слова про наездницу там, у пруда. И то, что он сказал потом - о том, что один. Не случайно он это сказал. И не врал. Он не мог ей соврать о таком... важном. И вдруг, уверенно:

- Вы не жена ему.

- Верно, - соглашается эта Лариса Юрьевна, невольно поморщившись. - Но пять лет прожили бок о бок, душа в душу. Это, по-твоему, не считается? Дочь моя его отцом называет. А ты... Считай, из семьи мужика увела. Не стыдно в глаза смотреть?

Вот что-что, а удар держать ее жизнь учила. Не всегда это у Люси получалось, но навыки есть. Не прогибаться под давлением, под оскорблениями, держать спину и улыбаться. Даже когда больно. Да и потом... Гораздо хуже было бы, если бы эта Лариса сказала: "наша дочь". Вот это было бы очень тяжело пережить. Что у него есть дочь. И что он о ней Люсе не сказал. А так... И вообще, почему-то, несмотря ни на что, есть ощущение, что этот разговор для ее собеседницы - жест отчаяния, что ли...

- Послушайте, Лариса... Юрьевна. Если у вас есть какие-то претензии к Григорию, так вы ему их и выскажите. Я не понимаю, зачем вы говорите все это мне.

- Ах, вон как мы запели... - собеседница суживает глаза и поджимает и без того тонкие губы. - Что, даже сражаться за него не будешь?

- Не буду, - качает головой Люся. - Во-первых, решать все равно Григорию. А во-вторых, - в ней вдруг поднимает голову гордость, и Людмила смотрит прямо в глаза своей визави. - Я не буду за него сражаться, потому что я уже выиграла. Он мой.

Фраза бьет по Ларисе сильнее, чем она может позволить себе показать. "Он мой". Она не могла сказать такого за все годы. Даже не вслух, про себя. Жизнь приучила ее смотреть на вещи реально, не обманывать себя. Лариса всегда чувствовала дистанцию, которую он выдерживал, ту границу, за которую ей выход был запрещен. Она надеялась, конечно, что рано или поздно... Но, похоже, поздно. Злость просто захлестывает.

- Да как бы не так! - Лариса смеется, показывая испачканные алой помадой губы. - Наивная... Я с ним столько лет прожила. Сколько мы пережили вместе... И что? А ничего! А ты, что, думаешь, если переспала с ним, так он сразу на тебе женится? Милочка, если он к своим тридцати пяти годам не женился... на той, с которой его связывало многое, очень многое... Да ты еще глупее, чем мне кажется! Наиграется и бросит, поверь мне, девочка.

- Я вам не девочка. Всего хорошего.

Развернулась и пошла прочь. А холеная женщина в норковой шубе и с холодными глазами осталась стоять и смотреть, как другая женщина, в пуховике и джинсах, с прижатыми меховыми наушниками распущенными волосами, садится в красную машину и уезжает.

Потом, уже в машине, ее стало потряхивать. И даже плакать захотелось, но она себе запретила. Ее люди ждут, ей еще работать до самого вечера. Вот дома уже, в постели, можно будет. Еще ужасно хотелось схватить телефон, позвонить ему и устроить банальную истерику. Со слезами и вопросами. Кто такая эта Лариса?! Что ее связывает с Гришей?! Какие у них сейчас отношения?! И все в таком духе. Очень хотелось. Но когда она представила, как он сидит в своем строгом костюме и галстук, за столом переговоров, с такими же серьезными и представительными людьми. И тут она - со своими слезами и соплями. Неправильно это. Ему сейчас и так непросто, она уверена. Он обещал. Вот он приедет, и они все выяснят.

Людмила сказала этой женщине: "Он мой". Верила ли она в это? Хотела верить, это точно. Внутренний голос говорил, что он не тот человек, чтобы врать, обманывать. Не успел все рассказать - другое дело. Надо просто дать ему время. Надо дождаться. Но, черт побери, как же это непросто!

Как в душу плюнула. Когда села в Алинину машину и уехала. Ну, надо же... Какая самоуверенная. Не удалось заставить ее ревновать, сомневаться, не ожидала такого Лариса. Неужели уже слишком поздно? И все между Гришей и этой... уже случилось, и ничего не изменишь?! Мысль о том, что он будет счастлив, после всего, после того, как с ней поступил, жалит. Нет, она этого не допустит!

Глава 12. Большая задумчивость.

Звонок Ларисы застал Григория за столом. Впервые за все время пребывания в первопрестольной их с Гошкой вечером оставили в покое. И они ужинают в гостиничном ресторане. Кормят там так себе, но сил куда-то идти просто нет.

Он едва закончил с салатом, как зазвонил телефон. И имя абонента не вызвало никаких положительных эмоций. Но не ответить он не мог.

- Да, Лариса?

Сидящий напротив Гошка откладывает в сторону вилку. Ни о какой приватности речи не идет, это дело касается их обоих. И, наверное, даже не только их.

- Здравствуй, Гришенька...

Когда они говорили в прошлый раз, она была пьяна. Сейчас же голос ее обманчиво мягок, а слова... слова, определенно, расчетливы. Главное, не заводится. Они все равно выиграли и добились своего.

- Здравствуй, Лара.

- Как ты там, Гришенька? Говорят, ты в Москве?

Кто это, интересно, говорит? Впрочем, объективности ради, узнать об этом труда не составит.

- Правильно говорят.

- И как там в Москве? Как погода?

- Слякоть. Но по Интернету узнать об этом проще и дешевле, чем звонить мне сюда.

- Ой, Гришечка, ну что ты о деньгах! Мне ради тебя ничего не жалко...

Так, этот спектакль ему надоел. Длительные прелюдии никогда не были его коньком.

- Лариса, давай к делу. Что тебе нужно?

- Да я просто соскучилась, родной. И не я одна.

- А кто еще? - не удержался, поддался на подначку. Но это "родной" его просто взбесило. Ни черта он ей не родной, и не был никогда! - Алиночка соскучилась по дяде Грише? Или по машине?

- Ай-ай, Гриша, ну что ты такой злой? - голос ее до противного озноба сладок. - Твои женщины по тебе тоскуют, а ты...

- Мои женщины? Чувствую себя прямо-таки владельцем гарема.

- Конечно, мы по тебе скучаем. И я, и Людочка...

Пальцы с силой сжимаются на рукоятке столового ножа. Голос же звучит так тихо, что Гошка, знающий, что значит такой голос брата, смотрит совсем встревожено.

- Тааак... Лариса, что это значит?

- Гришечка, ты не знаешь, как это бывает, когда по тебе скучают? Это значит, думают постоянно, фантазируют... Домысливают разное...

Он мгновенно понимает, о чем она.

- Ты с ней встречалась?! Что ты Люсе сказала?! - теперь он говорит уже громко. Но пока еще не орет.

- Ой, да ничего особенного, Гришуля. Так, между нами, девочками. Ты же понимаешь, у нас с Милочкой много общего... теперь. Я могла бы ей подсказать, посоветовать... Ну, ты же понимаешь? Я-то знаю, как ты любишь, как тебе нравится больше всего...

Отброшенный нож звонко стучает о край тарелки.

- Лариса, мать твою!!! Ты совсем охренела?! Кто тебя за язык тянул?! - вот теперь Григорий орет так, что на него оборачиваются.

- Да что такое, малыш? Что ты завелся? Я же хочу как лучше. Чтобы тебе было комфортно. Как ты привык...

Алая пелена гнева перед глазами, но почему-то внезапно холодная в своей ярости голова.

- Лариса... - успевает удивиться, как странно спокойно вдруг звучит его голос. - Ты помнишь, что тебе говорил Гошка про Алину?

- Помню, - ему показалось или она там чуть замешкалась с ответом? - Ты сказал, что он блефовал.

- Георгий блефовал. А я - нет.

- Гриша...

- Не смей подходить к Люсе! Даже и думать о ней забудь! Иначе я...

- Гриша, ну что ты?! Шуток не понимаешь?

- Не понимаю! Лариса, ты меня знаешь! Я не блефую и слов на ветер не бросаю! Если ты не угомонишься, пеняй потом на себя. Я тогда тебе ничего не гарантирую! Ни тебе, ни дочери твоей! Ты поняла меня?!

Ответом ему тишина, которая вскоре обрывается короткими гудками. Но Григория такое окончание разговора не устраивает. Снова набирает ее номер под напряженным Гошкиным взглядом.

- Ты мне трубки тут не бросай! - едва дождавшись ответа. - Я хочу, чтобы ты мне сказала: "Григорий, я все поняла. Я больше не побеспокою Люсю и вообще забуду о том, что она существует". Скажи мне это так, чтобы я тебе поверил! Это в твоих же интересах! Пауза. А потом ему говорят то, что он хочет услышать.

Зачем она ему звонила? Зачем встречалась с этой Люсей? Да просто не могла это все оставить, как есть! Вместо головы включились эмоции. Но о том, что для самой Ларисы все уже слишком поздно, она поняла вот именно сейчас. Заигралась... А с этими двумя играть опасно, очень. Можно и проиграть. Причем, с Григорием играть особенно опасно. Ну и черт с ним! На нем свет клином не сошелся, в конце концов. Остается надеяться, что крови она ему хоть немного, но подпортила. На прощание и "долгую и светлую память", так сказать.

- Что она сказала Люсе?

- Почем я знаю? - Григорий устало трет виски. - Но даже у меня фантазии хватает представить, что она могла наговорить.

- Нда... - соглашается Гоша. - Вот же дрянь... Слушай, Гриш, позвони ей.

Григорию не надо уточнять, кому это - ей.

- И что я Люсе скажу?

- Что-нибудь! Ты представляешь, в каком она сейчас состоянии? Ты же Ларису знаешь, она такое может учудить.

- Да я все понимаю! Но... как ей все это объяснить по телефону?! Ты же знаешь, что я не мастак вообще, а уж тем более, когда так вот... не видя человека, по телефону. Вот приеду - и поговорим.

- Гришка, она там совсем изведется, - Гоша качает головой.

- Я не смогу по телефону! И потом... Люся не такая... она поймет.

- Гришка, ты, ей-Богу, наивный! Даже я бы не понял.

Григорий в ответ только вздыхает.

- Гошка, неужели все закончилось?!

- Да как бы не так! - фыркает Георгий, щелкая ремнем и устраиваясь удобнее в кресле. - Все только начинается. Никто нам на блюдечке ничего не принесет. Все самим придется делать.

- Да будто нам когда-то приносили на блюдечке, - Гриша синхронно повторяет действия брата. - Конечно, сами. Но зато выход появился. Понятно, куда двигаться.

- Это да, - соглашается Гоша. - Кажется, путь к спасению обозначен. Теперь надо рвать туда из всех сил.

- Слушай, а вот по поводу первого транша...

- Не морочь себе этим голову, - перебивает его младший. - Технические вопросы я согласую, будь спокоен. Главное, что принципиальное согласие мы получили. А остальное уже детали. Утрясу.

- Что бы я без тебя делал?

- Хороший вопрос, - невесело усмехается вдруг Гоша. - Полагаю, как минимум не вляпался бы в это дерьмо с головой.

- Гош, ты чего?! Я совсем не это имел в виду. Я, наоборот, сказать хотел, что...

- Я понял.

- Как же здесь тесно! - ворчит Григорий в попытке заполнить неловкое молчание. - Куда людям ноги девать?

- А кто тебе виноват? - с готовностью парирует Гоша. - Я предлагал лететь бизнес-классом. Но твоя тяга к нищebroдству сильнее здравого смысла.

- Это не нищebroдство! Это разумная экономия. Вот вылезем из ямы - и будем летать бизнес-классом.

- Да мне-то что! Я себя вполне комфортно чувствую. Это ты в эконом-класс не влезаешь! И не смей заваливаться на меня, когда заснешь.

- Ты же знаешь, я не могу в самолетах спать.

- Мое дело предупредить.

И, несмотря на предупреждения, Гоше пришлось терпеть голову брата на своем плече почти два часа. И он терпел. Гришка жаловался, что совсем плохо спит в последнее время. Пусть хоть сейчас.

- Неужели мы дома?..

- И не говори, - Гоша открывает бутылку с пивом, протягивает ее брату, устроившемуся на диване. - Ну, за нас?

- За нас, - чокаясь с младшим бутылкой. - Кажется, выгорело дело.

- Да, выгорело, - соглашается Гоша. - Когда будешь Люсе звонить?
- Вот сейчас допью... и позвоню.
- Ладно, я тоже сейчас допью и в душ пойду. Чтобы не мешать.

- Лютик, привет.

- Гриша... - как же она ждала его звонка! Как же трудно было его ждать.

- Я вернулся.

- Здорово. Со щитом или на щите?

- Что? А... Ну, со щитом, наверное. Только шит такой тяжелый оказался...

- Устал?

- Почти умер.

- Ясно.

Повисает пауза.

- Люсь, слушай... Я завтра, наверное, буду работать до упора. Нас с Гошкой больше недели не было. Там в офисе дурдом.

- Я понимаю, Гриш, - старается, чтобы голос звучал ровно. - Я тоже раньше девяти не освобожусь. А, скорее всего, позже.

- Ох, Люся, Люся... - вздыхает он. - Совсем себя не бережешь.

"Было бы ради кого" - хочется ей сказать, но фраза кажется ужасно инфантильной, и поэтому Людмила просто молчит.

- Лютик, тогда... в субботу увидимся? - произносит Григорий после паузы.

- Хорошо.

- Приедешь к нам? Как освободишься?

- Хорошо. Часов в шесть нормально?

- Отлично! Я буду ждать.

- Я чувствую себя зайцем, который пустил лису в свою избушку, - ворчит Гоша, одеваясь в прихожей. - А теперь маленького младшего братика, как сиротинушку, выгоняют вон. Из собственного дома!

- Не ной, - старший стоит, опираясь плечом о дверной проем. - Ты же сам говорил, что мне надо с Люсей поговорить. Сам понимаешь, разговор у нас непростой, тема деликатная. Поэтому лучше всего дома, в спокойной, доверительной обстановке.

- Для того чтобы поговорить с Люсей, совсем не обязательно выставлять меня на мороз!

- Я сейчас заплачу.

- Ага, дождешься от тебя! - Гоша сует ноги в ботинки.
- Все, вали, давай. И раньше десяти я тебя не жду!
- Дожил! Родной брат из дому гонит! На ночь глядя!
- Иди-иди. Пройдись по магазина, прикупи пару шмоток...

сладенький...

- Эй, это мои слова!
- До вечера, - перед носом Георгия захлопывается дверь.

Людмила ловит себя на мысли, что эта квартира ей как родная. Так много с ней связано. Решительно подносит палец к кнопке звонка, но дверь открывается до этого. На пороге - он. Конечно, он, кто еще.

На Григории джинсы и темно-синий простой джемпер. Щеки гладко выбриты, взгляд... взгляд серьезный. Они стоят так какое-то время, молча.

- Люсь, давай, заходи, - он наконец-то отступает вглубь квартиры.
- Через порог нельзя говорить, вроде как.

Ужасно хочется его поцеловать, но первой делать это почему-то страшно.

- Давай, помогу снять, - руки его, освободив ее от верхней одежды, снова возвращаются на плечи. Он стоит у нее за спиной, она чувствует, как его щека приживается к ее затылку.

- Люсь... - от его вдоха мягко колыхнутся ее волосы. - Я должен тебе кое-что рассказать.

- Ты ничего мне не должен, Гриша, - она, правда, так считает. Только если он сам хочет. - Но я бы хотела знать... Потому что это касается и меня тоже.

- Я расскажу, обязательно. Но, маленькая... - он вдруг разворачивает ее лицом к себе. Глаза у него такие... просящие? - Можно, я расскажу тебе... потом? После... Я соскучился просто смертельно.

Он действительно рассказал ей о Ларисе. Позже, когда они, уже снова одетые, пили чай на кухне.

- Люся, я тебе обещаю. Она больше тебе не побеспокоит.
- Ты говорил с ней? Встречался?!
- Не встречался. А говорили мы по телефону. И, кажется, достигли... взаимопонимания... по ряду вопросов. Но если вдруг что-то случится... из-за нее - ты мне сразу скажи!

В голосе его звучит странное сочетание: забота и раздражение.

- Гриш, скажи мне... вы из-за меня расстались?

- Да, наверное, - он проводит ладонью ото лба к затылку, взъерошивая волосы. - Из-за тебя.

- Прости. Мне очень жаль.

- А мне - нет. Я ни о чем не жалею.

Вот все и выяснилось. И оказалось не так уж страшно, как она себе это представляла. Ну, в самом деле, трудно же было ожидать, что такой мужчина жил все эти годы бирюком? Впрочем, и ревность колола, и недоумение его выбором было, хотя в целом эта Лариса была ухоженная, что да, то да. И очень... худощавая, в отличие от самой Люси. Но теперь это ее как-то беспокоило уже не так. Гораздо больше пугало то, что тосковать по нему она начала, еще не успев добраться до дому. Ведь выдержала же она как-то две недели без встреч и почти без звонков? А теперь, стоило только его увидеть... почувствовать... на себе, в себе... Как будто, чем больше она получала от него, тем больше хотелось. Расставаться снова оказалось почти что больно.

- Ну что, презервативы повыбрасывал? - младший аккуратно вешает куртку в шкаф.

- Жоржета, ты в кого такой циник?

- Ты мне еще скажи, что вы тут чай пили!

- И чай пили... тоже.

- Так и думал. Тоже, - Гошка качает головой каким-то странным осуждающим, старушечьим жестом.

- Что не так? Я тебя совсем не понимаю, - Гриша раздраженно пожимает плечами. - Ты же сам меня к этому...

- Ну, так пора двигаться дальше!

- Куда дальше-то?

- Вот дурак! А еще старший брат называется.

- Я так понимаю, на неделе у нас увидаться не получится?

- Гриш, я работаю допоздна.

- Люся, это ненормально! - он раздраженно откидывается в кресле.

- Что поделаешь...

Он не знает, что с этим можно сделать. Но невозможность с ней видеться раздражает ужасно!

- Тогда до субботы?

- Да, наверное.

Они ужинают дома, но разговор за столом быстро отбивает аппетит.

- Я никуда не уйду из дому, даже и не проси! Нечего устраивать из моей квартиры дом свиданий!

- Жорка, но что ты как маленький... - удивительно, но в голосе старшего звучат то ли примирительные, а то и вовсе просящие интонации.

- Это кто из нас маленький?! Мне кажется, кое у кого начался старческий маразм уже. И впадение в детство.

- Чего?!

- Свидерский! - младший, кажется, не на шутку рассержен. - Ты в паспорт и в зеркало давно смотрел?

- Какой-то странный вопрос. К чему он? - Гриша раздражен, но пытается не выказывать этого.

- К тому, что ты не мальчик давно уже. А время-то идет!

- И что?

- Да ну тебя! - машет рукой Георгий. - Ты безнадежен.

Ужин в ресторане удался за одним "но". Логического продолжения вечера не предвиделось. А Люся была так невозможно хороша в трикотажном платье, мягко облегавшем все то, что он уже успел достаточно близко изучить. Настолько близко, что мог отчетливо представить, что там, под этим мягким сиреневым трикотажем. Представлять - и только. Чертов Гошка!

- Лютик, за тобой во сколько заехать?

- Гриш, я не могу.

- Что значит - не могу?! - он реально уже начинает ненавидеть эти "нет", "не могу", "у меня не получится".

- У меня тут дома лазарет. Всех вирус скосил, а у бабушки еще и давление. Я одна на ногах, и то - только на таблетках. Я не могу их оставить, понимаешь? Бабуля даже встать не может, да и мама очень слабая.

- Ясно. У нас тоже многие в офисе болеют. Вирус какой-то очень пакостный.

- Оно и понятно. Потеплело, дело к весне. Вот вирусы и оттаяли.

- Может быть, помощь какая-то нужна? Привезти что-то? Лекарства?

- Знаешь... - тон ее нерешительный. - Если не сложно...

- Говори, что нужно.

Вот теперь он у нее в гостях. Маленькая прихожая, дверь в комнату закрыта. У Люси вид совсем измученный. Сразу понятно становится, что ей вот в данный момент не до поцелуев и прочих нежностей.

- Спасибо, Гриш, - забирает у него пакет из аптеки. - А то я даже выйти из дому боюсь. Да и слабость у самой тоже...

- Ты лечишься? - строго.

- Да.

- Точно? - он делает шаг к ней.

- Нет-нет, Гриша, не подходи! И вообще - езжай домой. Мы заразные, заболеешь еще.

- Я не болею!

- Все болеют, Гриш. Правда, езжай. Спасибо за лекарства.

- Ты в понедельник на работу собралась?!

- Как будто у меня есть выбор, - Люся вздыхает. - У меня же люди записаны...

- А Людмила Пахомова - не человек?!

- Я к понедельнику оклемаюсь.

- Люся, это не дело!

- Все будет в порядке, не переживай.

- Люся, кто там? - это из комнаты подает голос мама.

- Все, уходи! - она весьма невежливо подталкивает его к входной двери. - Пока тебя не посчитали.

- Я не понял - куда меня посчитали?

- В число потенциальных женихов! Все, - это уже через порог, - созвонимся!

Он ехал назад и злился. Ему все это страшно не нравилось. А больше всего не нравилось то, что он не мог на это никак повлиять. Люся себя загоняет, они почти не видятся, и он не знает, что с этим делать! Он скучал по ней страшно, а возможностей для встреч

ничтожно мало. Раз в неделю - это почти ничего. Резкими, раздраженными выворачивая руль, он думал. Например, о том, что раньше был счастлив, когда его оставляли в покое. Теперь же каждый вечер засыпал с мыслями о ней. И конца-края и избавления от этого не видно. И, главное, что делать - непонятно.

-
- Я тебе уже сказал все, что думаю по этому поводу!
 - Значит - нет?
 - Нет, Григорий Сергеевич, нет! Это приличный дом, а не бордель!
 - Слушай, ты уже перебарщиваешь!
 - Я не собираюсь потворствовать этим ненормальным отношениям!
 - Да чем это мои отношения с Люсей ненормальные?!
 - Не понимаешь? Боюсь, это неизлечимо в твоём возрасте.
 - Так, все! Я снимаю квартиру и съезжаю от тебя!
 - Хозяин - барин.

- Лютик, тебе нравится?

- Да вроде бы... Тебе же здесь жить, Гриш... - они стоят посреди просторной гостиной. Риэлторша, верно оценив ситуацию, деликатно отошла в сторону, выдав все дежурные дифирамбы относительно предлагаемой жилплощади. Квартира действительно хороша. Места достаточно, приличная меблировка, центр города. Арендная плата подтверждает элитный статус этой квартиры, но вот сейчас Григорий совершенно не склонен экономить. Потому что думает, в первую очередь, не о себе.

- Да, конечно, но... - он ожидал более яркой реакции от нее. Неужели она не понимает, ради чего он затеял это все с квартирой? А Люся как будто подавлена чем-то. Хотя, может быть, это перенесенная болезнь сказывается. Но вид у нее такой, будто ей все это не нравится... или все равно ей.

- Хорошее место, Гриша, - она слабо улыбается. - Центр города, от офиса недалеко. Гараж подземный. Думаю, тебе тут будет комфортно.

Он вздыхает. Есть ощущение, что он что-то делает неправильно. Но он, хоть убей, не понимает, что именно!

Вроде бы, ничего плохого не происходит. Он внимателен, заботлив. Так беспокоившая ее история с Ларисой благополучно разрешилась. Гриша ей все рассказал, и, действительно, больше она Ларису не видела. Но сказанные ею слова будто занозой застряли в

голове. "А ты, что, думаешь, если переспала с ним, так он сразу на тебе женится?" "Наиграется и бросит, поверь мне, девочка" Наиграется и бросит. От этого становится так тошно, что хоть вой. А если правда - бросит? А она уже не представляет, как жить будет без него. Стыдно, да и опасное это дело - себя обманывать. И она признается себе: любит его.

Так ее воспитали, видимо, что для Люси было очевидным - если люди любят друг друга, они живут одной семьей. Все, как положено: дом, семья дети. Проблема была в том, похоже, что из них двоих любит только один. А второй... Знать бы, что чувствует этот второй?! Кто она для него? Люся зажмуривается, плотнее кутаясь в одеяло. Явно, совсем не то, кто он для нее. А для нее он - все. Она не может даже думать о том, во что превратится ее жизнь, если в ней не станет Григория. И поэтому она примет все, что он ей даст. Лишь бы был с ней. Пока... Нет, об этом даже думать не стоит сейчас! Гордой она будет потом, когда придет время держать удар. А сейчас... сейчас она просто будет с ним. Столько, сколько ей отмеряно. Потому что без него - невыносимо уже.

Переезд в снятую квартиру затягивался. Вроде бы и договор уже подписан, и деньги перешли из рук в руки, что называется. А времени все не хватало, банально не хватало времени на то, чтобы собрать вещи. И еще было ощущение, что он в чем-то неправ. Какое-то странное чувство вины, не пойми перед кем. А Гошка масла в огонь подливал, демонстративно игнорируя его дома. А в офисе изображал из себя такую политкорректность, что у Григория даже зубы ломило. Хорошо хоть, новый главбух на работу вышел. Илья Борисович был интеллигентно сдержан, обманчиво мягок и еще более обманчиво улыбчив. Но бухгалтерия под ним уже третью неделю уливалась, что называется, кровавыми слезами, а Илья, не обращая внимания ни на что, железной рукой наводил порядок во вверенном ему бабьем царстве. Судя по всему, Гошка привел весьма ценного кадра. Илья оказался и мужиком нормальным, адекватным, и специалист на вес золота. В общем, новый главбух Григорию нравился. До определенного момента.

У него в глазах потемнело, когда увидел. Даже головой тряхнул, потому что картина была настолько нереальной, неправильной, что этого просто не могло быть!

Лютик у них дома. Нет, это приятный сюрприз, кто бы спорил! Он даже и предположить не мог, когда возвращался домой из офиса, что застанет в их с Гошкой квартире Люсю. Так что это очень приятный сюрприз. Но вот остальное!

Ее руки на плечах какого-то полуголого мужика. Тот сидит за столом, опустив голову на руки, а Люся... Люся его трогает!!!

- Что происходит?!

Люся поворачивает, улыбается ему. Но он не видит ничего кроме ее рук на чужих мужских плечах!

- Привет, Гриш. Нет, нет, Илья! - это уже явно не ему. - Голову не поднимайте. Мы продолжаем.

Так это Илья Борисович?! Мать его! Видимо, у него такое лицо, что в разговор вмешивается уже Гошка.

- У Илюхи шею скрутило, как у тебя тогда, помнишь? Поворачивается как робот Вертер. Пришлось срочно вызывать нашу спасительную фею Лютика.

Нашу?! Какого хрена - нашу?! Да как бы не так!

- Насколько я помню, у Людмилы Михайловны весь день допоздна расписан, - Гриша удивляется тому, как спокойно звучит его голос, когда внутри так клокочет.

- Да так совпало, что у меня как раз сегодня на двух поздних сеансах окно. У одних курс закончился, а новые начинаются только завтра, - Люся отвечает безмятежно, продолжая работать. А он не может глаз оторвать от того, как ее пальцы так знакомо разминают плечи и основание шеи чужого мужика, будь он не ладен. Который, если Григорию не показалось, уже постанывает от наслаждения. Хотя самому Грише вот сейчас бы очень хотелось, чтобы тот стонал от боли!

Он резко разворачивается и уходит в спальню. Потому что еще чуть-чуть - и он начнет бить морду своему главбуху. А это, все-таки, как ни крути, не совсем правильно, хотя и очень хочется.

В спальне сел на кровать, невидяще уставившись в дверцу комода. Но перед глазами совсем другое. Она... его Люсенька... трогает другого! И жгучая ревность просто не дает протиснуться внутрь ни одному разумному доводу. Это неправильно! Такого не должно быть!

Открывается дверь комнаты, он даже не поворачивает голову. Он вообще не понимает, как ему дальше существовать, как пережить то, что увидел. Эта сцена его просто нокаутировала.

- Гриша... - она садится рядом, легко опускает руку на его плечо. - Все в порядке?

- Нет! - он взрывается, сбрасывает ее руку с плеча, резко встает с кровати. - Ни черта не в порядке!

- Гриша? - в ее глазах недоумение, которое вот-вот превратится в обиду. - Что случилось?

Он не знает, как сказать правильно. Как внятно объяснить, отчего его буквально скручивает всего изнутри. И поэтому просто орет то, что чувствует:

- Какого хрена ты его трогала?! Какого хрена ты трогала какого-то чужого мужика?! - дальше заканчиваются слова и воздух внутри, и он просто стоит и смотрит на нее. И она встала и тоже смотрит на него. Смотрит, как тяжело поднимается и опускается его грудь, будто он марафон пробежал. Как бьется на виске нервная синяя жилка. И какие у него глаза. Темные и абсолютно... неменяемые.

- Гриша, ты что?.. Ты ревнуешь, что ли? К Илье?

- А что, тут был кто-то еще?!

- О, Господи! Ты, правда, ревнуешь?

- Люся!!! - он буквально рычит. - Ты трогаешь другого мужчину! Почти голого! Как прикажешь это понимать?! Я должен радоваться, что ли?!

Ему уже абсолютно фиолетово, что он орет так, что его слышно и у соседей, наверное. А уж то, что его слышат Гошка и Илья - это совершенно точно. Но ему все равно. Когда он злится - он орет. Сейчас он не может не орать.

- Слушай, - вновь надевший рубашку Илья в компании друга пьет чай на кухне. - А меня с работы не выгонят за это? А то мне нравится у вас работать.

- Не переживай, все будет нормально. Григорию Сергеевичу полезно взглянуть на ситуацию немного под другим углом.

- Да? Ну ладно... И все-таки, - присушиваясь к гневному голосу, рычащему из глубин квартиры, - не хотел бы я отказаться в ситуации... когда генеральный директор будет говорить таким тоном со мной.

- Да с чего бы? - беспечно пожимает плечами Георгий. - В профессиональном плане к тебе претензий нет и быть не может. А по поводу этой истории... Я тебе прикрою, если что.

- Обязательно. У меня жена и маленький ребенок. Меня убивать нельзя, так Григорию Сергеевичу и передай.

- Это и буду тебя отмазывать, если что, - смеется Гоша.

- Гриша... - она поверить не может, что он это все говорит всерьез. Абсурд какой-то. - Это ведь моя работа - трогать других людей. Прикасаться к ним так, чтобы помогать, приносить облегчение, стимулировать развитие или реабилитацию. В этом смысл работы массажиста. Как ты себе представляешь массажиста, который не прикасается к своим пациентам?

- Ты работаешь с детьми! - у него все-таки получается что-то сказать, несмотря на то, что гнев по-прежнему душит.

- Во "Фламинго" - да, - согласно кивает она. - Да и на дому тоже много именно детей-пациентов. Но есть и взрослые. И в том числе мужчины. Ведь мы именно так и познакомились - я делала массаж твоему брату.

Хочет завить от бессилия. Стоит только представить, что она еще кого-то трогает, вот как его самого тогда, когда у него в шею вступило. Одно дело Гошка, а другое - какие-то неизвестные мужики. А он ведь даже не задумывался раньше, до сегодняшнего дня, когда увидел. Хоть об стену головой бейся.

- Для меня нет разницы, какого пола клиент, - пытается образумить его Люся. - Гриша, пожалуйста... Неужели ты не понимаешь?

Нет, он не понимает, не хочет понимать категорически ничего, кроме одного - она его, и он не собирается ее ни с кем делить!

- Гриш, пожалуйста... - она подходит к нему, робко снова кладет руку ему на плечо. - Пожалуйста... я не знаю, в чем я виновата перед тобой. Это только работа, правда. - Люся вдруг всхлипывает. - Гриш, ну разве я что-то плохое делаю?

Каждое слово, словно пощечина ему, его эгоизму и такой внезапной ревности. И совестно становится, и противно. Прижимает ее к себе. Что сказать, кроме банального:

- Прости меня. Я дурак.

Он переехал, в конце концов. Собрал вещи под ехидные комментарии брата, на которые даже ответно огрызаться желания не было. Новая квартира была объективно хороша, но ему в ней было...

никак. Пусто, уныло, бесприютно. Словно в гостиничном номере. Желание туда возвращаться после работы отсутствовало.

У него был дом. Потом дома не стало, но в Гошкиной квартире ему тоже было комфортно. Большей частью потому, что там был брат. Да и времени ни на что не хватало - все мысли даже дома занимала работа, тем более, что о ней было с кем дома поговорить. Теперь же тишина и пустота нового жилища угнетали. Если быть до конца откровенным, то, переехав, он рассчитывал... на что?

Люся даже ни разу не осталась у него ночевать. Отказалась, сначала сославшись на какие-то малоубедительные доводы - что у нее нет с собой зубной щетки, что ей завтра рано на работу, еще что-то. А потом и вовсе сказала странное: "Меня дома не отпустили". Он никак не мог взять в толк - как можно взрослого человека куда-то не отпустить? Как?! Но Люся упорно стояла на своем, и ему пришлось смириться. Видимо, у них в семье как-то все иначе устроено. Так, что ему не понять. Но вот какая-то почти детская обида грызла. И чувство, что она ему нужнее, чем он ей. А еще его доканывала ревность. Он просто не мог не думать о том, как Люся работает с другими мужчинами. Его Лютик!

Мелькавшие смутные мысли предложить ей переехать к нему так и остались невысказанными. Если уж она даже ночевать у него не хочет, то и не переедет. Откажется. А отказы Григорий Свидерский плохо переносил.

- Что значит - домой ночевать не приду?!

- А что в этом непонятного?

- Чем твоя кровать вдруг плоха стала? - бабушка закидывает полотенце на плечо и упирает руки в бока. - Что, на ней теперь спать нельзя?

- Да не в этом же дело...

- А в чем? Людям, чтобы ночь ночевать, кровать нужна только. Чем твоя вдруг стала не годна?

Людмила вздыхает. Вот с самого начала ясно было, что это затея обречена на провал. Не объяснишь. Если только поступить наперекор, по-своему. Но во что это может вылиться... Да и не хотелось ей особенно, если честно. Большого хотелось. Гораздо, гораздо большего. Не на одну ночь, и не на две. Навсегда. На всю жизнь.

Ему ее не хватает просто смертельно. Они так редко видятся, Люсе постоянно некогда. Что он за мужик, если у его женщины нет достаточно времени для него?! Он ужасно злился от этого ощущения бессилия, невозможности, неправильности.

Последняя капля в чашу его многострадального терпения упала в офисе. Они с Георгием собрали развернутое совещание по результатам месяца работы в режиме "антикризисных мер", как это не без пафоса называл Жорка. В конференц-зале, человек двадцать народу, все ключевые сотрудники из числа руководства. И, едва начавшись, совещание прерывается звонком мобильного генерального директора. А потом генеральный директор вскакивает с места и начинает метаться из конца в конец по конференц-залу. Что-то громко и бессвязно, по крайней мере, на слух собравшихся, кричит в трубку. А затем и вовсе вылетает вон, не дав никаких указаний. Совещание завершается, не успев начаться.

Его трясло, пока он ехал до места. Люсин звонок. Ее слова, которые он перестал толком понимать, едва услышав слово "авария". Она что-то говорит про машину, но он не слышит - все затмевает страх за нее. Он кричит, чтобы она сказала, где находится. А еще ему начинается казаться, что она плачет. А потом он слышит чей-то резкий и агрессивный голос на заднем фоне. И он просто срывается с места.

На его счастье, это недалеко от офиса, долетел за десять минут. Красную "Сузуки" заметил сразу, Люсю - бесконечное мгновение спустя. Подбежал к ней, едва не поскользнувшись на льду дороги. Наверное, выглядел как идиот, ощупывая ее - руки, плечи, наклонился к ногам. А она пытается ему что-то сказать, про машину, но ему плевать на машину!

- Люсенька, с тобой все в порядке? Больно где-нибудь?

- Да все в порядке со мной! Вот на машине... Там бампер задний, фара, крыло левое повело, кажется...

- Крыло повело! У меня чуть голову не повело! - он наконец-то верит, что она не пострадала, и обнимает ее крепко-крепко. - Люська, ты перепугала меня насмерть!

- Прости, - неразборчиво ему в лацкан пиджака. Он так торопился, что даже пальто не надел. - Но я думала, что ты должен знать, это же твоя машина. Гриш, но я не виновата, правда! Меня догнали перед светофором. Я даже тормозила не очень резко. Он

просто не соблюдал дистанцию, а на дороге видишь, что творится! Ночью же резко подморозило, лужи застыли, скользко. А он еще утверждал, будто я его подрезала. Кричал на меня, что я ездить не умею, - тут Люся вдруг шмыгает носом.

- Кто - он? - Григорий отстраняется.

- Вон, - кивок за его спину, - он. Другой... участник.

Гриша оборачивается. Мужик, немного младше его, уже лысеющий. На лице смесь наглости и опаски. Теперь Григорий замечает и стоящий неподалеку от "Сузуки" "Ниссан Патфайндер" с развороченным капотом. А удар-то был сильным... Снова накатывает страх при мысли о том, что могло бы случиться. И еще - ярость.

- Так, ты... - он шагает к водителю "Патфайндера", тот поспешно отступает назад.

- Пожалуйста, давайте не будем горячиться! Я признаю - виноват, не соблюдал дистанцию. Так что, вина только моя, я отпираться не буду!

- А пять минут назад другое говорили, - подает голос Людмила из-за спины Григория.

- Он тебя обижал, Люся? Хоть пальцем тронул? - Гриша оборачивается к ней.

- Нет. Орал только.

Григорий делает еще шаг вперед, мужчина отступает назад.

- Прошу вас, давайте вести себя как взрослые люди! Я готов извиниться перед вашей женой! Я просто... очень расстроился, понимаете? Вез дочку на обследование, мы два месяца очереди ждали. Ну, вы должны понять, наверняка у вас с женой есть свои дети, вам все это тоже знакомо? А тут в пробках простояли, опаздывали, торопились.

- Теперь все - не торопитесь? - сардонически интересуется Гриша.

- Теперь уже - нет, - вздыхает мужчина, оглядывая поврежденные машины.

- Ваше счастье, что с вами ребенок, - цедит сквозь зубы Григорий, замечая стоящую недалеко женщину, а рядом с ней девочку лет четырех-пяти. - А то бы я... С ребенком все в порядке, кстати?

- Да, в порядке, напугалась только. Нет, вы меня действительно извините, - это за его спину, Люсе. - Я просто очень... ну и не сдержался. - И, уже снова Григорию: - Я не хотел обидеть или напугать вашу жену!

- Да иди ты...

- Гриш, пойдем, на бампер посмотришь, - Люся тянет его за руку. - Мне кажется, его выправить можно. А вот насчет крыла я не уверена.
- Да к черту и бампер, и крыло! - он снова обнимает ее, прижимается губами к виску. - Главное, что с тобой все в порядке.

В офис он вернулся только после обеда. Хорошо, что аварийные комиссары довольно быстро приехали. Но все равно, пока бумаги заполнили... Он остался с Люсей до самого конца, убедился, что машина на ходу. Левую заднюю дверь, правда, заклинило, но на управлении машиной это не могло сказаться. А эта упрямая девочка Люся поехала ведь работать дальше! Поблагодарила его за помощь, еще рад десять многословно извинилась за машину, а потом уехала... трогать кого-то. А он вернулся на работу - что ему еще оставалось?

Гошка не торопится прийти к нему и начать выяснять подробности. Может быть, не знает еще, что брат вернулся. Григорий попросил секретаршу сварить кофе и никого к нему не пускать. Но "никого" на Гошку не распространяется, Оксана знает.

Кофе медленно остывает, пар от белой чашки отражается в полированной поверхности его стола. А он сам задумчиво смотрит в стену, будто там написано что-то.

Почему так получается, что нечто очень важное о себе, своей жизни, мы зачастую узнаем от совершенно незнакомых нам людей? Как вышло так, что то, что он должен был давно понять сам, он услышал сегодня случайно, от постороннего и не очень-то симпатичного ему человека? Услышал то, что теперь казалось ему таким очевидным.

"Я не хотел обидеть вашу жену". А ведь если бы это было так... Вот тогда он бы положил конец этим возвращениям домой в десять вечера, этой работе по четырнадцать часов в сутки. И она была бы рядом с ним. Каждый день. В его доме, в его постели, в его жизни. Он внимательнее вглядывается в стену, будто там вот-вот появятся ответы на его вопросы. А в голове вдруг звучит собственный голос, будто он говорит кому-то: "Знакомьтесь. Людмила Свидерская, моя жена". Фраза звучит так... правильно. И отчетливое видение ее руки с обручальным кольцом на безымянном пальце. Кольцом, которое он сам ей наденет. И вот рука с этим кольцом уже точно не коснется другого мужчины, он не позволит!

Именно это было нужно ему, оказывается. Не чтобы она ночевала у него время от времени. И не жить с ней просто так. А чтобы она

стала его женщиной насовсем. Навсегда. Гошка прав - он уже далеко не мальчик, чтобы дело все абы как. Все надо делать правильно. Шанса исправить может уже и не представиться. Именно это надо было ей предлагать. Не остаться на ночь, не пожить с ним. А сразу и навсегда. И теперь очень хочется, чтобы на стене, в которую он по-прежнему всматривается, появился ответ на главный вопрос: "Какого черта он дошел до этого только сейчас?!"

Распахивается дверь кабинета, и он наконец-то отрывает взгляд от стены. Гошка.

- Что с Люсей?!

- Все в порядке. Машину ей слегка помяли. Но Люся цела, слава Богу.

- Но ты и переполошил всех, Григорий Сергеевич!

- Так я и сам перепугался.

- Ну-ну, - Гоша протягивает руку, берет чашку с кофе с его стола. - Ой, а чего такой холодный? - И, не дождавшись ответа брата: - Гришка, ты когда уже признаешь очевидное?

Григорий запрокидывает голову, разглядывая теперь потолок. И все так же, откинувшись затылком на спинку кресла:

- А я, кажется, уже... признал.

- Да ну? Дошло?

- Угу.

- Глазам своим не верю! Прозрел наш великий слепой. Ну и когда пойдем оформлять явку с повинной?

- Ну, вот сейчас посижу, с мыслями соберусь... и поеду.

- Надеюсь, что Люся еще ждет от тебя... каких-то решительных действий.

Григорий наконец-то отрывается от созерцания потолка. Смотрит на брата, и губы его трогает самоуверенная усмешка, которая в свое время заставила дрогнуть не одно женское сердце.

- Можешь не сомневаться.

- Ой, а я бы не был на твоём месте так оптимистично настроен! Ты еще фейс-контроль не прошел.

- Какой еще контроль?

- Такой! Ты с бабушкой, мамой и собакой знаком? Нет? Вот и не выпендривайся раньше времени! Я, например, знаком у Лютика дома со всеми. Принят и одобрен. Могу хоть сейчас свататься!

- Она за тебя не пойдет, - все так же невыносимо самоуверенно.

- А за тебя пойдет?

- За меня - пойдет.

- Пока не увижу - не поверю.

- Эй! Не учи батьку детей делать!

- Вот, кстати! И с детьми тоже... не затягивай!

Григорий смеется.

- Ты так буквально мои слова не воспринимай.

- Ничего не знаю! Хочу племянников.

- Откуда ты взялся на мою голову? Племянников ему. Надо сначала предложение сделать как-то. Я так понимаю, от тебя практической помощи в этом вопросе ноль?

- Увы, - ответно смеется Гоша. - Не плавали, не знаем. Можно Илюху привлечь для консультации. Он у нас женатый, стало быть, знает, как это делается.

- Не говори мне про Илью Борисовича! Я тебе это еще припомню!

- Припоминай. Но только мне. И потом, человеку реально же плохо было.

- Вот пусть ему кто-то другой массаж и делает, а не моя жена!

Георгий уже хохочет во весь голос.

- Все, пропал Свидерский! Ты сначала согласие получи, а потом вопи тут про жену.

Глава 13. Большое решение.

День выдался просто кошмарный. Одна авария сама по себе чего только стоила. Со всех сторон - неприятно, неожиданно и обидно. Повредила не принадлежащую ей машину, пропустила два сеанса массажа, да еще и получила незаслуженные обвинения. Люся вспоминает скандального водителя джипа. Интересно, до чего бы он довыступался, если бы не присутствие Гриши? А ведь Люся не рассчитывала, что Григорий приедет. Просто когда увидела, во что превратилась задняя часть "Сузуки", такой ужас охватил. Ведь машина не её! Столько лет она ездила на своей Мальвине безо всяких ДТП, и надо же такому случиться, чтобы Людмила попала в аварию именно тогда, когда она управляла чужой машиной. Вины её в произошедшем не было, но все равно неловко ужасно. И она решила, что должна сразу же сообщить Грише о том, что его машина пострадала в аварии. Но она никак не ожидала, что он, толком не выслушав ее, примчится тут же сам. И чуть ли не кинется в драку с водителем "Ниссана". Если говорить честно, то это было чертовски приятным. Но была и нотка горечи. Их приняли за мужа и жену.

Господи, как бы она хотела, чтобы так и было! Все бы отдала, что есть, лишь действительно... Почему это не так?!

Люся вздыхает. Она устала, расстроена и еще не до конца выздоровела, наверное. Именно поэтому ей в голову приходят нелепые мысли, не свойственные взрослым, реально смотрящим на вещи женщинам. Говорят же - там, где мужчина видит секс и только секс, женщина придумывает цвет занавесок на кухне и имена будущим детям. Так вот, Людмила Михайловна, не придумывай то, чего нет!

Квартира встречает ее непривычной тишиной и покоем. Не выбегает, высунув от радости язык, Монька, не выглядывают в коридор мама и бабушка. Будто нет никого дома, но этого не может быть! Время девять вечера, куда бы все могли подеваться? Словно ответом ей негромкие голоса со стороны кухни. И почти одновременно она замечает чужую обувь - мужские туфли размера этак сорок пятого плюс еще сколько-то. И как-то сразу она понимает, кому принадлежит эта обувь. Но, видимо, свой лимит по потрясениям она на сегодня исчерпала, и даже не ёкает ничего внутри. И поэтому Людмила просто проходит вглубь квартиры.

На их крошечной кухне непривычно многолюдно и очень тесно. Мама, бабушка... Григорий, сидящий на табуретке за столом. Даже Монька тут, устроился у колен Гриши и признаков агрессии или недовольства не демонстрирует. День завершается более чем неожиданно.

- Добрый вечер.

Никто с ней, похоже, здороваться не собирается, Гриша смотрит на нее серьезно и молчит, мама с бабушкой переглядываются. А потом Фаина Семеновна берет с подоконника теплую пуховую шаль, накидывает на плечи.

- Ладно, пойдем мы на часок к Лидии. Она там какой-то кекс мудреный испекла, звала пробовать. И кино заодно посмотрим, втроем все веселее. Идем, Антонина.

В гости к соседке? В десятом часу вечера? Все удивительнее и удивительнее. Но дальше происходит еще более странное. Бабушка наклоняется вдруг к Грише, целует его в лоб и, мелко перекрестив, выходит с кухни, даже не посмотрев на Люсю. Мама тоже выходит, не удостоив дочь взглядом. Щелкает замок входной двери. И они остаются не только на кухне, в квартире одни. Если не считать Монти.

- Гриш, что тут происходит? - она по-прежнему стоит в дверях кухни.

Он тоже встает. Места снова становится очень мало. Гриша тяжело вздыхает, смотрит в окно, потом на часы на стене. Руки совершают путешествие - левая из кармана брюк до затылка, и снова в карман, правая рвано постукивает по столу. Он выдает еще один горестный вздох и, наконец-то, решается посмотреть ей в глаза.

- Слушай, Люсь... Наверное, есть какие-то правила, как это делать... Ну, там на колени вставать, кольцо вручать. Но... на колени вставать не буду - не имею такой привычки. А кольцо... да не угадаю я с размером ни в жизнь! Лучше с тобой вдвоем потом поедем и купим сразу оба, ладно? Тьфу! - перебивает сам себя. - Все задом наперед! Люсь, я что сказать-то хотел. Выходи за меня замуж.

Почему-то четкое ощущение, что это происходит не на самом деле. Истерзанная нервная система просто отказывается принять это. Что то, о чем она мечтала буквально полчаса назад, вот так вот буднично происходит у них на кухне.

- Замуж?

- Угу. За меня, - зачем-то еще раз уточняет он.

- Гриш... А... почему... ты вдруг решил? - кажется, что рот говорит сам по себе, отдельно от головы. Губы произносят что-то самостоятельно, потому что в голове совсем пусто.

- Ну как... - он слегка растерян. - Положено же...

Положено? Что там и кем у него положено?! И Люся вдруг понимает, что ей сейчас гораздо важнее этого абсурдного предложения руки и сердца. Что она хочет от него услышать. Очень хочет. Смертельно и сию секунду. Пан или пропал. Мало ли, что у него там положено. А у нее положено по-другому!

- Гриша, а ты ничего не забыл мне сказать?

- Забыл? - он моргнул недоуменно. - Ну, я не знаю... Жить мы будем пока вот в той квартире, где я сейчас живу. Потом, как дела у нас в бизнесе более-менее нормально пойдут, я дом начну строить. Я участок хороший знаю, поближе к городу, место удобное, - он помолчал, будто собираясь с мыслями. - Машину я на тебя перепишу, отремонтирую и перепишу, я знаю, она тебе нравится. Это будет мой свадебный... хм... подарок. Что еще? Родным твоим будем помогать материально, я понимаю, что им без тебя будет... непросто. Собаку с собой заберем, на кой им этот крокодил - не справятся. Ну, вроде бы все... Ничего не забыл.

- Ты издеваешься?!

- Нет, - он и в самом деле растерян.

- Так, Свидерский! - она решительно упирает руки в бедра, а он вдруг понимает, что первый раз она его называет так, по фамилии. - Прекрати мне морочить голову всякой ерундой! Скажи - ты меня любишь?!

- А... ну, Люсь, зачем бы я стал это все делать...

- Откуда я знаю - зачем?!

- А так... непонятно?

- Непонятно!

Голос ее звучит громко, Люся почти кричит. А ведь в таком тоне она с ним говорит тоже впервые. А еще ему кажется, что глаза ее подозрительно блестят. Неужели, только из-за того, что он сразу не сказал... Да он просто предположить не мог, что это так важно... и что она не догадывается сама...

- Лютик, конечно. Конечно, люблю. Я не умею говорить красиво, ты же знаешь. Но я никому раньше... - он делает шаг к ней и едва не теряет равновесие, запнувшись о собаку. Далее следуют по очереди витиеватые ругательства и рычание. - Да что же такое?! Вечно у меня все... Так, Монти, а ну-ка отпусти штаны, я кому сказал! Все, мое терпение лопнуло!

Григорий приседает на корточки, оказавшись нос к носу со скалящим зубы ротвейлером.

- Слушай меня, Пантелеймон! Это, - указательный палец утыкается в Люсино колено, - моя женщина. МОЯ, ты понял? И вообще, я тут теперь главный, ясно тебе, чудище зубастое?

Спустя несколько секунд Монти опускает голову, подставляя крутой лоб под широкую мужскую ладонь, признавая власть нового хозяина. Гриша легко треплет пса по ушам.

- То-то же... А теперь марш на место!

Что удивительно, Моня послушно уходит с кухни.

- Вот видишь, - Григорий снова стоит перед ней. - Вот вечно со мной так. Я даже сказать, что люблю, не могу нормально, меня в этот момент собака за ногу кусает. Но это не отменяет того факта, что я тебя люблю. Очень. А ты... ты любишь меня, Лютик?

А вот дальше все наконец-то идет по классическому сценарию, где после признания в любви и предложения руки и сердца девушка бросается мужчине на шею, шепчет "да" ему на ухо и даже плачет. Но

уже - от счастья. Выглянувший было из-за угла Пантелеймон, поняв, что людям сейчас не до него, снова ушел в коридор.

- Люсь, я правильно понял, что нас на час одних оставили?

- Да. Сериал до десяти двадцати идет.

- Отлично! - берет ее за руку. - Показывай свою комнату.

- Гриша! - до нее не сразу, но доходит. - Ты что... ты собрался... здесь... у нас дома?!

- Ага, - он подходит к входной двери и поворачивает внутреннюю защелку. Монти, строго:- Охраняй!

- Гриша!

- Не спорь со мной, женщина.

- По-моему, она нас двоих не выдержит.

- Так, может быть, и не стоит?..

Он садится на кровать, она жалобно скрипит под ним.

- Точно не выдержит, - игнорируя ее последний вопрос и стаскивая с кровати одеяло вместе с покрывалом.

- Гриша, ты сошел с ума!

- И кто в этом виноват? Но не переживай, - он улыбается ей. Он улыбается редко, и именно в этот момент она понимает, почему. Когда он улыбается, отказать ему невозможно, - я позволю тебе быть сверху. А лежать на мне удобно почти так же, как на кровати.

- Господи, Люська, как я дошел до такой жизни...

- До какой это такой? - расслабленным шепотом ему в шею, сейчас слишком хорошо, чтобы думать о чем-то.

- Мне осенью тридцать шесть исполнится, - он медленно перебирает ее волосы. - Уже седина на висках. Я директор и владелец собственного бизнеса, на меня не одна сотня человек работает. А я лежу тут голый на полу...

- И кто виноват? - как-то очень по-девичьи хихикнула Люся. - Не жалуйся теперь.

- А я не жалуюсь.

- И правильно. Слушай, Гриш... - нерешительным тоном произносит она, найдя на полу его руку и переплетя пальцы. - А ты же сегодня... ну... без...

- Людмила Михайловна, ты ведь взрослая женщина и медицинский работник к тому же. Почему ты не можешь выговорить это слово - презерватив?

- Я могу! Но ты же... без него... да?

- Да. Знаешь, начало дня как-то не предвещало, что он закончится вот так. Я не подготовился.

- Ну... просто... может же быть... - ее теплый выдох проходит по его груди.

- Может, - невозмутимо соглашается Григорий. - Я даже надеюсь, что это случится в ближайшем будущем. Я ребенка хочу. Даже двух, наверное. А ты разве не хочешь, Люсь?

- Хочу, - она счастливо зажимается и утыкается носом в его плечо.

А потом им все-таки приходится вставать, причем Гриша ворчит, что теперь она ему должна сеанс массажа, потому что у него затекла спина. А еще чуть позже они пьют чай с принесенным от Лидии Тимофеевны кексом. По-семейному, как говорит бабушка. Люсе ужасно непривычно от такого определения, от своего нового статуса. За Гришу тоже переживательно было, но, как оказалось - зря. Потому что выяснилось, что он два часа ждал ее у нее же дома. За это время успел полностью прояснить свои намерения маме и бабуле, рассказать краткую автобиографию, чуть ли не справку о доходах предоставить. Его даже борщом накормили. Ну и добро, разумеется, выдали. На сватовство.

Так что теперь Григорий чувствует себя, в отличие от нее, вполне комфортно, сидя за их кухонным столом, с Монькой, сложившим морду на его ноги. Гриша со вкусом пьет чай, отдавая должное соседскому кексу, и спокойно отвечает на расспросы Фаины Семеновны. Удивительно, что у них, спустя два часа перекрестного допроса, еще осталось что-то невыясненным. Хотя, зная неумное любопытство этих двоих...

Ей было позволено в одиночку проводить его до двери - никто не вышел из кухни следом. Потому что она провожает... да неужели это правда?... своего жениха. "Люблю тебя" - говорят его глаза и беззвучно произносят губы. А потом он, скупно поцеловав ее в щеку, уходит. Но теперь она знает - совсем скоро они будут вместе навсегда.

Чудеса продолжают. Ей позволили переехать к Грише, несмотря на то, что до заветной печати в паспорте был еще месяц как

минимум. Но ее отпустили "жить в грехе". Видимо, за те два часа, что он ждал ее, Григорий произвел неизгладимое впечатление на ее домашних. "Серьезный мужчина" - вынесла вердикт бабуля, "И положительный" - дополнила мама. Оставалось только сожалеть, что она не видела этот процесс укрощения ее персональных церберов хотя бы в замочную скважину. Но результат, тем не менее, впечатлял: ее отпустили жить к "во всех отношениях серьезному и положительному мужчине". К ее Гришке.

Даже сумки помогли собрать. Более того, выдали невесть откуда взявшееся приданое, о существовании которого Людмила и не подозревала. А тут из неведомых закромов Родины были извлечены комплекты постельного белья, полотенца, еще что-то. Все Люсины попытки возразить были столь решительным образом отменены, что Людмила почла за благо далее не спорить. А Григорий, оценив количество сумок и пакетов, удивленно хмыкнул: "Если бы я знал... я бы грузовик пригнал".

А потом, пока Гриша курсировал между машиной и квартирой, перетаскивая ее вещи, "церберши" неожиданно расплакались, причем обе. И тут Люся совсем растерялась.

- Мам... бабуль... Ну, вы чего? - обнимая по очереди то одну, то другую. - Сами же все хотели... чтобы я... а теперь плачете!

- Так потому и плачем, - очень понятное объяснение! Бабушка вытирает глаза уголком передника. - Ладно, нечего мокроту разводить. И вправду - хорошо ведь все. Будь счастлива, Люсенька, - бабуля притягивает ее к себе, вынуждая наклонить голову, целует в макушку. - Молиться за вас буду.

Потом ее обнимает мать, крепко-крепко.

- Я все, - от двери слышится немного смущенный Гришин голос.

- Ну, езжайте тогда с Богом, - решительно произносит Фаина Семеновна.

- Люсь, тебе неудобно?

- Наоборот, - прижимаясь щекой к его плечу. - Очень удобно.

- Почему не спишь тогда? Устала же, день сегодня суматошный. А завтра вставать рано.

- Понимаешь... - так и не объяснишь сразу. Непросто это - уснуть на новом месте. Она и за городом тогда не смогла сразу уснуть, хотя там предыдущие события как раз способствовали быстрому отходу ко сну. А сегодня даже этого нет, и причина - в ней. Менструация

началась два дня назад. А ведь она даже помечтать успела чуть-чуть - а вдруг? Ну, а вдруг вот прямо так сразу и случится? - Непривычно просто, - наконец-то подбирает слово Люся.

- Да матрас вроде бы хороший, ортопедический. Мне нравится.

- Не в матрасе дело.

- А в чем?

- В тебе.

- Отпустить тебя? - со вздохом разжимает руки.

- Не отпускай! - перехватывает его за локоть. - Обнимай, давай.

Гриш... А ты, правда, этого хочешь?

- Очень хочу. Но тебе же нельзя.

- Что? Ты о чем?.. Гриша! Я про другое!

- Какое такое другое?

- Ты действительно... хочешь жениться... на мне?

- Людмила Михайловна... - он преувеличенно громко, демонстративно вздыхает. - А не вы ли со мной намеренны в ЗАГСе были, заявление подавали? Или это я с кем-то другим там был? Запомню...

- Перестань! - он получает шутливый тычок в бок. - Я серьезно.

Ты же раньше никогда до этого...

- И что теперь - крест на мне ставить?

- Гриша!

- Ладно, я понял, о чем ты, - он обнимает ее крепче. Какое-то время молчит, видимо, собираясь с мыслями. - Я сначала работал очень много, Люсь. Вот, правда.... Пахал так, что не до женитьбы было. Знаешь, я так уставал, что у меня даже иногда по несколько месяцев не бывало... женщины. Не до них было, - тут он хмыкнул, как ей показалось, смущенно. - В общем, пока сам на ноги встал, пока Гошку поднял... Мать умерла потом. А когда у нас дело пошло... когда деньги появились... Вот говорят - жить для себя. И мне захотелось пожить для себя. Мы всегда с мамой жили скромно, детство и юность у меня были... спартанские. А тут возможности появились. Машины менял каждый год, если не чаще, квадрик купил, снегоход. Игрушки для больших мальчишек, - усмехается. - Поездил немного, места интересные посмотрел, какие хотел. Ну, так, у нас больше, но и за границей тоже. И как-то вот даже мыслей не возникало - про жену, детей. Да еще Лариса... - тут он осекся, почувствовав, как напряглась Люся под его руками. - Ладно, про нее

не буду. А потом с Гошкой беда случилась и... и следом я встретил тебя.

- И?

- И... вот.

- Гриша!

- И влюбился, - капитулирует он со вздохом. - Первый раз в жизни, наверное. Если по-настоящему... Довольна?

- Очень, - трется носом о его щеку.

- Тогда спи, - усмехается. - Спокойной ночи... любимая.

Она словно ждала этих слов, и спустя минуту шею ему греет ее теплое мерное дыхание. Люся заснула. Впрочем, он тоже почти тут же засыпает.

Она сладостно привыкает к тому, что живет с мужчиной. Все вновь, все непривычно. И очень ей нравится. Ей даже нравится гладить его рубашки. Наверное, потом она привыкнет, и это станет просто обычной домашней работой. А сейчас нравится - и все тут!

А еще, может быть, это выглядит со стороны смешно, но она иногда в ванной комнате снимает колпачок с его пены для бритья и подносит к лицу. Это его запах, который ей теперь так знаком. И этот запах ей нравится до головокружения.

А еще ей нравится смотреть на него спящего, особенно по утрам. Она иногда просыпается до звонка будильника и смотрит. Говорят, тот, кто любит жену, бреется с вечера, а кто любит начальника - с утра. Вряд ли кто-то может сказать про Григория Свидерского, что тот любит начальника, тем более, что начальника у Григория Сергеевича нет. А если бы спросили самого господина Свидерского, то он бы сказал, что никого не любит так, как свою Людмилу. Но бриться по утрам - это многолетняя привычка, которой он не изменяет. И теперь, в тусклом предрассветном сумраке, отчетливо видно пробивающуюся темную щетину. Люся легко проводит по щеке, хотя точно знает, какая она на ощупь. И каждая тонкая ниточка морщин возле глаз ей тоже знакома. Взгляд ее опускается вниз. Широченные плечи и грудь с темными волосами. Она уже привыкла к его телу, но все равно не может не любоваться. Тем, какой он большой и такой... настоящий. Рядом с ним Люся чувствует себя женщиной - хрупкой и имеющей право на слабость. Только рядом с ним она такая. Потому что он - ее любимый, единственный, самый-самый.

- Люся, не смей идти у него на поводу! - негодует Георгий.

- Гош, - Люся смущенно улыбается. - Да я тоже не особенно хочу. Это наше общее решение.

- Чушь! - Георгий безапелляционен. - У каждой женщины в жизни должны быть белое платье, фата, букет, лимузин и что там еще положено!

- Слышу прямо слова эксперта, - вмешивается в дискуссию Гриша.

- А ты вообще молчи! Раз в жизни женишься, мог бы как надо все сделать.

- Гошенька, - Люся пытается урезонить брата будущего мужа. - Ну, зачем нам все это? Честное слово, не хочу - ни платье белое, ни лимузин. Я, наверное, - она усмехается, - вышла из этого возраста.

- Жениться никогда не рано и никому не поздно, - парирует Гоша киноклассикой. - Ну, должна же у вас остаться память какая-то об этом событии? Или что - приехали, расписались и домой - пельменями обедать? А медовый месяц? А свадебное путешествие?

- Жорка, ну ты же прекрасно знаешь, что я сейчас не могу никуда ехать, - на помощь жене приходит Григорий. - Вот летом мы обязательно... если получится.

- Я так и знал, что это твои гнилые инициативы, и ты Люсю сбиваешь с пути истинного! Я буду жаловаться!

- Прокурору? - усмехается Гриша.

- Фаине Семеновне! И Антонине Вячеславовне!

- А они, между прочим, с нами согласны, - смеется Люся.

- Боже мой... - Георгий демонстративно закатывает глаза. - Ни на кого надежды нет! Когда регистрация?

- Через две недели, в субботу. В девять утра.

- Только ты, Свидерский, можешь жениться, когда все нормальные люди спят! Так, ресторан я закажу часов на пять вечера. Вы двое, я, Фаина Семеновна, Антонина Вячеславовна. Лютик, пара симпатичных подружек невесты будет?

Григорий громко раскатисто хохочет. А после, отсмеявшись:

- А я-то думал, из-за чего весь этот сыр-бор со свадьбой...

Невеста была невозможно хороша в жемчужно-сером кружевном платье на шанжановом чехле. Просто убранная назад парой красивых заколок копна волос, перламутровый браслет на запястье и туфельки

с серыми атласными ленточками на щиколотках. Жених был сверх обыкновения молчалив, но выглядел чрезвычайно внушительно в классическом черном костюме с белоснежной рубашкой и белой же атласной бабочкой. Общее впечатление портила только пара порезов на свежевыбритых щеках и легкая испарина на лбу. А еще пальцы у Григория отчего-то дрожали так, что Люсе пришлось ему помогать надеть ей кольцо на палец. И расслабился он уже совсем после, когда они с молодой женой вышли, наконец, в холл ЗАГСа, и он залпом выпил бокал холодного шампанского. Вот тогда его, наконец-то, отпустило. А уж когда они оказались на улице и подошли к машине, то тут Гриша просто согнулся пополам от хохота. Потом спохватился - не обиделась ли Люся. Людмила рядом с его братом чуть ли не плачет от смеха. Перед ними его "Тундра", на которой рядом с Шреком пририсована принцесса Фиона в свадебном платье. А рядом с машиной стоят, сияя, как две галогеновых фары, Палыч с Леонидом.

Гошка уболтал, ухохотал и утанцевал всех четырех дам. Вальсировал с Антониной Вячеславовной, ходил курить на улицу с Викой, откуда приводил свою даму, способную только стонать от смеха. Жаловался Маргарите на комплексы, сформированные под влиянием старшего брата, а от Фаины Семеновны дождался-таки ласкового определения "ирод", но даже ее сумел вытащить из-за стола на медленный танец. Лишь к новобрачной Гошу не подпустили, и Люсе было позволено танцевать только с мужем. Впрочем, абсолютно никого это не расстроило. В общем, удалась свадьба.

- Гриш, помоги замок расстегнуть, - она поднимает тяжелую копну волос от шеи.

Плавное расходится "молния", Григорий двигает ткань вперед, и платье сползает вниз, чуть задержавшись об эффектные округлости, затянутые кремовым атласом и кружевом. Люся оборачивается к нему лицом, отпустив на волю волосы.

- Ого... почему я не видел этого на тебе раньше?

- Потому что на это позволено смотреть только законному супругу.

- Знаешь, - проводя пальцем там, где заканчивается кремовое кружево и начинается гладкая упругая плоть, - только ради этого стоило жениться.

- Ну, вот, - Фаина Семеновна со вздохом протирает и без того чистый кухонный стол, - одну к делу пристроили. Теперь можно и о второй подумать.

- Второй? - смеется Антонина. - Мама, я о тебе чего-то не знаю? У тебя две внучки?

- У меня дочь незамужняя.

- Я разведенная, - поправляет Антонина мать. - И потом, я уже вышла из призывного возраста. Да и не хочется. Привыкла я одна.

- Привыкла она! - фыркает Фаина Семеновна. - А о других подумать? Так и будешь ему только пироги таскать?

Тоня мгновенно грустнеет.

- Мам, он к себе не подпускает. Ты же знаешь - гордый. И жизнью битый. Помнишь, его жена бросила после того, как он...

- Тем более! Хватит Валентину бобылем жить. Да и нам тоскливо без Люси будет.

- Мам, он не согласится. Говорю же - гордый. Жалости к себе не терпит.

- А кто о жалости говорит? - мать садится за стол, напротив. - Не жалость это.

- А что?

- Ох, Тоня, Тоня... люди тем от зверей и отличаются. Что руку могут протянуть, плечо подставить. И не обидеть человека при том.

- Нет, - Антонина невесело качает головой. - Не согласится он. Точно тебе говорю.

- А ты спроси! Не переломишься. За спрос денег не берут.

Он стоит лицом к окну. Как будто смотрит на то, что там, за стеклом. А там, на улице, уже совсем весна, яркое солнце и капель. Но он этого не видит.

- Здравствуй, Тоня, - Валентин говорит первым.

- Здравствуй, Валентин, - она проходит в кабинет. - Слушай, все спросить хочу. Как ты узнаешь, что это я?

- Походка, - он оборачивается на звук ее голоса. - Я шаги твои знаю.

У Валентина светлые глаза. Голубые. Красивые, если бы не этот неподвижный взгляд. Который он, как правило, прячет за темными очками.

- Сегодня твои любимые. С картошкой и грибами, - Антонина кладет пакет с пирогами на стол.

- Фаине Семеновне мое почтение.

- Передам. Я пойду, чайник поставлю, пообедаешь?

- Хорошо.

Но Антонина медлит отчего-то. Если решаться на этот разговор, то почему не сейчас? Пока есть хоть какая-то смелость после вчерашних слов матери.

- Валь, я поговорить с тобой хочу.

- Ну, давай поговорим.

- Иди сюда, - она садится на массажную кушетку, хлопает рядом, чтобы он услышал. А потом, уже почти не удивляясь, смотрит, как он уверенно проходит к месту. Он как-то рассказывал ей, что знает свой рабочий кабинет с точностью до полшага. И все меряет шагами.

А начать страшно. Вот страшно и все тут. Она вздыхает. Взрослая женщина, мать тоже уже взрослой, замужней дочери. А волнуется, как девчонка.

- Тоня, если тебе неприятен этот разговор, то и не начинай.

Ее всегда удивляло, как много он слышит. Как угадывает только по голосу, какое у нее настроение.

- Дело не в том, что разговор неприятный.

- Но ты боишься чего-то.

- Я боюсь, что ты... откажешься, - слова вылетели сами собой.

Валентин молчит какое-то время. Сидит неподвижно. А потом произносит ровно:

- Вот ты о чем... Да, откажусь.

- Валя!

- Антонина, не начинай, прошу.

- Почему?!

- Скажи мне, Тоня, - он поворачивает к ней лицо. - А еще лучше - внимательно посмотри на меня, Тоня. Я слеп. Я инвалид. Я буду только обузой. И... я привык один.

- Может быть, я хочу о тебе заботиться! Если хочешь быть один - так и скажи. Но не решай за меня, чего хочу я!

- Тоня... Ну зачем?..

- Я тебе все сказала, - Антонина чувствует, как на глаза наворачиваются слеза. Но он их не увидит.

- Тонечка... ты плачешь?

- Нет.

- Плачешь. Неужели из-за того, что...

- Между прочим, - она вздыхает, вытирает слезы со щек, - это мужчине положено уговаривать женщину, а не наоборот.

- Я бы уговаривал, Тонь. Если бы имел право... Если бы мог рассчитывать... Между прочим, ты мне еще в студенчестве нравилась. А ты так скоропалительно выскочила замуж.

- Быстрее соображать надо было, Валентин Алексеевич! И вообще, ты сдал себя с потрохами, ты знаешь? Твои слова я воспринимаю как капитуляцию.

- Тонечка, не надо...

- Тонечкой будешь меня называть, когда жить к нам переедешь!

- Тоня... - он грустно усмехается. - Ну, вот скажи мне, зачем тебе я?

- Между прочим, ты очень привлекательный мужчина. До сих пор. Вон, стройный какой, не чета мне.

- Очень привлекательный... просто до слепоты.

- Дурак ты, Валька. Кстати, в этом есть и плюсы.

- Да? И какие это?

- Во-первых, ты не будешь замечать, если дома беспорядок. И что на мне бигуди, нет косметики и старый халат. А во-вторых, ты помнишь меня тридцативосьмилетней. И не знаешь, как я постарела.

- Тоня... - Валентин горько улыбается, качает головой. - Ох, Тоня, Тоня...

- Если я сейчас уйду, - произносит она чуть слышно, - то больше не приду сюда.

- Не надо, - он безошибочно находит ее ладонь на массажной кушетке. - Не уходи.

Григорий любит просыпаться раньше и смотреть на нее спящую. Вот сейчас Люся лежит, повернувшись к нему спиной, хотя так бывает редко. По подушке растекся водопад ее волос. Тоненькая бретелька пересекает округлое плечо, норовя сползти. Гриша потерпел сокрушительное поражение в борьбе с ее пижамами, так и не добившись желанной обнаженности любимой женщины в постели. Ну, за исключением очевидных случаев. Но, по крайней мере, кошмарные пижамы с зайцами сменили шелковые сорочки, которые были приятны на ощупь. Да и на взгляд - тоже.

Он легко трогает бретельку пальцем, и она сползает окончательно, совсем оголяя плечо. Красиво. Он прикасается к теплой коже губами, Люся сонно вздыхает, поворачивается на спину.

- Уже пора? - бормочет она, не открывая глаз.

- Через пару минут будильник зазвонит, - он изучает такое знакомое лицо: аккуратный нос, мягкие губы, заметный только на ощупь детский пушок над верхней. Открываются серо-голубые глаза. Улыбается ему.

- Доброе утро, Гришенька.

- Доброе, - на сожаление ему краткий поцелуй в теплые, еще сонные губы. - Вставай. Я пойду кофеварку включать и крокодила выгуливать. Уже скребется под дверь.

Кофе по утрам всегда готовит он. Им нравится одинаковый - умеренно крепкий и без сахара. Пока Гриша гулял с собакой, Люся сделала бутерброды. А во время завтрака звонит ее телефон. Это что-то совсем из ряда вон выходящее - когда работа начинает ее беспокоить в полвосьмого. Если это не родные, конечно. В любом случае, этот ранний звонок ему не нравится, и он внимательно прислушивается к разговору. Кажется, все-таки с работы. Совсем обнаглели!

- Что случилось? - едва она успевает закончить разговор.

- Заведующая звонила. У нас там авария рядом с "Фламинго", воду отключили. Сказала, что мы сегодня не работаем - без воды там делать нечего, не положено по нормам санитарным.

- То есть, тебе на работу не надо?

- Только в два, - она слегка растеряна. - Когда первый сеанс на дому. А до двух... окно, получается.

- Так это же хорошо. Иди, поспи. Не высыпaeшь же.

- А ты?

- А я поеду на работу, - со вздохом. - Кто же меня отпустит?

- Жаль, - Людмила встает со своего места, подходит к нему, обнимает за плечи. И, наклонившись к уху: - Не хочешь сеанс массажа? Индивидуальный? Я могла бы... очень тщательно надо тобой поработать...

- Люся... - стонет он. - Прекрати! У меня на девять совещание назначено!

- Прости-прости, - целуя его в макушку и разгибаясь. - Конечно, езжай. А я, пожалуй, и правда пойду, попробую поспать, раз уж такой шанс выпал.

Она не спеша выходит из комнаты, на ходу расстегивая пуговицы на синем джемпере. Он остается один и смотрит на телефон, лежащий тут же, на столе. Размышляет Григорий недолго.

- Олеся, отмени совещание, у меня срочные дела. Буду позже.

- Людмила, ты мне обещала! Что никаких сеансов после семи! - любимый мужчина, он же теперь - законный супруг, не стесняется в демонстрации негодования.

- Гриша, это особый случай. И особый клиент.

- Мужчина?

Его ревность была бы так лестна, если бы не доставляла ей столько проблем. И так пришлось существенно пересмотреть свою клиентскую базу, потому что реально же до скандалов доходило. Смешно... и не смешно одновременно. Когда Гришка злится, это выглядит очень не смешно. И объяснять ему бесполезно, собственник чертов.

- Гриша... он парализованный. Пожалуйста, пойми, ему нужно. Я много лет с Александром Андреевичем работаю.

- Ладно, - он морщится недовольно, но соглашается. - Люся, но помни - ты мне обещала!

- Да, конечно, дорогой, - она примирительно целует его в упрямо выдвинутый подбородок. - Это исключительный случай.

- У тебя все случаи исключительные, - ворчит он. - А мы с тобой договаривались, что ты будешь работать только во "Фламинго"!

- Со временем - обязательно. Гришенька, но я не могу так сразу людей бросить! Я сокращаю, правда. Я помню...

- Что-то я не замечаю, - он по-прежнему неуступчив. - Между прочим, я консультировался с Валентином Алексеевичем.

- На какой предмет? - Людмила округляет в изумлении глаза.

- На твой! Он мне сказал... - тут Григорий лезет во внутренний карман пиджака, достает какую-то бумажку, вглядывается в буквы, - где-то я тут записал... Вот! Наружный эпикондилит плеч, теносиновит сухожилий мышц-сгибателей, синдром запястного канала...

- Гриша, что это?!

- Это то, что тебя ждет, если ты не перестанешь так впахивать!

Она не знает, плакать или смеяться. И Валентин Алексеевич туда же, предатель. А еще учитель называется!

- Гриша, да все не так страшно, поверь мне.

- Я не собираюсь проверять это на практике! И потом, в этом вопросе я Валентину верю больше чем тебе. Люся, ты мне обещала, что свернешь частную практику.

- Обязательно, любимый. Просто дай мне время на это.

- Люся, я занят. Срочное что-то? - слегка раздраженно в трубку.

- Нет, солнышко, ничего срочного, - невозмутимо отвечает она. - Я позвоню попозже. Удачи.

- Занят? - Георгий изумленно выгибает бровь, глядя на телефон в руке брата. - Это что-то новенькое. С каких это пор ты для бываешь для Люси занят? Тем более, что и не занят вовсе?

- А вот так вот.

- Ага, - понимающе улыбается младший, - воспитываешь женщину?

- Пытаюсь, - вздыхает Григорий. - По-моему, не очень успешно. Опять вчера в восемь вечера домой пришла. Ну, куда это годится - жена приходит домой позже мужа?!

- Бедненький... И ужин тебе никто не приготовит...

- Да не в ужине дело! И его готовят, кстати. И вкусно. Но ведь... - он качает головой, - неправильно это.

- Да не переживай так. Вот забеременеет Лютик - и все само собой образуется.

- Скорее бы уж.

- Может быть, ты что-то не так делаешь? - смеется Георгий. - Я могу помочь... В теории, разумеется!

- Иди к черту, - старший не поддается на провокацию. - А вот насчет помощи... Есть разговор.

- Внимаю с трепетом.

А Григорий в ответ молчит, в упор глядя на младшего, сидящего напротив него, через директорский стол.

- Свидерский, не пугай меня, - Гоша перестает улыбаться. - Последний раз ты был такой серьезный, когда собирался делать предложение жене. Что на сей раз?

- И на сей раз предложение.

- Кому и какое?

Выслушав предложение, младший недоверчиво смотрит на старшего.

- Гришка, ты шутишь?!

- Если верить тебе, то у меня нет чувства юмора, - Григорий невозмутим. - Поэтому - нет, не шучу.

- Но ты же не можешь говорить это всерьез?..

- Абсолютно серьезно.

- То есть... ты хочешь... чтобы я, - Гоша показывает пальцем на себя, потом на брата, - чтобы ты...

- Жорка, я устал. Вот реально... задолбался. А у меня, между прочим, молодая жена. Я молодожен, если что! И вообще, мне надо женщину воспитывать. И ребенка в скором времени, я надеюсь. В общем, время мне нужно, Гош. Время и силы. А работа эта все пожирает... А ты, я уверен...

- Гришка, это же твоя компания! Ты ее создавал. Ты в нее вложил. А теперь ты готов передать управление мне?!

- Мы оба в нее вложились. Вдвоем ее вытаскивали. Еще неизвестно, смог бы я это сделать без тебя.

- Без меня тебе бы не пришлось ничего ниоткуда вытаскивать!

- Перестань, - морщится Гриша. - Дело прошлое. Я уверен, что ты выводы сделал.

- И ты готов... - Георгий все никак не может поверить в то, что услышал, - готов уступить свое место мне? Настолько веришь мне, что готов отдать мне дело всей своей жизни?

- Ни секунды не сомневаюсь, что ты справишься с этим не хуже меня. А, может быть даже, - Гриша усмехается, - и лучше. Ведь ты же у нас умник с высшим образованием.

Георгий сидит по-прежнему с ошарашенным видом. Допивает залпом остывший кофе. И спрашивает вдруг первое, что приходит в голову:

- А ты? Ты чем будешь заниматься?

- Ну... Я надеюсь, ты возьмешь меня к себе заместителем по производственной части. К машинами поближе.

- Нет, ты вот это все серьезно?!

- Молодым везде у нас дорога, - кивает Григорий, тщательно пряча улыбку.

- Что, и подчиняться мне будешь?!

- Конечно. Успех любого бизнеса строится, в том числе, на непререкаемости авторитета руководителя.

- И спорить не будешь?

- Если не будешь чушь пороть...

- Ага! Я так и знал!

Григорий уже не может удержаться и смеется.

- Гошка, хорош выпендриваться, - он встает с места и отходит в сторону. - Давай, присядь, попробуй. Тебе понравится, я уверен.

Какое-то время Георгий испытующе смотрит на старшего брата. А потом решается. Подходит к огромному директорскому креслу черной кожи и, постояв в нерешительности, все же садится. Гриша же, наоборот, проходит на место, где недавно сидел брат.

- Ну и как тебе там?

Гоша сначала молчит, будто прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. А потом кивает решительно:

- Нравится!

- Я так и думал, - широко улыбается Григорий.

- Знаешь... - младший задумчиво смотрит на старшего, - а отсюда, с этой стороны стола, все выглядит совершенно по-другому.

- И как же?

Георгий откидывается назад в кресле, демонстративно барабанит по поверхности стола.

- А вот что, Гришенька, голубчик... принесите-ка мне кофе... с коньяком.

Григорий хохочет, запрокинув голову. А потом демонстрирует новому генеральному директору средний палец.

- Георгий Александрович, вон там на аппарате есть кнопка. Нажмите ее и скажите это Олесе Сергеевне. И будет вам кофе. А где коньяк - ты знаешь сам.

- Что, и коньяк мне оставишь?

- Нет, с собой заберу!

- В таком случае... Я согласен! От такого предложения просто грех отказываться.

- Я в тебе не сомневался.

- Олесечка, это Людмила Свидерская.

- Здравствуйте, Людмила Михайловна.

Попытки наладить более неформальные отношения с секретаршей мужа так и не увенчались успехом. Олеся упорно величала Люсю по имени-отчеству и на "вы", но бывала всегда крайне любезна и предупредительна.

- Олеся, Григорий Сергеевич у себя?

- Да, Людмила Михайловна. У него Георгий Александрович. Соединить?

- Не надо, - Люся улыбается. - Передай ему сообщение.

- Записываю, Людмила Михайловна.

Люся улыбается шире.

- Мы беременны.

Карандаш в руках секретарши замирает над листом бумаги, не успев ничего на нем написать. А потом, забыв о субординации, Олеся кричит в трубку, громко, с эмоциями:

- Людмилочка Михайловна! Как же я за вас рада!

- Спасибо, Олеся. Передашь? Надеюсь, Григорий Сергеевич не будет тебя слишком ругать за такое... сообщение.

- Я даже думаю, что могу рассчитывать на премию за это, - смеется секретарша.

Он перезвонил через полчаса. Разумеется, орал.

- Люся, почему я должен узнавать об этом таким образом!?!

- Ты был занят, милый, - воркует она в трубку, шагая по подземному паркингу. А в ответ вдруг молчание.

- Гриша?.. - она останавливается.

- Лютик, ты... ты ведь не пошутила? - теперь его голос звучит очень тихо, едва слышно.

- Гриша, как я могу шутить... о таком? Это правда.

Его шумный выдох отчетливо слышно даже по телефону.

- Я еду домой! Ты скоро будешь?

- Я уже дома. Жду тебя.

- Лечу!

Она сидит в кольце его рук, прижимаясь спиной к Гришиной груди, ладони его греют ее живот.

- Старшего сына назовем Романом.

- Старшего сына? - она улыбается, но он не видит.

- Угу. А второго - Игорь.

- Роман и Игорь, значит... - она продолжает улыбаться. - А почему именно такие имена, можно поинтересоваться?

Он наклоняет голову вперед, пряча лицо в ее волосах.

- У меня друга два были в десанте - Игорян и Ромка. Мы перед дембелем пообещали друг другу... Смешно, да?

И в самом деле - забавно. Но она помнит его рассказы об армии, понимает, что это был важный этап в его жизни. И все равно удержаться не может.

- А третьего сына, видимо, мы назовем старшина Петренко?

Гриша весело хмыкает.

- Старшина Пилипенко, - поправляет ее он. - Но мне и двух сыновей вполне хватит.

- А если я хочу дочь?

- Ну, вот ее и назовем... старшина Пилипенко.

Люся звонко смеется, он вторит ей своим низким смехом.

Вы можете мне не верить, но почти так оно и случилось.

Старшего сына действительно назвали Ромкой. Игорь родился через три года после Романа. А родившуюся еще спустя четыре года дочь, папину любимицу, Григорий назвал Ниной - в память о своей матери